

У $\frac{291}{107}$

$\frac{801-11}{768}$ 9

БОЛЬШАЯ БАРЬЕЯ.

Сочинение

В. Волларларскаго.

3-4-11
4.1-2

Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, въ 1852 г.

Москвѣ, въ Университетской Типографіи, въ 1852 г.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1852.

БОЛЬШАЯ БАРЫНЯ.

ЧАСТЬ I.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. Москва, Марта 14-го дня 1852 г.

Цензоръ, Дѣйствительный Статскій
Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

2007082473

Въ отдаленномъ уездѣ одной изъ западныхъ губерній, на весьма неживописномъ берегу рѣчки Коморца и поднесъ красуется усадьба, принадлежавшая некогда Петру Авдѣвичу Мюнабы-Полевелову. Усадьбу эту получилъ Петръ Авдѣвичъ въ наследство отъ отца своего, умершаго въ 18.. году. Петръ Авдѣвичъ служилъ тогда въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ штаб-ротмистромъ и считался ѣздокомъ. Не имѣя ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, штаб-ротмистръ, какъ единственный наследникъ родителя, почелъ за лучшее выдти въ отставку. Онъ былъ широкоплечій малый, лѣтъ двадцати осьми, роста средняго, съ красными руками и лицомъ довольно обыкновеннымъ. Волосы его были черны и жестки, лобъ малъ, глаза безъ выраженія,

зубы бѣлы и усъ длиннѣе всѣхъ усовъ бригады, въ которой служилъ Петръ Авдѣвичъ; усъ этотъ начинался подъ носомъ, не останавливаясь, проходилъ мимо угловъ рта и терялся подъ самымъ подбородкомъ.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ родителя огорчила штаб-ротмистра; онъ не плакалъ — это правда; но не проходилъ мимо его ни одинъ офицеръ, ни одинъ лекарь, ни одинъ аудиторъ, которому бы Петръ Авдѣвичъ не сказалъ:

«А знаете ли? вѣдь батюшка-то умеръ, вообразите себѣ.» И высказавъ это, онъ въ задумчивости брался за усъ, тянулъ его внизъ, клалъ его въ ротъ и проходилъ далѣе.

Первую ночь сиротства своего провелъ штаб-ротмистръ тревожно; но слѣдующія менѣе тревожно, а чрезъ недѣлю, засыпалъ скоро, спалъ крѣпко и просыпался въ обычный часъ. Несправедливо было бы упрекать въ нечувствительности сердце Петра Авдѣвича; сердце его съ девятилѣтняго возраста отдано было вмѣстѣ съ нимъ въ одно изъ учебныхъ заведеній и, въ продолженіи очень долгаго времени, билось это сердце на родительской груди одинъ только разъ. Обязанности службы и далекое разстояніе уничто-

жали всякую возможность частыхъ свиданій сына съ отцемъ, а потому и смерть родителя умѣренно поразила дѣтище.

Въ одинъ изъ майскихъ ясныхъ дней 18... года, перекладная почтовая тѣлега остановилась у деревяннаго домика сельца Костюкова Колодезь тожъ (такъ звали помятое штаб-ротмистра); съ тѣлеги соскочили, покрытый грязью, небритый Петръ Авдѣвичъ и камердинеръ его желтовласый дѣтина лѣтъ тридцати. Цѣлые пять лѣтъ не видалъ усадьбы отца своего штаб-ротмистръ, цѣлые пять лѣтъ не билось сердце его при встрѣчѣ съ знакомыми мѣстами, съ полуразвалившейся часовнею, съ толстымъ развѣсистымъ дубомъ, съ деревушкою, служившею предмѣстемъ Костюкову, съ обрывистою дорожкой, пролежавшею по берегу Коморца, и наконецъ съ самымъ дворомъ усадьбы, отгороженнымъ словами кольями отъ фруктоваго сада и хозяйственныхъ строеній. Въ этотъ прїездъ Петръ Авдѣвичъ не шепталъ про себя: «помяни Господи царя Давида и всю кротость его,» не бросался съ невольнымъ трепетомъ къ рукъ строгаго и суроваго отца; онъ безъ страха вылезъ изъ тѣлеги; но тѣмъ не менѣе въ глазахъ его изобразилась глубокая печаль и онъ не разъ

отворачивался от прикащика, прежде чѣмъ вошелъ въ прихожую опустяго родительскаго дома.

«Здорово, Кондратій, здорово Егорычъ,» проговорилъ молодой помѣщикъ дрожащимъ голосомъ и цѣлуя въ сѣдую голову шестидесяти-лѣтняго прикащика пошлой наружности; прикащикъ, неуспѣвшій удержать пойманную имъ невзначай барскую руку, поцѣловалъ барина куда попало и бросился отворять дверь въ залу.

Въ такъ называемой залѣ, то есть небольшой комнатѣ съ пятью окнами, кривымъ поломъ и плетеными стульями, висѣлъ въ зеленыхъ рамкахъ отцовской портреть: на немъ изображенъ былъ Авдѣй Петровичъ въ охотничьемъ нарядѣ съ рогомъ, пороховницею, дробовикомъ, ягдташемъ, ножомъ и арапникомъ черезъ плечо; лицо покойника и глаза смотрѣли прямо передъ собою; ноги, обутыя въ длинныя сапоги, выворочены были наружу, лѣвою рукою держалъ онъ двуствольное ружье, а правую указывалъ собакъ на сидѣвшаго въ кустъ бекаса почти одинаковой съ собакою величины. Позади охотника видѣлся домъ и строеніе Костюкова, а позади стреній художникъ изобразилъ нѣчто среднее между небомъ и землею.

Штаб-ротмистръ пріостановился у портрета, пристально посмотрѣлъ на него и, вздохнувъ глубоко, прошелъ въ гостинную, изъ гостинной въ диванную, изъ диванной въ комнату, служившую недавно спальнею Авдѣю Петровичу.

— Я буду спать здѣсь, — сказалъ Петръ Авдѣевичъ прикащику, слѣдовавшему молча за бариномъ.

«Слушаю, слушаю, сударь,» отвѣчалъ старикъ, «но покой этотъ»....

— Батюшкинъ, — прибавилъ штаб-ротмистръ, — знаю!

«Ловко ли будетъ, сударь?»

— Какъ ловко ли? отъ чего ловко ли?

«Такъ, батюшка Петръ Авдѣичъ, все думается, что скончатся изволили....»

— Неужь-то же ты боишься, Кондратій Егоровичъ! — замѣтилъ, улыбаясь штаб-ротмистръ.

«Боятся? чего бояться, сударь? жизнь кончили христіански, бояться грѣхъ, а все думается...»

— Полно, братъ, мертвые не встаютъ; велика послать мнѣ на этой кровати, — вотъ и все. — Видѣлъ ли ты сына, Егорычъ? прибавилъ штаб-ротмистръ, садясь въ кресло; — посмотри какой молодецъ!

«Много доволенъ вашими милостями, батюшка Петръ Авдвичъ,» воскликнулъ прикащикъ, снова бросаясь къ барской рукѣ; «кому же и беречь слугу, какъ не господину; я вашъ слуга.»

— И лихой малой, надобно правду сказать, Егорычъ, проворной такой, хватъ, доволенъ очень.

«А довольна ваша милость, и я спасибо скажу, сударь. Что пьеть онъ, Петръ Авдвичъ?»

— То есть какъ тебѣ сказать? пить-пить; кто же не пьеть? и я пью.

«Ну слава же тебѣ, Господи,» повторилъ старикъ съ умиленіемъ.

— Разульется, случится выпьеть, — продолжалъ, потягиваясь штаб-ротмистръ, — да у меня знаешь, Егорыч, пить пей себѣ — слова не скажу, и пьянъ будь — ничего, ну а ужъ дѣло какое случится, понимаешь?

«Какъ же не понимать, сударь, известно дѣло случится!...»

— Вотъ то-то же; впрочемъ грѣшно сказать, малой на все взять, — послать ли куда, кушить ли что, у полковника вечеръ какой, обѣдъ, принарядится... одно — на руку нечистъ, положишь оплошно, не прогнѣвайся!

«Что вы батюшка, упаси же Господи!»

— Небось думаешь у меня? нѣтъ, брать, за этакое, брать, дѣло онъ знаетъ... ни, ни! — а вотъ у другого кого! мое почтеніе!...

«Ну коли не у васъ, батюшка Петръ Авдвичъ, такъ дѣло другое, а господскаго не тронь, не то не посмотрю, и вы, сударь, не прогнѣвайтесь, такую трепку задамъ!»

— Нѣтъ, нѣтъ, грѣшить не хочу, Кондратій Егорычъ, за моимъ добромъ блюдетъ, какъ слѣдуетъ; нечего пустаго и говорить!... ну скажи же, Кондратій Егорычъ, вспоминалъ ли батюшка обо мнѣ, когда умиралъ?

«Какъ же не вспоминать, Петръ Авдвичъ, вѣдь родное дитя и одни изволили быть у покойнаго барина.»

— Какъ же онъ вспоминалъ?

«А вотъ говорили бывало: гдѣ-то теперь Петруша? чай по фронту, или ученьемъ какимъ заниматься изволятъ, а въ другой разъ, подъ вечеръ, спросятъ карты и гадаютъ, все объ васъ, батюшка, и скоро ли-де женитесь, и какой тамъ чинъ получите, а кончатся стали-съ сердечные, «воду» говорятъ, воды просили, мучились жаждою и чего не дѣлали, нѣтъ видно срокъ пришелъ, сударь, отъ смерти не уйдешь, не спрячешься.»

— Посылали ли вы за лекаремъ, Егорычъ?

«За лекаремъ, батюшка? за лекаремъ-то правда не послали; священникъ же отецъ Аникандръ былъ, и при самомъ издыханіи все находился при баринѣ!... завидная кончина!» Прикащикъ вздохнулъ, окончивъ свое повѣствованіе, а Петръ Авдѣвичъ предельно хотя непродолжительному, но грустному размышленію.

Пока баринъ разговаривалъ съ прикащикомъ, камердинеръ вытащилъ изъ перекладной тѣлги рыжеватой чемоданъ, кожаную сумку, погребецъ, обитый гелячьей шкуркой, кулекъ съ колодками, саблю, завернутую въ свѣтъ съ чубукомъ и пару чудовищныхъ пистолецовъ; все это разложилъ Уляня (такъ звали камердинера) на досчатомъ крыльцѣ, окруженномъ толпою дворовыхъ женщинъ и дѣтей обоюго пола. Когда же, перешаривъ съно, камердинеръ отыскалъ остатокъ стамбулки, то вынулъ изъ кармана шароваръ гарусной кошелекъ, досталъ оттуда мѣдный пятакъ, бросилъ его ящичку, потомъ снялъ фуражку и принялся обнимать поочередно предстоящую публику, надѣлая каждому трема поновѣсными поцѣлуями. Все это происходило въ Костюковѣ Колодезь тожъ — часовъ около двухъ по полудни. Болье получаса употребилъ Петръ Авдѣвичъ

на грустныя и тяжкія размышленія и воспоминанія, но желудокъ штаб-ротмистра, не принимавшій, по видимому, ни малѣйшаго участія въ скорби сердца, шепнулъ наконецъ, что часть обѣденный наступилъ давно.

— А что, братъ Егорычъ, вѣдь поѣсть бы надобно, — сказалъ баринъ, обращаясь къ прикащику.

«Какъ же, батюшка, надобно, особенно послѣ дороги.»

— То-то, Кондратій, да есть ли у васъ чтонибудь?....

«Что вы, сударь, въ господскомъ домѣ, да не найти?.... все есть; прикажете позвать Прокофьича?»

— Живъ развѣ?

«Что намъ старикамъ дѣлается?»

— Такъ позви Прокофьича, или... постой; вотъ что, Егорычъ: потрудись, любезный, приказать ему состряпать такъ чтонибудь; супу не нужно, прахъ ли въ немъ, — а гуся или утку.»

«Слушаю-сь, слушаю-сь.»

— Потомъ ветчишки провѣсной нарѣзать такъ ломтиковъ съ пятокъ, да чтобы салца не отрѣзывалъ прочь.

«Понимаю-сь, понимаю-сь.»

— Или почекъ когда бы достать можно

было, такъ селянку на сковородѣ съ лучкомъ.

«Слушаю-съ, слушаю-съ, батюшка Петръ Авдѣвичъ, извольте быть благонадежны, все прикажемъ мигомъ.»

— Пожалуйста, братцы, поторопитесь.

«Слушаю-съ, слушаю-съ,» повторилъ прикащикъ, пускаясь бѣгомъ вонъ изъ комнаты, въ которой остался полуутышенный Петръ Авдѣвичъ. Онъ потерялъ себѣ руки, потомъ пожевалъ усь и, вставъ съ кресель, принялся осматривать окружавшіе его предметы. Первое, что попало ему на глаза, былъ шкапъ съ книгами. Штаб-ротмистръ поспѣшилъ отвести взоръ свой отъ этого слишкомъ живаго воспоминанія чего-то весьма неприятнаго: Петръ Авдѣвичъ никогда не могъ забыть слезъ, пролитыхъ имъ некогда надъ краткимъ изложеніемъ всѣхъ пяти частей свѣта; сколько разъ бывало въ дѣтствѣ своемъ штаб-ротмистръ становалъ за нихъ на колыняхъ, сколько разъ чрезъ посредство покойнаго родителя, представлялся юному Петру Авдѣвичу случай приходиться въ соприкосновеніе съ этими драгоценными твореніями и тогда черты сыновняго лица мгновенно перемѣнили выраженіе, а желудокъ лишился одного или двухъ

блюдь. Въ настоящую минуту штаб-ротмистръ удовольствовался тѣмъ, что окинулъ давнишнихъ враговъ своихъ презрительнымъ взглядомъ, и, обойдя шкапъ, углубился въ разсматриваніе нѣсколькихъ картинокъ, симметрически развѣшенныхъ между израсповою печью и дверьми.

Петръ Авдѣвичъ очень хорошо помнилъ, что одна изъ этихъ картинокъ изображала прехорошенькихъ дѣтей, перепуганныхъ внезапнымъ появленіемъ волка; ему, то есть Петру Авдѣвичу, казалось даже, что у волка этого были красные глаза и темнолиловая шерсть; что лапами звѣрь упирался на одного малютку, въ то время какъ морда его обращена была къ другому звѣрю, прехладнокровно выглядывавшему изъ окна, и что второй звѣрь въ послѣдствіи долженъ былъ спасти несчастныхъ и оказался доброю и вѣрною собакою;—все это помнилъ штаб-ротмистръ, но разсмотрѣть не могъ; потому что стекло, покрывавшее картинку, значительно потускнѣло. Петръ Авдѣвичъ поднесъ палецъ ко рту, потомъ потерялъ имъ стекло и дѣйствительно глаза у волка оказались краснаго цвѣта; тотъ-же палецъ поднесъ снова Петръ Авдѣвичъ ко рту и снова потерялъ имъ стекло и темнолиловый цвѣтъ волчьей шерсти вы-

шелъ наружу довольно явственно. Ободренный успѣхомъ новый владыцъ Костюкова продолжалъ трудъ свой и вскорѣ вся картинка представилась его взорамъ со всѣми подробностями и даже съ надписью. Насмотрѣвшись на добрую и вѣрную собаку, Петръ Авдѣевичъ взглянулъ украдкою на палецъ, поморщился, потеръ его объ рейтузы, плюнулъ нѣсколько разъ на полъ и, тронувъ мимоходомъ все, что ни попадалось ему подъ руку, прошелъ изъ спальни въ залу, захватилъ фуражку, надѣлъ ее себѣ на голову и вышелъ на крыльцо.

Убдившись, что въ последнее пятилѣтіе на костюковскомъ дворѣ не произошло ни малѣйшей перемѣны и старый бревенчатый амбаръ находится, какъ и прежде, противъ кухни, а молочникъ противъ ледника, штаб-ротмистръ сошелъ съ крыльца, повернулъ на право и направилъ стопы свои къ калиткѣ, ведшей въ садъ; тутъ пристала къ Петру Авдѣевичу худощавая гончая собака съ отвислымъ животомъ. Петръ Авдѣевичъ погладилъ собаку, прошелъ съ нею весь садъ, остановился на минуту у небольшого четверугольнаго пруда, поглазѣлъ на утокъ, бросилъ въ нихъ щепкой, за которой посылали собаку, но собака не повинова-

лась; треснувъ ее за то ногою, штаб-ротмистръ принялъ направленіе къ скотному двору и прочимъ хозяйственнымъ строеніямъ. Скромнѣе костюковскую конюшню, а равно и коровники нашелъ новый хозяинъ пустыми: скотъ и лошади паслись въ полѣ; оставалось загнать на псарню и мельницу; въ первой встрѣченъ былъ баринъ лаемъ дюжины дрянныхъ собаченокъ какихъ-то невѣдомыхъ породъ; во второй колеса и крылья были поломаны, а паутина, покрывавшая шестерни, свидѣтельствовала о давнишнемъ ея бездѣйствіи.

Не очень довольный порядкомъ, найденнымъ по хозяйственной части костюковского управленія, Петръ Авдѣевичъ возвратился домой въ полной надеждѣ, что его встрѣтитъ Кондратій Егоровъ съ тарелкой подъ мышкой; такъ по крайней мѣрѣ, водилось при покойномъ родителѣ, который не могъ проглотить куска, не убдившись предварительно въ томъ, что вся костюковская дворня присутствовала при барскомъ обѣдѣ.

Но ошибся штаб-ротмистръ: въ залѣ не замѣтилъ онъ и признаковъ приготовленій къ обѣдѣ. Петръ Авдѣевичъ свиснулъ, — никто не явился; свистъ повторился громче

и, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, слышались отдаленные шаги въ сѣняхъ, потомъ въ передней, наконецъ дверь изъ прихожей отворилась и на порогъ показался нечесаный образъ человѣческой въ казакинѣ изъ толстаго сукна въ холстинныхъ панталонахъ и сапогахъ съ окнами. По наружности существо это принадлежало къ числу заштатныхъ служителей помѣщичьихъ домовъ низшаго сорта.

«Прокофьичъ, это ты?» воскликнулъ баринъ, узнавъ въ пришлецѣ стараго отцовскаго повара.

— Я, батюшка Петръ Авдѣичъ! — И поваръ, дрягнутьъ ногами, отвѣсилъ поклонъ одною только головою.

«Постарѣлъ же ты, братъ! насилу узналъ, ей Богу, насилу узналъ.»

— Безъ господъ жизнь плохая, баринъ; дѣло наше таковское, ребятишекъ много; умытъ, одѣтъ некому — мѣсячина самимъ вамъ извѣстно какая! — была коровенка, — въ прошлую осень волкъ зарѣзалъ.

«Изготовилили ты мнѣ что-нибудь поѣсть Прокофьичъ?» перебилъ штаб-ротмистръ, знавшій наизусть всѣ прошедшія и предчувствовавшій всѣ послѣдующія бѣдствія Прокофьича.

— Вотъ за этимъ-то я и изволилъ придти, баринъ, — отвѣчалъ поваръ, понизивъ голосъ и вытянувъ шею; — вѣдь дѣло-то плоховато.

«Какъ плоховато?»

— Какъ же, батюшка баринъ, сами разсудить изволите, приказывали изжарить то есть гуся, — да вѣдь гуси-то, баринъ, какіе теперь гуси? есть гуси сѣменные, вѣдь только слава, что гуси.

«Мнѣ все равно, Прокофьичъ, пожалуй я утку ѣсть стану.»

— Эхъ, батюшка баринъ! ну а утки теперь какія? вѣдь утки сѣменные остались, дѣло осеннее, не то, чтобы подать господину, а и нашъ братъ ѣсть не станетъ; ну сами разсудить изволите! ощиплешь перья, останется тамъ носъ какой-нибудь, да лапы; личное ли же дѣло? вотъ осенью на заморозкахъ, такъ подкормить житцой, выйдетъ штука!

«Такъ чортъ же побери; давай хоть селянки!»

— Селянки? — повторилъ, ухмыляясь Прокофьичъ, — селянки? да изъ чего же, баринъ, сдѣлать-то селянку? изъ почекъ, сказывалъ прикащикъ, а откуда возьмешь почекъ? вы бы, батюшка баринъ, взглянуть

изволили на скотинку; вѣдь только слава, что бараны!... а прости Господи, другой тулупъ жирнѣе господскихъ барановъ-то. Мужичекъ то несеть, что ни есть у него овъйнаго, да не доходитъ оно до милости вашей; отъ того-то и на прикащицѣ фрезы всякія и въ церкви стоять, думаешь, барыня какая;— истинну вамъ докладываю.

«Стало есть нечего?» воскликнулъ выведенный изъ себя Петръ Авдѣевичъ.

— Отъ чего нечего, баринъ? найдется, что покушать, и я милости вашей докладываю, какъ вѣрный слуга, что гуси примѣрно или утки остались только съменные, не стали бы гнѣваться, какъ подашь штуку, да штука-то выйдетъ неподходящая.

«Дьяволь васъ побери совсѣмъ! этакъ просто съ голоду умрешь,» проговорилъ съ сердцемъ штаб-ротмистръ, «ну дай хоть шей какихъ нибудь, а тамъ увидимъ.»

— Капустки-то хватило на полпоста, батюшка, а коли приказать изволите,— такъ можно собрать ребятъ да затянуть карасиковъ; дѣло-то будетъ сподручнѣе; сметанки добудемъ у мельника, маслица же найдется и у прикащика.

«Неужь-то и масла-то нѣтъ господскаго?» спросилъ удивленный помѣщикъ.

— Что и докладывать! просто, не наше дѣло, баринъ! осмотрѣться изволите, не утаится ничто отъ милости вашей.... а карасиковъ приказать нешто?

«Давай хоть карасей, да живо!»

— Духомъ, батюшка, духомъ; только бы захватить старосту, не ухаль бы куда. — Последнія слова договорилъ Прокофьичъ, затворяя за собою дверь изъ прихожей.

Краткій разговоръ съ Прокофьичемъ усилилъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на умъ Петра Авдѣевича безпорядкомъ, найденнымъ имъ по хозяйственной части, и заронилъ въ душу новаго помѣщика первую искру досады.

— Какъ! — говорилъ онъ самъ себѣ, — оставить службу, оставить третій эскадронъ, мундиръ, эполеты, товарищей! И для чего же? чтобы голодать въ этой труппѣ; чортъ надоумилъ меня сдѣлать такую глупость!

Штаб-ротмистръ засунулъ усъ въ ротъ, а руки въ карманы рейтузъ, и приподнявъ плеча, отправился снова въ опочивальню, гдѣ, какъ ему было извѣстно, хранились въ конторкѣ хозяйственные книги покойнаго родителя. Ежели и въ нихъ подобное творится, такъ дьяволь же побери! подумаешь костюковскій владыцъ, и онъ съ

сердцем повытаскалъ изъ конторки всѣ бумаги, какія попались ему подъ руку.

Схвативъ первую тетрадь, Петръ Авдѣвичъ наудачу развернулъ ее и, опершись обоими локтями въ столъ, сталъ разбирать слѣдующее:..... неполомъ, чтобы.. можно было послѣ въ него.. влить... двѣ бутылки воды... сахару десять фунтовъ покласть... въ кострюлю и вылить изъ боченка, ставить кипятить... пѣну счищать, потомъ снять съ огня, взять тридцать штукъ бергамотовъ.... счистить кожу, зерно изрѣзать и вскипятить и поступать какъ съ малиной и завязать пузыремъ и....

Штаб-ротмистръ гнѣвно швырнулъ тетрадь подъ столъ и взялъ другую, — на другой очень узенькаго формата, прочелъ Петръ Авдѣвичъ слово *шотъ*. — На первой страницѣ рядомъ съ *ОЗ* стояли какія-то каракули; нѣкоторыя изъ нихъ напоминали цифры, другія ижицу.

Вторая тетрадь послѣдовала за первой, а остальные за второй. Оставалось положить на честность прикащика, на которую впрочемъ, какъ казалось, не очень полагался Прокофьичъ.

Въ седьмомъ часу вечера костюковскій помѣщикъ уничтожилъ довольно большое

количество карасей, запилъ ихъ чаемъ и въ девятомъ часу легъ спать.

По прошествіи недѣли, Петръ Авдѣвичъ свыкъся съ мыслию, что за нимъ по ревизіи значится сто двадцать пять душъ мужескаго пола, что заложены эти души въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, что добавочныя взяты и по подушнымъ находится недоимка, что хлѣбъ родился плохо, а на скотинъ, кто ее знаетъ отъ чего, и шерсть не растеть; что Кондратій Егоровъ мошенникъ, а Прокофьичъ и радъ бы состряпать для барина супъ *пюре*, да для этого надобно «взять, сварить и какъ готово остудить, мѣское мясо обобрать и изрубить помѣльче и сварить восемь яичекъ и взять хлѣба и корочки, прочь срѣзать и положить чумички полторы бульону и ставить на плиту и мѣшать, не давать кипѣть, и отпускать съ грепками» и проч. и проч.; но ничего этого не было у Прокофьича, а была у него только книга, съ которою познакомился баринъ въ первый день своего пріѣзда въ Костюково Колодезь тожъ, а хранилась книга эта въ отцовской конторкѣ.

Благодаря умѣренности родителя, частныхъ долговъ на имѣніи не было, а потому, слѣдуя мудрому примѣру Авдѣя Петровича,

и Петръ Авдѣвичъ могъ продолжать жить, какъ жилъ родитель; на что и рѣшился Петръ Авдѣвичъ, который впрочемъ и не былъ избалованъ роскошью. Конечно въ полку бывало, задумай штаб-ротмистръ проѣхать въ штабъ, или въ другое какое мѣсто, Улянянъ впрягалъ въ легонькую, какъ перышко, тѣлешку, тройку такихъ лошадей, какихъ не было и у самого казначея, а хомуты-то на нихъ надѣвалъ Улянянъ обшитые альмъ сукномъ, и на уздечкахъ бубенчики и не простые, а валдайскіе, чисто валдайскіе.... Однажды полковникъ спросилъ у Петра Авдѣвича: не продасть ли онъ тройку свою?

— Я? продамъ? — воскликнулъ штаб-ротмистръ, — я? да ни за какія блага въ мѣръ, да вотъ какъ, и за полтараста цѣлковыхъ не продамъ!

Вотъ какихъ лошадей держалъ Петръ Авдѣвичъ въ полку, въ то время какъ Авдѣй Петровичъ, то есть родитель его, довольствовался только парочкою разношерстныхъ, а ѣзжалъ обыкновенно въ такихъ четверомѣстныхъ дрожкахъ съ рыжими фартуками, что приснись эта дрянь иному брюзгливому — стошнить пожалуй.

— Неужь-то у батюшки ничего не бы-

ло, кромѣ этого коландраса? — спросилъ у прикащика костюковскій помѣщикъ, осматривая съ прискорбнымъ вниманіемъ четверомѣстныя дрожки.

«Были, сударь, и бѣговья,» отвѣчалъ Кондратій, «да покойный баринъ изволили ихъ на бричку промѣнять.»

— Стало есть бричка?

«Есть - то есть она, сударь, да плоховата!»

— Покажи, братецъ, починимъ; по крайней мѣрь, на худой конецъ проѣхать можно, а въ этой штукѣ, — прибавилъ штаб-ротмистръ, указывая все-таки на дрожки, — самъ посуди; — да, что тутъ говорить? на иномъ толчкѣ языкъ откусишь, пожалуй; и какъ таки могъ покойный батюшка трястись на нихъ? чай жизнь сокращать должны.

«И бричка-то, сударь, правду доложить вамъ, не больно взрачна.» Говоря это, прикащикъ бросался шарить по всѣмъ угламъ сарая; онъ заглядывалъ и на потолокъ и за ворота и только что не подъ четверомѣстныя дрожки.

— Чего же ты ищешь, Кондратій? — спросилъ наконецъ штаб-ротмистръ.

«Не знаю, куда дѣвали!»

— Кого?

«Бричку, сударь,» отвечалъ Кондратій Егоровъ, продолжая поиски свои.

— Кой прахъ, неужь-то пропала?

«Что вы, батюшка, статочное ли это дѣло? господская вещь не пропадетъ; а може наругомъ кто нибудь?»

— Какъ наругомъ?

«Все тимошкины штуки, Петръ Авдѣичъ, такой ужь разбойникъ; что ему бричка, не его! да такъ и есть,» прибавилъ прикащикъ, взглянувъ изъ щели задней стѣны сарая, — «вотъ она!»

И взорамъ господина представился не экипажъ, а нѣчто въ родѣ остова большой рыбы, у которой какъ бы отрублены были и голова и хвостъ. За сараемъ на груди разныхъ нечистотъ, лежалъ темнаго цвѣта скелеть; на круглыхъ ребрахъ его мѣстами болтались куски кожи, торчали заржавленные гвозди, а о колесахъ и помину не было.

— Неужь-то ты эту нечисть называешь бричкой? — воскликнулъ штаб-ротмистръ, грозно занося усъ свой въ ротъ; — такъ-то бережется барское добро? —

«Тимошка, сударь, все онъ головорѣзь, батюшка Петръ Авдѣичъ,» отвечалъ оторопѣвшій Кондратій, «сколько разъ говорилъ

я ему: прибереи, не то баринъ гнѣваться будетъ, — и въ усъ не дуешь, сударь.»

— Не дуешь? такъ подавай же его сюда, мошенника! — закричалъ Петръ Авдѣевичъ, разсердясь не на шутку, — я его проучу по своему, я его....

Прикащикъ бросился со всѣхъ ногъ за Тимошкою, а штаб-ротмистръ продолжалъ строгій осмотръ брички, приговаривая: ужь я его, ужь я его! — и повторилъ разгнѣванный костюковскій помѣщикъ: ужь я его.... пока къ тылу помѣщика не подошелъ дѣтина лѣтъ пятидесяти съ такимъ богатырскимъ затылкомъ, предъ которымъ самыя плечи Петра Авдѣевича казались дрянью.

На пришедшемъ было пуцовое лицо съ усами и нечисто выбритымъ подбородкомъ; волосы его подстрижены были въ кружокъ и прикрывали плоское темя, а на каждой изъ рукъ недоставало по нѣскольку пальцевъ.

Онъ молча выждалъ, пока баринъ повернулся въ его сторону и, поклонившись ему, тряхнулъ головой.

— Поди-ка сюда, любезный! сказалъ штаб-ротмистръ.

Тотъ сдѣлалъ два шага и снова остановился.

— Нѣтъ, братъ, сюда, сюда поближе!
Дѣтина сдѣлалъ еще два шага.

— Ну, теперь расскажи-ка мнѣ, что это такое? — спросилъ Петръ Авдѣевичъ и указалъ пальцемъ на остовъ брички.

«Эвто!»

— Да, это, вотъ это!

«А прахъ его знаетъ,» отвѣчалъ спокойно тотъ.

— Какъ же прахъ его знаетъ? —

«Да такъ, прахъ его знаетъ!»

— И ты, кучеръ, смѣешь мнѣ такъ отвѣчать? —

— «Какой я кучеръ, сударь!»

— Да вѣдь ты Тимошка? —

«Такъ что же что Тимошка? и Тимошка, да не кучеръ, а коли есть у кого кучеръ, такъ есть и лошади и всякой снарядъ, а то и былъ кучеръ, хорошій кучеръ, сударь, да на эвтомъ не навздишься», прибавилъ Тимошка, нанося ногою жестокий ударъ несчастному остову.

Выходка Тимошки не только не разгнѣвала господина, а напротивъ того страхъ поправилась ему; окинувъ взглядомъ формы бывшего отцовскаго кучера, штаб-ротмистръ нашель его по себѣ.

Петръ Авдѣевичъ не любилъ *мямлей*, и

будь хоть пьянь, хоть грубъ, да лихой, такъ спасибо, говаривалъ онъ подчиненнымъ своимъ уланамъ; и тутъ, смягчивъ голосъ, онъ ограничился легкимъ выговоромъ за неисправность въ сараѣ и небрежность Тимофея въ сбереженіи брички.

— Да чего тутъ беречь? да какая жъ тутъ бричка? да эвто же съ позволенія сказать, не бричка, — возразилъ Тимофей, нанося вторичный ударъ жалкимъ остаткамъ родительскаго экипажа. — Да вѣдь вольно же было покойному барину! не докладывалъ я развѣ, что Сельской какъ разъ проведеть; дрожки были не бричкѣ чета, сударь, дрожки добрыя; вѣдь эвто только названіе что бричка; «нѣтъ промѣняю», говорить, «а ты молчи, не люблю, чтобъ разсуждали со мною,» вотъ и промѣняли, а что навздили? двухъ годовъ не навздили, — сыпаться стала, и какая ѣзда была у покойника, вѣдь только слава что ѣзда; пробудутся въ церковь бывало, вотъ и вся ѣзда! —

«А давно ли ты здѣсь?» спросилъ Петръ Авдѣевичъ, «и какъ я тебя не знаю?»

— Да я, сударь, правду сказать не то, чтобы давно, какъ сыскался, — отвѣчалъ Тимошка, значительно понизивъ голосъ.

«Откуда же это?»

— Да былъ грѣхъ такой, сударь. —

«Грѣхъ?»

— Сняли сосѣдніе ребята, такъ отлучился маленько. —

«То есть бѣжалъ?»

— Былъ грѣхъ, сударь, былъ, что ужъ тутъ, не утаишь, — повторялъ Тимошка, поглаживая свои волосы и переминаясь. Онъ видимо смутился.

Петръ Авдѣвичъ, замѣтившій перемѣну въ лицѣ Тимофея, завелъ рѣчь о другомъ.

«Надобно добыть лошадокъ, братецъ», указавъ штаб-ротмистръ, обращаясь уже съ веселымъ лицомъ къ кучеру, котораго глаза при этомъ словъ заблестали радостію.

— Какъ бы не нужно, — отвѣчалъ Тимофей.

«А гдѣ бы напиримъ? знаешь развѣ?»

— Еще бы не знать, баринъ? кому же и знать-то, сударь, какъ не мнѣ, слава тебѣ Господи!

«И хорошія есть?»

— Лошадки-то-съ? —

«Да!»

— Да есть хорошія; вотъ объ Вознесенъи проѣхаться въ городъ не дальнее мѣсто, и ярмарка будетъ важнѣйшая и лошадокъ наведутъ вдоволь, такъ и выбирать можно! —

«А когда ярмарка?»

— Въ четвергъ, сударь. —

«Да въ чемъ же ѣхать?»

— Ъхать въ чемъ-то? да въ чемъ же какъ не въ дрожкахъ? —

«Вотъ въ тѣхъ, что тутъ вотъ?»

— Больше не въ чемъ! —

«Нѣтъ ужъ, братъ, спасибо за дрожки; была бы тѣлега, въ тѣлегъ скорѣе.»

— А въ тѣлегъ, такъ тѣлегу соберемъ къ четвергу, отвѣчалъ Тимофей; и продолжая дружески разговаривать между собою, баринъ и кучеръ направили шаги свои къ дому, гдѣ ожидалъ перваго скромный ужинъ, приготовленный Прокофичемъ, а втораго непріязненный взглядъ Кондратія Егорова, самаго значительнаго лица въ Костюковѣ Колодезь тожъ.

Кто, подобно Петру Авдѣвичу, никогда мысленно не возносился къ облакамъ, не строилъ воздушныхъ замковъ и даже не считалъ себя существомъ, созданнымъ для чего бы то ни было исключительнаго, тотъ легко пойметъ, что въ сельской простой и матеріальной жизни всякая новинка производитъ на умъ и сердце самое благопріятное впечатлѣніе, и одно ожиданіе вознесенской ярмарки сдѣлало уже Петра Авдѣ-

вича благосклоннѣе къ Кондратию и снисходительнѣе ко всему, что его окружало. Наговорившись вдоволь съ Тимофеемъ кучеромъ, Петръ Авдѣевичъ поднесъ ему собственноручно большую рюмку настойки и отпустилъ тогда только отъ себя, когда самъ легъ въ постель.

Но гдѣ бы достать деньжонокъ, думалъ штаб-ротмистръ, засыпая; у Кондратія есть, да не дасть мошенникъ; будь еврей, а можетъ, и есть еврей здѣсь гдѣ нибудь? чтобъ не забыть завтра спросить, коли же есть, такъ и хлопотать не о чемъ; ну а какъ нѣтъ? да не можетъ быть, чтобъ не было, — ужъ такая вещь; а вѣдь bestія этотъ еврей, ну кого же не продать? вѣдь всякаго продасть.... сущій каналья!... То была послѣдняя здравая мысль, промелькнувшая въ воображеніи Петра Авдѣевича, послѣ которой онъ и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Какъ ни ограниченно было состояніе Петра Авдѣевича, тѣмъ не менѣе появленіе его въ уѣздъ не прошло незамѣченнымъ, и имя штаб-ротмистра уже неоднократно произносилось на вечернихъ сборищахъ у городничаго того города, къ уѣзду котораго принадлежало Костюково, и въ которомъ въ праздникъ Вознесенья бывала большая яр-

марка. Многіе дивились даже, что новыи Костюковскій помѣщикъ не взялъ на себя труда засвидѣтельствовать имъ лично своего почтенія и приписывали подобное несоблюденіе приличій спѣси молодаго помѣщика. Истинная же причина домогдства Петра Авдѣевича была, какъ намъ извѣстно, пара разношерстныхъ, оставленная сыну покойнымъ родителемъ, а равно и четверомѣстныхъ дрожки, на которыя не хотѣлъ садиться штаб-ротмистръ ни подъ какимъ видомъ.

Но, благодаря судьбѣ, въ окрестностяхъ Костюкова на спорной землѣ у пересохшей рѣчки, въ полуистлѣвшихъ остаткахъ развалившейся мельницы отыскался жидъ; жидъ этотъ явился къ Петру Авдѣевичу, поглазѣвъ на поля, строеніе, луга, на остовъ брички, съ которою кучеръ Тимошка обращался такъ неделикатно, и уже потомъ, неизвѣстно почему, рыжій сынъ Израиля ссудилъ костюковскому помѣщику преизрядный мышечикъ разной звонкой монеты, съ которымъ и отправился штаб-ротмистръ на городскую вознесенскую ярмарку.

Рѣдко бываетъ, чтобы въ этотъ праздникъ солнце не восходило свѣтло и весело, чтобы небо не было ясно и воздухъ не па-

лили зноеть; и на этотъ разъ, какъ и всегда, день былъ прекрасный.

По большимъ и проселочнымъ дорогамъ, ведшимъ къ городу, тянулись съ равней поры вереницы тьлеть, нагруженныхъ всякою всячиною. Рядомъ съ ними шли большими толпами разряженные окрестные мужики въ бѣлыхъ холстинныхъ зипунахъ и въ высокихъ черныхъ шляпахъ, обшитыхъ золотымъ позументомъ. На крестьянкахъ пестрелись цветныя юбки, парчевыя шнуровки и бѣлья, какъ снѣгъ, наметки. Ко всеобщему говору и крику шедшихъ и ѣхавшихъ присоединялось громкое ржаніе дикихъ лошадей, табуны которыхъ гнались по обочинамъ дорогъ, а всему этому вторилъ отдаленный колокольный звонъ, продолжавшійся обыкновенно до самаго полудня; и рѣдкій изъ ѣхавшихъ или шедшихъ не побываетъ предварительно въ святомъ храмѣ, прежде чѣмъ позволить себѣ предаться отъ всей души наслажденіямъ ярмарки, до которыхъ такъ далеко нашъ Русской народъ. — Какъ ни велики успѣхи, сдѣланные на Руси европейскимъ просвѣщеніемъ, но не замѣтны они въ простомъ народномъ быту и едва ли вознесенская ярмарка девятнадцатаго столѣтія отличалась чѣмъ нибудь отъ таковой же, на

которой предки наши два столѣтія назадъ торговали лихихъ коней подь добзжачихъ своихъ у смуглыхъ предковъ современныхъ табунщиковъ.

Въ часъ по полудни, на обширномъ полѣ, прилежавшемъ однимъ концомъ къ городскому валу, а другимъ къ длинной каменной оградѣ городского же кладбища, соединилось все, что шло и ѣхало недавно на ярмарку по всемъ окрестнымъ большимъ и малымъ дорогамъ. Въ центрѣ поля помѣщался главный товаръ ярмарки, то есть большое количество лошадей, согнанныхъ и приведенныхъ на нее со всѣхъ концовъ Россіи. Рядомъ съ цѣлымъ фронтомъ приводныхъ жеребцовъ, откормленныхъ всеми неправдами, какъ то: отрубями, рубленою соломой и нѣрѣдко известью, стоялъ стелной косякъ и на тѣсной площадкѣ, огражденной плетнемъ, суецилась, визжа и огрызаясь, сотня разношерстныхъ коней, незнакомыхъ ни съ уздой, ни съ оглоблями. Но приглянись одинъ изъ дикарей кому бы то ни было, въ тотъ же мигъ смуглый Татаринъ безстрашно бросается въ стадо, ударами ременной плетки пролагаетъ себѣ дорогу и чрезъ минуту сарканенный конь, дрожа всѣмъ тѣломъ, предстанеть смиренно предъ покупателемъ. Вкругъ ко-

сяковъ разбросаны были кое-гдѣ потѣжа-
ныя помѣщичьи экипажи допотопныхъ фа-
соновъ, крестьянскія тѣлѣжки съ разною
разностію, палатки съ медовыми пряниками
и съ прочими товарами низшаго сорта, со-
ставляющими необходимую потребность
скромныхъ деревенскихъ жителей. Поодоль
отъ всего этого въ шалашѣ, построенномъ
изъ сѣнника, помѣщался кабакъ, а въ нѣ-
сколькихъ шагахъ отъ него безносаѣ баба
пекла на чугунной сковородѣ алады, и пек-
ла она ихъ на зеленомъ коноплянномъ маслѣ.
Въ промежуткахъ молодые парни играли
въ орлянку, а крестьянскія дѣвки водили
хороводъ. Кругомъ игравшихъ и плясав-
шихъ толпились народъ; лица однихъ начи-
нали уже покрываться яркимъ румянцемъ,
ноги другихъ переставали уже повиновать-
ся, но все еще говорили, смѣялись, махали
руками и веселились отъ души.

Впрочемъ поприще вознесенской ярмар-
ки не ограничивалось однимъ загороднымъ
полемъ, предоставленнымъ единственно чер-
ному народу и лошадямъ.

Высшее сословіе, хотя и мѣшалось изрѣдка съ низшимъ, но мѣстомъ, собственно
ему принадлежавшимъ, былъ самый валъ;
на немъ въ магазинахъ, наскоро сколочен-

ныхъ изъ досокъ, завѣжіе купцы прельща-
ли горожанокъ и помѣщиковъ раскошными
батистъ-декосами, муслинъ-ленами и загра-
ничными пу-де-суа; на томъ же валу трак-
тиръ Берлинъ заманивалъ блестящею вы-
вскою своею въ офицерскую палатку, гдѣ
наскоро же сколоченный изъ досокъ узкой
столъ уставленъ былъ рябими тарелками
съ бутербротомъ, паюсною икрою, килька-
ми и известковыми конфектами въ цвѣт-
ныхъ бумажкахъ, а въ графинчикахъ вид-
нѣлись разныхъ цвѣтовъ водки и ликеры.

Прибывшій изъ Австріи на валъ отецъ
семейства, предъ входомъ въ Берлинъ, ра-
зостлалъ на землю довольно грязный коверъ
и подъ звуки шарманки выкидывалъ такіа
штуки, что вся публика приходила въ вос-
торгъ и удивленіе. Родитель въ испанскомъ
костюмѣ изъ гробоваго полубархата ложил-
ся на спину, подымалъ тонкія ноги свои
вверхъ и подбрасывалъ ими младшаго сына
такъ искусно, что малютка какою бы частью
тѣла ни падалъ внизъ, а все таки удержи-
вался на родительскихъ ступняхъ; въ тоже
самое время, двѣ взрослые дѣвицы въ ко-
роткихъ розовыхъ съ бѣстками платьяхъ
становились родителю на ладони, перехо-
дили съ ладоней на лице, даже на носъ и

въ свою очередь подымали вверхъ по одной ногѣ, обутой хотя и несовершенно опротно, но изысканно.

Послѣ каждой штуки австрійское семейство обходило зрителей съ колокольчикомъ и металлическимъ блюдцемъ въ рукахъ, и зрители частію бросали на блюдце мелкую монету, а частію махали руками, отворачивались въ противоположную сторону и заговаривали съ сосѣдомъ о вещахъ потороннихъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ публику, были и такія, къ которымъ австрійское семейство подходило только для того, чтобы поблагодарить за честь, имъ сдѣланную своимъ присутствіемъ; къ избраннымъ этимъ принадлежала собственно одна только особа; окружавшія же ее составляли нѣчто въ родѣ свиты.

Особа эта была высокая, толстая, съ кривыми ногами, съ короткою шеєю, одѣтая въ зеленый сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, и съ глянцевитымъ клеенчатымъ картузомъ на коротко обстриженной головѣ. Лицо особы, обтянутое точно такою же кожею, какою обтягиваютъ обыкновенно англійскія сѣдла, дышало спѣсью и ежеминутно наводилось подомъ; пухлыя губы ея однимъ уг-

ломъ ущемляли крошечный кончикъ сигары, а другимъ то выпускали по временамъ тонкую струйку синеватаго дыма, то выплювывали или кусочикъ шелухи, или дргія, тому подобныя вещи, добытыя вѣроятно въ Берлинѣ, а можетъ быть, и въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Вѣки означенной особы, освѣщенные бѣловатыми рѣсницами, сжимались подобно губамъ, а изъ ноздрей небольшого носа выглядывали клочки шерсти, цвѣтомъ схожей съ рѣсницами.

Нѣсколько позади толстой особы стояло другое лицо съ выраженіемъ менѣе спѣсивымъ, съ носомъ болѣе продолговатымъ, съ щеками, выбритыми до самыхъ глазъ и съ багровою шишкою на правомъ вискѣ. Это лицо облечено было въ мундиръ съ краснымъ же воротникомъ, но панталоны его такъ лоснились, что мудрено было бы опредѣлить съ перваго взгляда, изъ чего именно сшиты были эти панталоны, изъ сукна или камлота. По лѣвую сторону послѣдней особы, по направленію ноги болталась длинная шпага съ покраснѣвшею отъ времени рукояткою, а на темени красовалась треугольная шляпа кокардою назадъ.

Каждый разъ, когда особа, стоявшая впереди дѣлала какое бы то ни было движеніе,

особа, стоявшая позади, вздрагивала и наклонялась вперед, но убьдываясь, что движеніе особы, стоявшей впереди, не относилось къ ней, она принимала первобытное положеніе и замирала вновь.

Третье существо, дополнявшее избранную группу, составляло какъ бы нечто среднее по значенію своему между толстою особою и лицомъ, стоявшимъ позади ея. Это существо освѣнено было подержаннымъ суконнымъ плащемъ съ полами, подбитыми чернымъ бархатомъ, и съ длинными полинялыми кистями, пришитыми къ отложному равно бархатному воротнику; картузь существа былъ соломенный, изъ подъ него выглядывали два довольно длинные виска, нѣсколько взъерошенные. На этомъ существѣ надѣтъ былъ виц-мундиръ, триковые свѣтлые панталоны и желтыя полуботинки съ черными кожаными пуговицами; ростъ его былъ малъ, руки козливы, а станъ вообще погнуть вперед и суховатъ. Въ подсохшемъ рту своемъ держалъ онъ черешневый чубукъ, изъ котораго съ трудомъ вытягивалъ табачный дымъ, затягивался имъ и выпускалъ его поздрями; подъ носомъ у существа торчали трехдневные усы и подбородокъ былъ выбритъ тщательно.

Господинъ этотъ стоялъ рядомъ съ толстою особою и безпрестанно вступалъ съ нею въ разговоръ, что толстой особою, по видимому, не причиняло большого удовольствія.

Толстякъ былъ городничій, баринъ въ соломенномъ картузѣ числился въ должности штатнаго смотрителя училища, а треугольная шляпа принадлежала частному. Поодаль отъ группы стояли разнаго рода и значенія лица окрестнаго городскія, отчасти пріѣзжія изъ окрестностей.

«Тихонъ Парфенычъ, а Тихонъ Парфенычъ!» воскликнулъ штатный смотритель, «вѣдь вотъ вы опять спорите; а какъ мнѣ вамъ это доказать?»

— Да хоть приведите цѣлый уѣздъ въ свидѣтели, не повѣрю! — отвѣчалъ городничій, отворачиваясь.

«Что уѣздъ! хорошъ уѣздъ; мнѣ уѣздъ не указъ!»

— Не бось въ столицѣ все проживать изволили!....

«Бывали и въ столицахъ? чтожъ?»

— Такъ замѣтилъ....

«Столица посторонняя статья, а споръ идетъ не о столицахъ, Тихонъ Парфенычъ, вы, можетъ быть, и очень свѣдуши по ва-

шей части, а не знаете между прочимъ того, что касается»....

— Не бось до вашей части? — перебилъ насмѣшливо Тихонъ Парфеньичъ.

«Смѣйтесь пожалуй, вѣдь отъ этого меня не убудеть; вашимъ добромъ вамъ же челоуь; вы всегда такъ! что не по васъ, такъ только что не рогатиной.»

— Зачѣмъ же рогатиной? рогатина въ лѣсу — такъ; а при большомъ обществѣ неприлично и упоминать о ней.

«Въ рогатинѣ ничего нѣтъ такого неприличнаго, Тихонъ Парфеньичъ, придираться нечего; я говорю правду, вы всегда такъ.... намедни у Андрея Андреича не то ли же самое произошло, только поналея вамъ слабенъкій, такъ вы его за челку, да и скокъ верхомъ.... а меня извините.... да зоть кста-ти самъ Андрей Андреичъ.... Андрей Андреичъ!» воскликнулъ штатный смотритель, выходя на встрѣчу съдовласому старичку въ синемъ фракѣ и въ нанковыхъ бѣлыхъ панталонахъ. — «А у насъ съ Тихонъ Парфеньичемъ споръ завязался, рвите, пожалуйста!»

Въ это время съдовласый старичекъ съ улыбкою на устахъ, подошелъ къ городничему, протянулъ ему объ руки, изъ которыхъ въ одну только Тихонъ Парфеньичъ

сунулъ два толстые пальца; тогда старичекъ все таки обими руками пожалъ съ чувствомъ эти два пальца и потомъ уже поклонился штатному смотрителю.

«А у насъ здѣсь споръ,» повторилъ послѣдній, «и споръ кровавый,» прибавилъ онъ шуточнымъ голосомъ.

— Избави Господи! — замѣтилъ, смѣясь, старичекъ.

«Истинно, кровавый; ни тотъ, ни другой уступить не хочетъ; а, каково? да, нечего отворачиваться, ваше высокоблагородіе, нечего отворачиваться, пожалуйте-ка на судь.» — И ободренный посредничествомъ третьяго лица, штатный смотритель принялся было тормозить городничаго, который побагровѣлъ отъ негодованія.

— Мы не въ пожарномъ какомъ нибудь депъ, чтобы такъ обращаться, — проговорилъ сквозь зубы Тихонъ Парфеньичъ, — говорить можно просто между собою; надѣюсь!

«Знаемъ, знаемъ, въ претензію вошли отъ того, что не по нашему, знаемъ, старая штука!»

— Прошу васъ оставить меня въ покоѣ, Дмитрій Лукьянычъ, или вынужденнымъ сочту себя....

«Что, что, ну что, скажите, — уж не приказать ли меня того... Полноте, стыдитесь, вѣдь стыдно, ей Богу стыдно! — Андрей Андрейчъ,» продолжалъ смотритель, обращаясь къ старику, разсудите насъ Бога ради, но только безпристрастно; какимъ способомъ достигаютъ эти фигляры, чтобы всѣ члены были перемѣшаны, вы видѣли?

— Видѣлъ.

«Отъ того-то Андрей Андрейчъ, я у васъ и спрашиваю, какъ, по мнѣнію вашему, доходятъ они до того, чтобы голова...

— Онъ ложится на землю, поднимаетъ руки, а на руки становится человекъ — вотъ такъ; сила могучая, — правда, — а все же непримично при публикѣ, — замѣтилъ Андрей Андреевичъ, думая конечно поддѣлаться тѣмъ подъ мнѣніе городничаго.

«Тѣфу ты пропасть какая, опять непримично, да кто же спорить съ вами объ этомъ? я спрашиваю, по какой методъ, думаете вы доходятъ люди до такой гибкости членовъ; ну примѣрно сказать, возьмемъ хоть васъ, попробуйте-ка, стоя на ногахъ, перегнуться такъ, чтобы голова очутилась между ногъ сзади.» —

— Не дворянское дѣло, Дмитрій Лукьянычъ, не дворянское дѣло, вотъ что-съ! — «Да могли ли бы вы?»

— Не дворянское дѣло, и предлагать-то подобныя вещи неблагородно, Дмитрій Лукьянычъ; тридцать два года служилъ по выборамъ въ разныхъ должностяхъ и никто изъ начальства не только такого предложенія не дѣлалъ, а и косо не взглянулъ.

«Да поймите же ради Бога, въ чемъ дѣло Андрей Андрейчъ!»

— Кажется, не выстарѣлся, разсудокъ не помраченъ, а ужъ кувыркатся, потрудитесь сами....

«Я говорю Тихону Парфеньичу, что гибкость тѣла пріобрѣтается постепенностью.»

— Фигляркомъ-съ не былъ, такъ и не знаю, — отвѣчалъ все таки съ гнѣвомъ старичекъ.

«Хороша постепенность, когда, съ позволенія сказать, затылокъ касается пятокъ,» проворчалъ городничій, пожимая плечами, «хороша постепенность?»

— Ну а по вашему, что же это такое! — спросилъ перебѣжавшій отъ Андрея Андреевича смотритель, — небось кости повынуты — а? нѣтъ, батинька, безъ постепенности ноги выше головы не поднимешь;

постепенность до всего доведетъ, и быка поднимешь и миллионъ наживешь.

«Вотъ научите, такъ спасибо скажемъ,» сказала насмѣшливо городничій.

— И впрямь, научите-ка, — прибавилъ также иронически Андрей Андреичъ, — и онъ взглянулъ на городничаго, который въ свою очередь мигнулъ глазомъ и бросилъ взглядъ на частнаго, — частный зашевелился, вытеръ ротъ рукавомъ и улыбулся такъ значительно, что штатный смотритель чуть не плюнулъ.

«Смѣяться и ухмыляться нечего,» продолжалъ смотритель, «а отложи сего дня грошъ, да завтра грошъ, когда же нибудь придетъ тотъ день, что перечесть гроши и выйдетъ миллионъ.»

— Да сколько же лѣтъ нужно служить для этого, Дмитрій Лукьянычъ? — пропихивалъ въ полголоса частный, закрывая ротъ свой сальною перчаткою, какъ бы стараясь удержать порывъ смѣха.

Острое замѣчаніе частнаго такъ понравилось Тихону Парфеньичу и Андрею Андреевичу, что они оба померли со смѣху и, насмѣявшись досыта, отправились каждый въ свою сторону рассказывать знакомымъ о пулѣ, слитой всезнающимъ Дмитриемъ

Лукьяновичемъ, который, пожавъ плечами, выколотилъ трубку свою о носокъ собственнаго сапога и, набивъ ее свѣжимъ табакомъ, сошелъ съ вала и пустился вдоль коновязей, заговаривая съ барышниками.

Въ то самое время, когда пораженный острымъ замѣчаніемъ пристава, штатный смотритель уезднаго училища бѣжалъ съ глазъ торжествующихъ его противниковъ, — въ двухъ верстахъ отъ городского вала костюковскій помѣщикъ въ сопровожденіи кучера Тимошки вѣзжалъ съ проселка на городскую дорогу.

Богъ знаетъ, какимъ способомъ Тимошка въ нѣсколько дней успѣлъ совершенно преобразовать насмѣдственную парочку, оставленную родителемъ Петру Авдѣевичу и сдѣлать изъ нея только что не ухорскую. — Пристяжная, круто согнутая въ кольцо, врядъ ли даже уступала въ гибкости своей австрійскому отцу семейства, такъ близко несла она голову отъ заднихъ ногъ; пристяжную управлялъ самъ Петръ Авдѣевичъ.

Едва переднія колеса тельжки его перескочили съ разбѣга чрезъ гнилой мостикъ, соединявшій проселочную дорогу съ большою, какъ съ противоположнаго проселка, чрезъ точно такой же мостикъ, вползла на

ту-же большую дорогу четверомѣстная оранжеевая коляска, запряженная четверкою гнѣдыхъ, несовершенно ровныхъ, но толстоватыхъ лошадей. Кузовъ коляски этой весьма походилъ на померанецъ съ вынутою изъ него четвертою частью. Впереди померанца на чемъ-то очень высокомъ, сидѣль сгорбившись худощавый кучеръ въ голубомъ китайчатомъ армякѣ, а рядомъ съ нимъ грязновато одѣтый дворовый мальчикъ въ теплой шапкѣ, надѣтой на самые глаза. — Что же и кого заключалъ въ недрахъ своихъ померанецъ, того ни Петръ Авдѣвичъ, ни Тимошка рассмотреть не могли, потому что отверстіе, находившееся въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ спинъ сидѣвшихъ спереди, завѣшено было чрезмерно ветхимъ кожанымъ фартукомъ. — Желая дать вздохнуть бѣгунамъ своимъ, Петръ Авдѣвичъ приказалъ Тимошкѣ осадить коренную и шагкомъ слѣдовать за коляскою померанцеваго цвѣта; долго молча и внимательно разсматривали господинъ съ кучеромъ замысловатый экипажъ, наконецъ Петръ Авдѣвичъ первый прервалъ молчаніе вопросомъ: на что такъ пристально смотритъ Тимошка и знакома ли ему коляска?

— Знакома-то знакома, какъ не знако-

ма, отвѣчалъ кучеръ, — да идетъ-то она какъ-то чудно!

«А что?»

— Да вотъ извольте, сударь, сами взглянуть! — Тимошка собралъ возжи въ лѣвую руку, а правую указалъ на переднюю ось.

«Ну что же? я ничего такого не вижу, ось, какъ ось,» замѣтилъ штаб-ротмистръ.

— И самъ я вижу, что ось, какъ ось, а вотъ дышло-то полно здорово ли, чего бы кажется вилить ему во всѣ стороны, — ишь какъ бросаетъ!

И действительно, померанцевый экипажъ, знакомый Тимошкѣ, на каждомъ шагу выскакивалъ изъ колеи и заднею частью своей дѣлалъ такія странныя движенія, что будь онъ совершенно безъ дышла, ходъ его не могъ бы быть неправильнѣе.

Убѣдясь наконецъ въ истинной причинѣ, заставлявшей коляску кататься во всѣ стороны, наблюдатели наши не сочли нужнымъ предупредить сидѣвшихъ въ немъ и приступили — баринъ къ распросамъ объ вѣвшихъ, а кучеръ къ подробному описанію ихъ житья-бытья.

По словамъ всевѣдущаго Тимошки, *лекипажъ* принадлежалъ вдовѣ уѣзднаго судьи Лизаветѣ Парфеньевнѣ Кочкиной, родной

сестрѣ городничаго, купившей верстахъ въ пятнадцати отъ Костюкова имѣньишко душъ въ сорокъ; покойникъ, молвать, оставилъ ей препорядочную кубышку съ ассигнаціями, которую она запрятала такъ далеко, что и самому городничему не отыскать; далѣе онъ сообщилъ, что у вдовы былъ сынъ, да оно-внясь померъ, говорятъ, гдѣ-то за Херсонью. Да сынка-то барыня не очень жалѣла, изъ того, что мотовать былъ покойникъ; впрочемъ мужики на старую барыню не жалются и работу господскую справляютъ не-правно.

Вотъ приблизительно тѣ свѣдѣнія, которыя успѣлъ почерпнуть Петръ Авдѣевичъ изъ устъ кучера своего, трясая съ нимъ въ узкой телѣжкѣ по сухой и выбитой дорогѣ, какъ вдругъ дорога эта, свернувъ вправо, стала спускаться въ ровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и впереди катившаяся коляска начала покачиваться въ обѣ стороны такъ сильно, что вальки ея били пристяжныхъ по ногамъ.

— Такъ и есть, что дышло-то треснуло! э! вовсе переломилось! — воскликнулъ Тимошка, приостанавливая коренную.

«Что жъ тутъ дѣлать?» спросилъ баринъ.

— А что дѣлать? дѣлать нечего, — равнодушно отвѣчалъ кучеръ; — на этой кручѣ

хоть чорта положи подѣ колеса, не остано-вить; оно бы еще ничего, какъ нибудь спустились бы, да подѣ горой мостишка еле держится, перила словно грибъ какой, — сгнили вовсе, такъ чтобы съ мосту имъ не слетѣть, — вотъ что! — И кончивъ повѣствованіе свое, Тимошка указалъ барину своему то, что онъ называлъ мостишкой. Глазамъ же Петра Авдѣевича предстала картина, не совершенно схожая съ описаніемъ, и прежде замѣченный имъ сквозъ частый кустарникъ ровъ былъ только первой ступенью той пропасти, съ которой надлежало спестись померанцевому экипажу; по самой срединѣ дороги змѣилась извилиною глубокая рывина, а въ концѣ ея надѣ другою бездонною пропастью, гнѣздилося то сѣпленіе гнилости, которое обозначается громкимъ названіемъ моста, — а въ жизни практической только что не *memento mori*!

Но видимому, воззрѣніе на вышеописанный ландшафтъ одинаково подѣйствовало какъ на штаб-ротмистра, такъ и на сидѣвшихъ внутри померанца. Первый крикнулъ отъ ужаса, а вторые стали кричать благимъ матомъ — дышло коляски ихъ въ самомъ началѣ ската, выскочивъ изъ гнѣзда своего, уничтожило разстояніе, обыкновенно нахо-

дящееся между вагою экипажа и лошадьми, отъ чего вся четверня принялась бить съ ожесточеніемъ.

— «Пошелъ мимо!» крикнулъ повелительнымъ голосомъ Петръ Авдѣвичъ и, не давъ Тимошкѣ опомниться, отважный штаб-ротмистръ, забывъ всю опасность, троекратнымъ ударомъ плети, поднялъ коней своихъ въ карьеръ и, направа ихъ по крутому скату горы, очутился въ одинъ мигъ во главѣ несшейся четверни.

— «Держи подъ нихъ», — воскликнулъ Петръ Авдѣвичъ, намѣреваясь выхватить возжи изъ рукъ своего спутника; но сметливый, какъ и большая часть русской братіи, Тимошка, схватилъ барскую мысль на лету и, оттолкнувъ легонько плечомъ своимъ его руку, проворчалъ: «знаемъ!» и богатырскимъ поворотомъ на всемъ скаку положилъ коленную подъ ноги всей четверни.

Кому случалось участвовать въ подобныхъ столкновеніяхъ, тотъ врядъ ли опредѣлитъ въ точности, какое мѣсто занималъ онъ въ группѣ; тоже самое случилось и съ Петромъ Авдѣвичемъ и съ безстрашнымъ Тимошкой и съ безответною парочкою его маленькихъ коней; всѣ они цѣплялись за что-то и освобождались изъ подъ чего-то, тащились

нѣсколько мгновеній съ какою-то чудовищною массою, но наконецъ масса остановилась и тысячи голосовъ раздались гдѣ-то вдали.

Услышавъ ихъ, штаб-ротмистръ, очутившійся въ самой серединѣ живописной группы и чувствовавшій на тѣлѣ своемъ какую-то неопредѣленную тяжесть, рѣшился пошевелить ногою; нога подалась, боли не было, — онъ вздохнулъ свободнѣе и двинулъ другою ногою, и другая цѣла... «Слава Богу,» прошепталъ Петръ Авдѣвичъ и раскрылъ глаза, — надъ самымъ лицомъ его явственно обрисовалась передняя ось коляски со всеми принадлежностями; къ плечу прислонялось колесо; лошадиная нога покоилась на желудкѣ, а правымъ бокомъ касаясь онъ четырехъ копытъ правой коренной, которая равно лежала и изъ подъ которой торчали тимошкины ноги.

Неизвѣстность объ участи кучера возвратила штаб-ротмистру всю его бодрость; онъ приподнял голову, уперся правымъ локтемъ въ землю и, освободивъ желудокъ свой изъ подъ лошади, сталъ на колѣни.

— Живъ ли ты, Тимошка? — проговорилъ нетвердымъ голосомъ Петръ Авдѣвичъ, не смѣя взглянуть за спину правой коренной.

«Кажись, живъ», отвѣчалъ тотъ, «да прижала больно скотина, дохнуть не могу.»

— А живъ, такъ ладно, — воскликнулъ радостно баринъ и, вскочивъ на ноги, усердно принялся тащить съ Тимофея давившую его коренную, рвать на ней сбрую и растягивать зубами тѣ узлы, которыхъ руками одолѣть не могъ. Углубленный въ занятіе свое, штаб-ротмистръ не замѣчалъ происходившаго вокругъ него; онъ даже не подозрѣвалъ, что глубокимъ оврагомъ, въ который неслася померанцевая коляска, отдѣляясь городской валъ отъ того мѣста, гдѣ цѣною жизни своей готовъ былъ Петръ Авдѣвичъ искупить жизнь людей, ему совершенно незнакомыхъ, наконецъ Петръ Авдѣвичъ не подозрѣвалъ и того, что свидѣтельницаю его самоотверженія была цѣлая ярмарка и что тысячи людей окружали его въ эту минуту; но штаб-ротмистру было не до нихъ и пока Тимошка не оттеръ себя боковъ, не почесалъ головы и съ помощью барина не поднялся кряхтя на ноги, костюмовскій помѣщикъ не замѣчалъ никого и ничего.

Но Тимошка вспомнилъ о шапкѣ и принялся искать шапки, а штаб-ротмистръ повернулъ голову назадъ и остолбенѣлъ.

Вокругъ него толпился народъ, а рядомъ съ нимъ, поддерживаемая какимъ-то толстымъ господиномъ въ мундирномъ сюртукѣ, стояла блѣдная, но красивая женская фигура, съ такою улыбкою на устахъ, что штаб-ротмистръ невольно улыбнулся самъ и принялся застегивать сюртукъ, у котораго однакоже не оказалось праваго лацкана.

— Ну, батюшка, славное вы дѣло сдѣлали, сударь, да вознаградить васъ Богъ за такое мужество, — проговорилъ толстый господинъ, протягивая руку свою штаб-ротмистру; — позвольте теперь узнать, кому я обязанъ спасеніемъ сестры и племянницы, — прибавилъ тотъ же господинъ, указывая на блѣдную дѣвушку, говорившую также что-то не совсѣмъ понятное.

«Помилуйте, стоитъ ли?» отвѣчалъ Петръ Авдѣвичъ, продолжая искать своего лацкана; «кучеръ свинья, его дѣло было замѣтить, что дышло надломано, ему поддать хорошенько....»

— Но вашъ поступокъ такъ благороденъ.... —

«Я случайно съехался съ ними, и давно постичь не могъ, отъ чего коляска шныряетъ то вправо, то влѣво, а вышло на поверку, что дышло действительно перелом-

лено, — поддать бы кучеру не мѣшало-съ, право.»

Но тутъ рѣчь штаб-ротмистра перебита была пронзительнымъ голосомъ барыни пожилой и тощей, какъ смоква; она и пространно и велерѣчиво выразила благодарность свою, называя Петра Авдѣевича благодѣтелемъ, благородною душою и дюжиною подобныхъ названій, на которыя оглушенный штаб-ротмистръ не успѣвалъ и не находился отвѣчать. Но толстый господинъ въ свою очередь перебилъ рѣчь тощей барыни и объяснилъ Петру Авдѣевичу, что тощая барыня была сестра его, а блѣдная дѣвица племянница, а самъ онъ городничій, а заключилось объясненіе приглашеніемъ откушать.

Штаб - ротмистръ взглянулъ на свой изорванный сюртукъ, покрытый пылью, хотѣлъ было отговориться, но городничій безъ церемоніи схватилъ его подъ руку и только что не потащилъ насильно по направленію къ мосту; за ними послѣдовали: вдова уѣзднаго судьи, дочь ея, приставъ съ шишкою на вискѣ, Андрей Андреевичъ въ синемъ фракѣ и наконецъ народъ, сбѣжавшійся съ ярмарки.

Забытый всеми, Тимошка, отыскавъ шап-

ку, принялся съ помощію барыниного кучера и нѣсколькихъ звакъ, распутывать лошадей, ставить ихъ на ноги, которую бить, которую гладить, приговаривая то крупное словцо, то ласку еще крупнѣе крупнаго словца, — и по прошествіи двухъ - трехъ часовъ, померанцовый *лектажъ* и скромная штаб-ротмистрская тельжка чинно вѣзхали въ шагбаумъ уѣзднаго города, въ которомъ вѣсть о чудномъ спасеніи вдовы и ея дочери разнеслась со всеми бывальыми и небывальыми подробностями. Остается прибавить, что Тимошка, неизвѣстно съ какою цѣлью, но пользуясь вѣроятнo благоприятными для него обстоятельствами, поручилъ тельжку свою кучеру вдовы уѣзднаго судьи, а самъ торжественно возсѣлъ на козлы померанцевой коляски.

Кому хотя разъ случалось проѣзжать по западнымъ губерніямъ, тотъ не могъ не замѣтить родственнаго сходства большою части уѣздныхъ городовъ. Положимъ, что, по дешевизнѣ лѣса, количество находящихся въ нихъ каменныхъ строеній одинаково ничтожно въ сравненіи съ деревянными; допустимъ, что и главныя городскія зданія, какъ то: присутственныя мѣста и почтовые станціи схожи во всехъ городахъ, потому

что строятся по однимъ и тѣмъ же планамъ и что для зданій этихъ выбираютъ мѣста одинаковыя, — для присутственныхъ и почтовыхъ домовъ площади, и такъ далѣе. Но почему же частныя обывательскіе дома подчинились общему закону сходства? почему же сходство это не только не ограничивается постройками, но распространяется въ городахъ западныхъ губерній и на жителей, на лошадей, на рогатый скотъ, и на все животное царство, не исключая птицъ?

Возьмемъ на выдержку любой предметъ, жида наприимѣръ: вопервыхъ жидъ во всѣхъ этихъ городахъ неопредѣленнаго цвѣта; онъ тощъ, вѣки глазъ его безъ ресницъ, камзолъ его безъ фалды, на пальцахъ, вмѣсто ногтей, растутъ древесная кора, а темя покрыто такими вещами, которыхъ не опредѣлить ни одинъ естествоиспытатель. Въ городахъ западныхъ губерній, тропинки, проложенныя сынами Израиля, по улицамъ и переулкамъ, идутъ обыкновенно у самой подошвы заборовъ и исчезаютъ на воротахъ, потому что жидъ, подходя къ углу дома, повертывается къ нему лицомъ, обхатываетъ уголъ обѣими руками и тогда уже переноситъ ногу на другую сторону. Ткани, употребляемыя

тамошними жидами на одежду, не ткуются нигдѣ и никогда не бывають новы; ихъ какъ бы ловятъ они въ тѣхъ океанахъ грязи, которыми окружены жидовскія жилища, въ которыхъ гнѣздятся ихъ дѣти и которыхъ наконецъ не высушиваетъ никакое солнце въ міръ; безъ этой грязи не прожилъ бы ни одинъ жидъ ни двадцати четырехъ часовъ.

Перейдемъ къ лошадямъ; конь западныхъ городовъ принадлежитъ болѣе къ произведенію зодчества, чѣмъ природы, потому что послѣдняя влагаетъ въ него только жизнь, но формы отдѣляются уже въ послѣдствіи палкою; созданіе это рѣдко перерождается полтора аршина, ноги его коротки, а копыта замѣняются какими-то некованными ногтями; палка и плеть, неразлучныя съ кожею этихъ лошадей, дозволяютъ шерсти расти только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя недоступны для этихъ орудій, а именно на глазахъ и внутри ушей; все же остальныя части тѣла похожи на голенища ямскихъ сапогъ, вымазанныхъ дегтемъ. Кони западныхъ губерній имѣютъ свойство бѣжать только съ горы, и въ этомъ случаѣ нѣрѣдко привязанныя къ нимъ сани безъ подрѣзовъ, принимая косвенное направленіе, сначала перегоняютъ

ихъ, а потомъ завлекають за собою въ глубокіе рвы, рѣмки или боковыя канавы. Кормъ этихъ лошадей не ограничивается овсомъ и сѣномъ, съ которыми они встрѣчаются рѣдко; ихъ же кормъ служитъ предварительно кровомъ домовъ, а потомъ уже, мелко изрѣзанный, поступаетъ въ конскій желудокъ. Рогатый скотъ ходитъ на лошадей, ровно столько же, сколько городскіе мѣщане на евреевъ; нечистота и неопрятность господствуютъ повсюду, и горе тому, кого судьба заброситъ въ такой городокъ въ холодное зимнее время и на долгое жительство!

Впрочемъ оставимъ покада рогатый скотъ и перейдемъ къ герою разсказа нашего Петру Авдѣвичу Мюнабы - Полевалову, котораго съ триумфомъ сопровождала многочисленная толпа отъ заставы до дома городничаго.

На пути узналъ наконецъ градоначальникъ, что спаситель родственницъ его былъ не кто другой, какъ сынъ покойнаго Авдѣя Петровича и на пути же передана была эта вѣсть Андрею Андреевичу, Дмитрію Лукьяновичу и новымъ лицамъ, прибывавшихъ со всѣхъ закоулковъ и умножавшихъ собою свиту штаб - ротмистра; самъ же штаб - ротмистръ находился въ самомъ неловкомъ

положеніи; шедши рядомъ съ городничимъ, онъ высмотрѣлъ безпорядокъ, произшедшій въ одеждѣ его во время паденія померанцевой коляски, и безпорядокъ этотъ былъ такого рода, что не будь оторванъ лацканъ у сюртука, а вмѣстѣ съ нимъ и значительная часть полы, его никто бы не замѣтилъ. Но полы не стало, и напрасно старался онъ, соединеніемъ оставшейся полы съ изорваннымъ краемъ одежды, скрыть произшедшее съ нимъ несчастіе, напрасно прибавлялъ онъ шагу и избѣгалъ поворотовъ; сопутствовавшія ему лица, какъ нарочно, забѣгали впередъ, и Петра Авдѣвича бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но вотъ площадь, достатое крыльцо городническаго дома, нѣсколько кривыхъ ступень, и онъ спасенъ! Нѣтъ! въ дверяхъ прихожей неумолимый рокъ готовилъ нашему герою новое страшное испытаніе: предупрежденная къ-то супруга городничаго и двѣ дочери, очень взрослыя, почли долгомъ привѣтствовать гостя, первая длинною рѣчью, а вторыя книксеномъ и сладчайшею изъ улыбокъ. Петръ Авдѣвичъ вспомнилъ о картузѣ своемъ и прикрылъ имъ безпорядокъ, но городничій, подошедшій съ тылу, взялъ Петра Авдѣвича за ту самую руку, которая держала

картузь и потащилъ въ залу. Положеніе штаб - ротмистра становилось такъ затруднительно, что не высмотря онъ большого кожанаго кресла въ темномъ углу первой комнаты, онъ выскочилъ бы, можетъ быть, въ первое окно, но кресло и темнота угла представились глазамъ его, какъ послѣднее и единственное средство къ спасенію и, подобно утопающему, бросающемуся на случайно плывущую доску, онъ бросился въ уголь въ кресло и внутренно поклялся не двигаться, пока не представится случай бѣжать. И такъ, сидя неподвижно, принялъ костюковскій помѣщикъ, какъ новыя поздравленія гостей, такъ и вторичныя увѣренія семейства городничаго въ вѣчной признательности за оказанную имъ услугу.

Все это выслушалъ Петръ Авдѣевичъ съ достоинствомъ и сидя; когда же въ свой чередъ подошла къ нему блѣдная племянница городничаго и съ румянцемъ стыдливости на лицѣ протянула ему свою, хотя и не миниатюрную, но очень пухленькую и довольно бляенькую ручку, Петръ Авдѣевичъ вскочилъ на ноги, уронилъ картузь, поцѣловалъ протянутую руку красавицы и, опомнившись, опрометью бросился въ первую попавшуюся ему дверь; по счастью, вела дверь

эта въ канцелярію городничаго, куда немедленно явился и онъ самъ.

— Что съ вами, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ? — спросилъ городничій, осматривая съ удивленіемъ гостя своего, — мы уже вообразили себѣ, что вы занемогли, Боже упаси? —

«Не то, чтобы занемогъ», отвѣчалъ съ застѣнчивостію штаб - ротмистръ, «но находитесь въ дамскомъ обществѣ въ такомъ нарядѣ, какъ мой, признаюсь неловко какъ-то.»

— Полно-те, сударь, общество это съ сегодняшняго дня вамъ болѣе не чуждо, и кто же взыщеть съ чловѣка, который готовъ былъ жертвовать....

«Все такъ, Тихонъ Парфенъичъ, а все таки....»

— И! ровно ничего, повѣрьте слову.

«Но....»

— Что же но?

«Но», повторилъ штаб - ротмистръ, оглядываясь во все стороны, «вы взгляните сюда; я и не замѣтилъ сначала.»

— Да, такъ вотъ что, — проговорилъ городничій, взявшись за бока, — ну это обстоятельство иное, конечно не то, чтобы ловко при дамахъ; впрочемъ мы дѣлу поможемъ. — Ансимиъ! Ансимиъ! — закричалъ

Тихонъ Парфеньичъ, выглянувъ изъ двери, принеси-ка братецъ мой стеганый архалукъ.

«Какъ архалукъ?» спросилъ штаб - ротмистръ, «для кого же это архалукъ?»

— Не тревожьтесь, почтеннѣйшій, архалучекъ-то съ иглочки, жена намеднись подарила.

«Сила не въ новизнѣ, а какъ же мнѣ его надѣть? развѣ просидѣть здѣсь?»

— Какъ бы не такъ.

«Такъ не уже ли я рѣшусь показаться въ немъ при дамахъ?»

— А вы думали?

«Нѣтъ ужъ, Тихонъ Парфеньичъ, вы меня извините.»

— И дамы извинятъ, ручаюсь, — перебилъ, смѣясь, городничій.

«Ну ужъ нѣтъ, Тихонъ Парфеньичъ.»

— Не нѣтъ, а да!

«Ну ужъ нѣтъ!»

— Посмотримъ! Дарья Васильевна, Александра Осиповна, Маланья Андреевна, пожалуйста-ка сюда на часокъ, — закричалъ городничій такъ громко, что на зовъ его тотчасъ же отозвались три женскіе голоса.

«Что вы это, Тихонъ Парфеньичъ», жалобно завопилъ штаб - ротмистръ, бросаясь

запирать дверь, «вѣдь этакъ вы меня губите совершенно, вѣдь этакъ я пропаду совершенно со стыда.»

— Дарья Васильевна, пожалуйста-ка сюда, матушка, продолжалъ кричать городничій, — вотъ въ чемъ сила, тутъ вы?

«Тутъ, тутъ,» пропищали за дверью тѣ же три женскіе голоса.

— Тихонъ Парфеньичъ! Тихонъ Парфеньичъ! — прошепталъ еще жалостливѣе штаб-ротмистръ, — ради самого Бога!

«Нѣтъ, сударь, ни за что», продолжалъ городничій, «вы не хотите сдѣлать намъ чести откушать съ нами, потому что....»

— Тихонъ Парфеньичъ!....

«Потому что, спасая нашихъ же, разорвали себѣ платье, такъ это, сударь, не причина, потому что я предлагалъ вамъ архалукъ и дамы вѣрно»....

— Тихонъ Парфеньичъ, согласенъ! но только именовемъ Создателя....

«Я говорю, что дамы вѣрно присоединятся ко мнѣ, чтобы просить васъ.»

— Надѣюсь, увѣрены; да какъ же иначе, Петръ Авдѣевичъ, всѣ мы просимъ, требуемъ, умоляемъ, — раздалось за дверьми нѣсколько пискливыхъ голосовъ и такъ звонко,

что штаб-ротмистръ пытался было отвѣчать имъ что-то, но перекричать не могъ; когда же голоса замолкли, несчастный Петръ Авдѣевичъ вынужденъ былъ дать честное слово явиться въ гостинную въ нарядѣ Тихона Парфеньича.

Нарядъ этотъ немедленно принесенъ былъ Анисимомъ, а состоялъ онъ изъ штуки цветной термаламы, приведенной руками Дарьи Васильевны, то есть супруги городничаго, въ форму стеганого архадука для плечь супруга и халата для стана Петра Авдѣевича.—Какъ ни жеманился, какъ ни вертѣлся бѣдный костюковскій помѣщикъ, подобно полипу впился въ него Тихонъ Парфеньичъ и помощью мощныхъ рукъ его штаб-ротмистръ не вошелъ, а вдвинуть былъ насильно въ среду многочисленнаго общества, значительно увеличившагося во время кратковременнаго отсутствія хозяина и гостя.

— Мнѣ такъ конфузно, что вы представить себя не можете, я бы то есть предпочелъ бы въ преисподнюю, — говорилъ, обращаясь во всѣ стороны, Петръ Авдѣевичъ, — и на это, кто отвѣчалъ, что платѣе не дѣлаетъ человѣкомъ, кто увѣрялъ штаб-ротмистра, что душевныя качества составляютъ главное убранство человѣка, остальное же

вздоръ, мечта... Но эти утѣшенія могли бы принести гостю нѣкоторую отраду, будь только архадукъ Тихона Парфеньича поуже, да не заходи талія его слишкомъ низко на спинь; на бѣду же штаб-ротмистра, въ гостинной какъ нарочно повышены были зеркала одно противъ другаго и куда бы ни направился взоръ его, всюду встрѣчалъ онъ себя въ самомъ неавантажномъ, въ самомъ забавномъ видѣ.

«И когда подумаешь, что всему причиной проклятый лацканъ,» говорилъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ, и приговаривалъ: вотъ такъ бы кажется!... Но спасительные для штаб-ротмистра три часа перевели всеобщее вниманіе съ архадука его на круглый столъ, уставленный закускою, и всѣ члены общества стали переходить отъ гостя къ кудебьякъ съ вязигою, къ поджареннымъ неченкамъ, къ сельдямъ, фаршированнымъ ситнымъ хлѣбомъ, къ копченой любской колбасѣ и къ водкамъ алаго и зеленого цвѣта.

Многихъ изъ гостей хозяевамъ нужно было упрашивать откушать, а многихъ не мѣшало бы пріостановить; къ числу послѣднихъ принадлежалъ Дмитрій Лукьяновичъ, въ желтыхъ ботинкахъ, который между про-

чимъ не переставалъ бросать на Петра Авдѣвича не совсѣмъ дружелюбные взгляды. Причина нерасположенія штатнаго смотрителя къ герою нашему объяснилась въ послѣдствіи.

«Однако четвертый часъ, господа!» воскликнулъ хозяинъ и, вытащивъ изъ рта завязнувшій межъ зубовъ хвостикъ селедки, онъ подвелъ блѣдную племянницу къ Петру Авдѣвичу, прося его занять съ нею почетныя мѣста за столомъ.

Снова всѣ взоры обратились на штаб-ротмистра и снова смѣшался штаб-ротмистръ, но всѣ встали съ своихъ мѣсть и дѣлать было нечего; онъ взялъ дѣвушку за руку и пошелъ въ столовую.

Не стану описывать ни числа, на качества блюдь — скучно; обѣдь былъ сытенъ, вина подкрашены, прислуга неопрятна, Андрей Андреевичъ приторенъ, штатный смотритель веселъ, а блѣдная красавица неговорлива.

Нѣсколько разъ принимался было Петръ Авдѣвичъ заговаривать съ сосѣдкою своею; но одинъ мгновенный румянецъ былъ единственнымъ отвѣтомъ на вопросы гостя.

— Что же ты, Полинька, такъ молчалива? — замѣтила наконецъ тощая вдова

узднаго судьи, — ты не краснѣй, а отвѣчай на то, что Петръ Авдѣвичъ у тебя спрашиваетъ.

«Помилуйте, Елизавета Парфеньевна! это ничего-съ; зачѣмъ же беспокоиться Пелагеев Власевнѣ; я такъ спрашивалъ, чтобы поговорить чтонибудь просто», отвѣчалъ штаб-ротмистръ, котораго три рюмки хереса примирили съ длинною талиєю архалука.

— Какъ ничего-съ, Петръ Авдѣичъ, — возразила вдова, — учтивость требуетъ, что бы дѣвица отвѣчала кавалеру, — тѣмъ болѣе, что вы избавитель нашъ.

«Помилуйте-съ, Елизавета Парфеньевна!»

— Какъ помилуйте-съ, я отъ сердца говорю, я чувствую, что говорю, и Полинька должна чувствовать.

«Но стѣить ли того-съ, помилуйте-съ.»

— Надѣюсь, что стѣить, Петръ Авдѣичъ.

«Право не стѣить, Елизавета Парфеньевна, да я могу вамъ сказать,» продолжалъ штаб-ротмистръ, «что у меня обыкновеніе такое; разъ вижу-съ опасность какаянибудь и кто бы то ни былъ подвергается, — ужъ мое почтеніе, чтобы выдалъ, съ рискомъ живота готовъ на опасность.»

— Прекрасное свойство! — замѣтилъ со-

борный священникъ, сидѣвшій противъ штаб-ротмистра.

«Какое прекрасное-съ!» перебилъ Петръ Авдѣвичъ, «напротивъ могу сказать вамъ, большое дурачество; право иногда самъ себя говорю и дивлюсь потомъ, ну какъ напри-мѣръ года четыре назадъ привели ремонтъ-съ—вотъ-съ, выводить поодиначкѣ, а между манежемъ и денникомъ такая скользкая тропинка, кобыла зашалаила, и ну лягаться—вѣрите ли приступу нѣтъ.—У насъ же извѣстно.... вотъ вы не служили въ кавалеріи (съ этимъ вопросомъ обратился было Петръ Авдѣвичъ къ соборному священнику, но опомнясь перенесъ взглядъ на другія лица); не замѣтивъ, какъ видно, ни одного, который бы, по его мнѣнію, могъ служить въ кавалеріи, штаб-ротмистръ прибавилъ: «все равно-съ» и продолжаетъ: «позвѣстно у насъ, что какъ лошадь залагается, такъ уловчись только схватить ее ловко за хвостъ, мигомъ подождется, и кончено-съ; я подумалъ, да и хватилъ!»

— Что же она? — спросили нѣсколько голосовъ.

«Она присѣла, голубушка, и ни ни!»

— Не уже-ли? какая отвага!

«Отвага? пусть себя отвага! однако же

оборвись рука! или случись другое что! такъ бы свиснула, что чудо! тоже самое-съ и сегодняшній случай, ну будь гнѣдой вашъ прытче, разозжилъ бы лобъ и больше ничего-съ!

— Охъ! едва крикнула блѣдная красавица.

«Да упаси же Богъ!» проговорила вдова—и большая часть гостей значительно перемигнулась, смотря попеременно то на спсителя, то на спасенныхъ.

Послѣ жаркаго подали шампанское, разлили его по бокаламъ и городничій провозгласилъ тостъ Петра Авдѣвича, сестры своей вдовы и племянницы.

— Зачѣмъ мое, братецъ? громко замѣтила вдова, мнѣ пора умирать, а пить здоровье тѣхъ, кто помолже. Петръ Авдѣвичъ, позвольте вамъ пожелать всякаго благополучія, — прибавила она, вставая.

«Ужъ не одного-съ, а ежели позволите, то Пелагеи Власьевны», отвѣчалъ, вставая въ свою очередь штаб-ротмистръ.

— А такъ, такъ, такъ! быть по сему! завопилъ городничій и всѣ съ шумомъ поднесли бокалы къ губамъ.

Дмитрій Лукьяновичъ замѣтилъ было, что тостъ этотъ похожъ на свадебный, за

что и ущипнул его пребольно сидѣвшій рядомъ съ нимъ городничій... Тѣмъ и кончился обѣдъ, съ котораго въ скоромъ времени отуманенные гости расползлись по домамъ своимъ, предоставивъ гостинную градоначальника родственному кружку его, Петру Авдѣвичу и неотвязчивому смотрителю училища.

Промежутокъ между обѣдомъ и вечеромъ посвященъ былъ мужчинами висту съ болваномъ, а подъ вечеръ собралась городская молодежь, состоявшая изъ такъ называемыхъ приказныхъ и женскаго чиновничьяго пола.

Городничій предложилъ было повторить утреннюю прогулку по ярмаркѣ, но штаб-ротмистръ объявилъ рѣшительно, что хотя и просидѣлъ въ домъ его цѣлый день въ архалукѣ, но въ такомъ неблагопрстойномъ видѣ конечно въ народѣ не покажется и не сдѣлаеть такого неучтивства, а ежели хотятъ, то готовъ онъ Петръ Авдѣвичъ повеселить всѣхъ играми и предлагаетъ себя въ коршуны.

— Ахъ, какъ это весело! закричали дочери городничаго, и въ тотъ же мигъ отодвинувъ столы и стулья, вся компанія какъ дѣвицы, такъ и молодыхъ людей построи-

лась въ одну линію, перепоясала другъ друга носовыми платками и, подпрыгивая, приготовилась ко всѣмъ возможнымъ эволюціямъ.

Защитникомъ стада избранъ былъ Дмитрій Лукьяновичъ. Штатный смотритель растопырилъ руки, разставилъ ноги и подаль знакъ къ началу. Противники оказались равными по силѣ; съ ожесточеніемъ нападалъ на крикливое стадо Петръ Авдѣвичъ; съ ловкостію, свойственною роли, имъ разыгрываемой, неоднократно вцѣплялся онъ то въ бѣлыя платья дѣвицы, то въ полы чиновничьихъ сюртуковъ, но каждый разъ между имъ и бѣлымъ платьемъ появлялось влажное лицо штатнаго смотрителя, и коршунъ находился вынужденнымъ направлять атаки свои въ другую сторону. — «Постой же», подумалъ штаб-ротмистръ, «ужъ ты у меня чубурахнешься, мокрая образина,» — и дѣйствительно, еще одно всеобщее движеніе и штатный смотритель всѣмъ тѣломъ грянулся объ полъ.

Торжествующій Петръ Авдѣвичъ выхватилъ изъ рассыпавшагося стада блѣдную племянницу городничаго; всѣ раскохотались, но Дмитрій Лукьяновичъ не раздѣлялъ все-

общей радости и, поднявшись, пресерьёзно подошелъ къ побѣдителю.

«Вы, государь мой....»

— Что? — спросилъ штаб-ротмистръ.

«Вы, государь мой,» повторилъ штатный смотритель, блѣднѣя.

— Что же продолжайте.

«Я бы сказалъ вамъ, но....»

— Но форсу не хватаетъ вѣрно, — прибавилъ смѣясь Петръ Авдѣвичъ и, бросивъ на противника презрительный взглядъ, онъ подошелъ къ перепуганной Пелагеѣ Власьевнѣ, которая умоляющимъ голосомъ и въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ закланала его не вызывать на дуэль Дмитрія Лукьяновича, возненавидѣвшаго Петра Авдѣвича но словамъ ея за то, что Петръ Авдѣвичъ.... тутъ красавица снова покраснѣла и потупила глаза.

— Какъ возненавидѣлъ, за что возненавидѣлъ? спросилъ, не понимая недоконченной рѣчи штаб-ротмистръ.

«Я, можетъ быть, не такъ выразилась, Петръ Авдѣвичъ,» пролепетала дѣвица, «а то мнѣ показалось, что они сердятся на васъ за то, что вы, Петръ Авдѣвичъ.... со мною говорите.»

— Такъ вотъ что, — воскликнулъ штаб-

ротмистръ, и съ этимъ восклицаніемъ онъ покати́лся со смѣху.

Игра въ коршуны замѣнена была шнуркомъ со вздѣтымъ на него колечкомъ. Тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находилось колечко, обязаны были класть фанты; игра эта такъ понравилась всему обществу, что самъ городничій, Андрей Андреевичъ и даже частный приняли въ ней участіе. Дмитрій Лукьяновичъ, по причинѣ сильного ушиба, отдалился отъ всѣхъ и изъ угла соседственной комнаты непріязненно посматривалъ на счастливаго соперника, который не удостоивалъ его и взглядомъ.

Время летѣло, какъ птица и розыгрышъ фантовъ заключилъ удовольствіе вечера. Назначеніе наказаній предоставилъ себѣ самъ хозяинъ дома, и, заключивъ фанты въ свой клеенчатый картузь, Тихонъ Парфеньичъ расположился съ нимъ въ кресло на самой срединѣ залы.

— Ну смирно! — заревѣлъ онъ повелительнымъ тономъ, — теперь прошу садиться по мѣстамъ и слушать, что я буду назначать; первый фантъ долженъ.... долженъ проплясать трепака; да только знайте, кому достанется, не отговариваться, и въ

присядку, не то во время ужина засадимъ подь столъ и отпустимъ голоднаго.

«Ахъ, да это ужасно! да этакъ умереть можно отъ страха!» раздалось отовсюду.

— Не умереть никто, не безпокойтесь, — возразилъ городничій, — а, что сказано, то будетъ сдѣлано, и первый фантъ.... Онъ вытащилъ мраморнаго цвѣта замшевую перчатку.

«Петра Елисеича, Петра Елисеича,» закричали прыгая дѣвицы. «Петръ Елисеичъ, пожалуйста, пожалуйста!»

— Какъ, братецъ, перчатка-то твоя? — замѣтилъ лукаво городничій, будто удивленный нечаянною случая. — Дѣлать нечего, братецъ! — И Тихонъ Парфеньичъ бросилъ фантъ знакомому намъ частному приставу.

«Что же мнѣ дѣлать, прикажете?» спросилъ съ ужимкою приставъ.

— Какъ, братецъ, что? не слыхалъ развѣ? пляши трепака.

«Да помилуйте-съ, гдѣ же мнѣ! да какъ же я буду плясать?» пропищала, ухмыляясь, Петръ Елисеевичъ.

— А ужъ какъ знаешь, только пляши.

«Ей, ей, забылъ!»

— Врешь, братецъ, врешь! давно ли я видѣлъ своими глазами чрезъ окно, какъ на

крестинахъ у повѣреннаго?... не надуешь, братъ!

«Да вѣдь то случай такой вышелъ, Тихонъ Парфеньичъ, воля ваша.»

— И теперь случай, да не отговаривайся; вѣдь не простимъ!

«Право не знаю, какъ же это!»

— Просто, братецъ. Дениска, скрипку! готова небось, ну кислотничать нечего! подбери-ка фалды, да и маршь! — прибавилъ городничій.

И старый приставъ, подобравъ фалды, присѣлъ на полъ и подь звукъ денискиной скрипки и громкаго хохота предстоявшихъ, провхалъ три раза по полу комнаты, выкидывая изъ подь себя ноги съ немовѣрною быстротою.

— Ай да Елисеичъ, ай да молодець, — кричалъ городничій, — что лихо, то лихо! вотъ такъ и поддалъ бы тебѣ плеткой, — словно волчокъ. — И сравненіе городничаго заслужило поощреніе, выраженное всеобщимъ рукоплесканіемъ.

Отплясавъ свой фантъ, частный, шатаясь и очень довольный собою, вышелъ изъ комнаты, а Тихонъ Парфеньичъ провозгласилъ обязанность втораго фанта; состояла она въ правдахъ, которыя долженъ былъ ска-

зять каждому тотъ, чья вещь попадется на очередь.

«Двугривенный», воскликнулъ городничій, вынимая изъ кармана своего монету. — Чей двугривенный?..

— Мой, — Тихонъ Парфенычъ, — застенчиво отвѣчалъ юноша, выстуная впередъ.

«Твой, братъ Гаврюша, что же? валай!»

— Какъ же мнѣ говорить правду?

«Какъ знаешь, твое дѣло.»

— Да мнѣ совѣстно-съ! —

«Чего совѣстно, говорить-то правду, развѣ ужъ все дурное такое?»

— Да нѣтъ-съ я не то хотѣлъ сказать, Тихонъ Парфенычъ. —

«Что же?»

— Я ей Богу не знаю. —

«Экой же, братецъ, ты какой мямля, Гаврила, ну подойди просто къ кому нибудь, да и вавакни: вы молъ такой, а вы сякой, — трудно небось?»

Застѣнчивый юноша, медленно перебирая пальцами, отправился ходить около сидѣвшихъ, и остановясь противу старшей дочери городничаго, шепнулъ ей что-то въ полголоса.

— Что ты тамъ говоришь? — спросилъ городничій.

«Я говорю, Тихонъ Парфенычъ, что Кагерина Тихоновна очень хороша лицомъ.»

— Довольно, братецъ Гаврила; остальные пусть сами отгадываютъ, чѣмъ бы ты ихъ подарилъ, — сказалъ городничій, — возьми-ка, братъ, свой двугривенный, да садись на мѣсто; теперь очередь за третьимъ. Третьему, повторилъ онъ, быть зеркаломъ.

«Чудесно, чудесно», крикнули нѣсколько женскихъ голосовъ.

— Золотая печать съ сердоликомъ, Андрей Андреичъ, твоя, милости просимъ, — сказалъ городничій, — садись-ка противъ меня, да слушай, что бы я ни дѣлалъ, ты дѣлай тоже.

«Постарайся, Тихонъ Парфенычъ, постараюсь, только ужъ вы пожалуйста не очень, отвѣчалъ съдовласый старичекъ въ синемъ фракѣ.

— Небось плясать не стану, какъ Елисейчъ! И градоначальникъ, придвинувъ кресло свое къ усѣвшемуся Андрею Андреевичу, началъ строить такія гримасы, отъ которыхъ вся публика пришла просто въ восторгъ. Тихонъ Парфенычъ вывертывалъ вѣки глазъ, вытягивалъ уши, сплющивалъ носъ, подносилъ носокъ ноги къ подбород-

ку и, натъшившись досыта, уступил мѣсто свое другимъ лицамъ. Другіе дѣлали тоже; дѣвнцы граціозно присѣдали, кавалеры шаркали; Петръ Авдѣевичъ, взявъ палку, дѣлалъ военный артикулъ, бралъ на плечо, на караулъ, и все, къ удивленію зрителей, выдѣлывалъ за нимъ Андрей Андреевичъ. За фантомъ Андрея Андреевича послѣдовали другіе фанты, другіе фарсы и наконецъ фантъ Петра Авдѣевича: ему приказано было выбрать изъ всѣхъ красавицъ ту, которую сердце его избрало изъ среды всѣхъ, и вести ее за столъ...

Штаб-ротмистръ выбралъ Пелагею Власьевну и, при оглушительномъ рукоплесканіи, повелъ ее въ столовую, гдѣ ожидалъ все общество жирный ужинъ и повтореніе тостовъ. За столомъ щеки Пелагеи Власьевны покрылись яркимъ румянцемъ, языкъ ея сдѣлался развязнѣе, а штатный смотритель промолчалъ все время, отказался отъ шампанскаго и, по окончаніи стола, скрылся никѣмъ не замѣченный.

Гости развѣхались и разошлись; сестра городничаго съ дочерью помѣстились на женской половинѣ дома Тихона Парфеньича, а Петра Авдѣевича не пустили въ Костюково и самъ городничій отвелъ его въ

гостиную, гдѣ на диванѣ уже приготовлена была мягкая постель и все необходимое для ночлега.

— Вы, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ, отбросьте пожалуйста всякіе фасоны, — сказалъ штаб-ротмистру городничій, — и считайте отнынѣ и на вѣкъ домъ мой своимъ собственнымъ, семью мою своею собственною; что же касается до дочекъ и племянницъ, — прибавилъ Тихонъ Парфеньичъ, двусмысленно улыбаясь, — такъ ужъ это атаандѣ-съ! — Послѣ чего, крѣпко пожавъ руки гостя и поцѣловавъ его два раза, хозяинъ пожелалъ ему покойной ночи, наилучнѣйшаго сна, осмотрѣлъ, все ли нужное приготовлено и, убѣдясь, что все, вышелъ изъ комнаты и прислалъ къ гостю Дениску.

Какъ ни былъ умственно развлеченъ Петръ Авдѣевичъ, а оставаясь съ глазу на глазъ съ Денискою, онъ вспомнилъ о Тимошкѣ и потомъ объ несчастномъ сюртукѣ, единственномъ остаткѣ своего военнаго гардероба. На первый вопросъ отвѣчалъ Дениска штаб-ротмистру, что кучеръ его закусилъ вилотную, вышелъ за барское здорье стаканъ другой пѣннаго и залегъ на сноваль; на второй вопросъ Дениска от-

вбчать не сьумьль, потому что сюртукъ Петра Авдѣевича переданъ былъ самимъ Тихономъ Парфеновичемъ квартальному надзирателю, а для какой причины, ужъ этаго Дениска не вьдалъ, и самъ штаб-ротмистръ догадаться не могъ. Отпустивъ Дениску съ сапогами своими, Петръ Авдѣевичъ закурилъ трубку, выпилъ стакана два воды и сталъ сначала думать, потомъ дремать, а потомъ и спать крѣпкимъ сномъ.

Неодинаковыхъ видно свойствъ съ Петромъ Авдѣевичемъ была Пелагея Власѣвна Кочкина, и хотя также скоро раздѣлась, какъ онъ, также поспѣшно улеглась въ постель, какъ онъ, однако не дремала и не смыкала глазъ до утренней зари.

Пелагея Власѣвна провела всю жизнь свою въ городѣ у дядюшки, протанцовала, это правда, большую часть зимъ въ домѣ дядюшкиномъ же, но до настоящаго двадцати-трехлѣтняго возраста еще не любила никого, и съ внутреннимъ, тревожнымъ, какъ то водится у дѣвицъ, волненіемъ не помышляла о замужствѣ: бракъ казался ей тою прозаическою необходимостію, которой должна подчиниться большая часть дѣвицъ, которой въ свою очередь подчинилась и мать ея, тощая Елизавета Парфеновна и тетушка-

городничиха; бракъ, по понятіямъ Пелагеи Власѣвны, значилъ вопервыхъ дѣвичникъ, потомъ сборъ приданаго: две дюжины ткацкаго бѣлья, тафтяное одѣяло, въпачальное бѣлое платье, цвѣточный вѣнокъ, потомъ вѣнчальный обрядъ, обѣдъ съ шампанскимъ, танцы, а тамъ уже и мужъ, все равно какой бы ни былъ; въпрочемъ мужъ могъ бы и не быть.

Пелагея Власѣвна, какъ ни была несвѣдуща о прямыхъ обязанностяхъ супруговъ, а положительно знала и слышала, что самого непріятно для женъ принадлежностію брака бывають мужья; не они ли всегда заставляютъ женщинъ проливать слезы, и не они ли бранятся громко, пьютъ много водки и не даютъ денегъ; слѣдовательно, не тверди часто дочери Елизавета Парфеновна, что замужъ пора настала давно, что засидѣться въ дѣвкахъ стыдъ большой, что надъ старыми дѣвками смѣются, дочь и не помышляла бы о замужствѣ.

За Пелагею Власѣвную приволакивался давно уже Дмитрій Лукьяновичъ и частенько набѣждалъ къ нимъ въ деревню; Пелагея Власѣвнѣ даже казалось, что Елизавета Парфеновна ласкаетъ его и нерѣдко заводитъ съ нимъ рѣчь о счастья быть искрен-

но любимымъ, о неизяснимомъ наслажде-
 нии для мужчины имѣть близъ себя всегда
 хорошенькую жену съ томнымъ и вырази-
 тельнымъ взоромъ, жаждущимъ ласки и
 что блаженство имѣть отъ такой супруги
 малютокъ еще выше, еще благороднѣе; на
 что отвѣчалъ обыкновенно штатный смо-
 тритель масляными глазами, которые впро-
 чемъ онъ направлялъ не на Елизавету Пар-
 феновну, а на нее, Пелагею Власьевну. Но
 глаза эти, какъ ни старалась переломить себя
 Пелагея Власьева, всегда наводили ей тош-
 ноту, о малюткахъ же и о высокомъ благо-
 родномъ блаженствѣ имѣть ихъ отъ штатнаго
 смотрителя Пелагея Власьева и подумать
 не могла безъ того непріятнаго чувства, отъ
 котораго какъ будто что нибудь налегаетъ
 на самое сердце и давить его до тѣхъ поръ,
 пока хоть вонь изъ комнаты бѣги.

То ли же самое ощущала она теперь, при-
 вода себя на память хотя и несовершенно
 чистый цвѣтомъ, а нѣсколько смугловатый
 образъ Петра Авдѣевича и развязную его
 поступь и движеніе кистей рукъ и черные
 усы длины безмѣрной, но чудесной, ... нѣтъ
 не то, совсѣмъ не то! А какъ къ движенію
 тѣла и цвѣту усовъ присоединить геройскій
 поступокъ Петра Авдѣевича, и опасность,

которой подвергался Петръ Авдѣевичъ для
 нея съ маменькою...

— Нѣтъ, — шептала Пелагея Власьева
 въ подушку свою, — этого человѣка я дол-
 жна, я обязана любить не такъ какъ кавалера,
 не такъ какъ знакома, а какъ свыше
 ниспосланное существо, безъ котораго въ
 этотъ моментъ я была бы мертвое, оцѣпенѣв-
 шее тѣло, бездыханный цвѣтокъ, срѣзанный
 злымъ рокомъ, и брошенный на большой
 дорогѣ; безъ него сердце мое перестало бы
 биться, а душа отлетѣла бы туда! — И при
 этой мысли Пелагея Власьева, не взирая
 на совершенную темноту ночи, поднимала
 взоръ къ потолку и испускала глубокой,
 преглубокой вздохъ. Этотъ вздохъ долеталъ
 до слуха спавшей съ нею рядомъ Екатерины
 Тихоновны, и Екатерина Тихоновна пре-
 равнодушно спрашивала у кузины, о чемъ
 она вздыхаетъ и не кусаетъ ли ее что ни-
 будь; на что, созданная на землю Пелагея
 Власьева, еще разъ вздохнувъ, отвѣчала,
 что ее не кусаетъ ничто; и новал тишина
 водворилась въ дѣвственномъ покоѣ, и но-
 выя мечты одна другой отраднѣе снова за-
 бродили въ взволнованномъ воображеніи
 племянницы Тихона Парфеньича.

По прошествіи часа, въ воображеніи этомъ

обрисовались уже картины полувстевниге, поотчетливѣе, и Петръ Авдѣевичъ принималъ уже въ нихъ образъ довольно близкаго чловѣка, то есть, женна, а тамъ и очень, очень близкаго чловѣка, то есть мужа; тогда встревоженная Пелагея Власевна приходила въ тревожное, но пріятное состояніе, сердце ея начинало не биться, а трепетать, за трепетаніемъ слѣдовали такія новыя ощущенія, которыхъ конечно не произвелъ бы въ ней во сто лѣтъ почтенный Дмитрій Лукьяновичъ; напротивъ того, едва касалась мысль дѣвушки и не самого штатнаго смотрителя, а хотя желтыхъ ботинокъ его, тотчасъ же сердце Пелагеи Власевны переставало трепетать, а на новыя ощущенія будто наливали цѣлую кадку холодной воды, — такъ непріятенъ былъ этотъ поворотъ воображенія, это грубое отступленіе мысли отъ любимаго предмета къ ненавистному, и уже не вздохъ, а стоиъ выражалъ мгновенное состояніе души.... и на этотъ звукъ отзывалась Екатерина Тихоновна вопросомъ, не кусаетъ ли что-нибудь, и хотя получала отрицательный отвѣтъ, однако отвѣтъ Пелагеи Власевны не произносился болѣе заунывнымъ, раздрающимъ голосомъ, а рзкимъ, отрывистымъ.

Едва первый солнечный лучъ заглянулъ въ неплотно завѣшанныя шейными платками окна Пелагеи Власевны, послышался отдаленный стукъ колесъ и въ то же время въ воображеніи ея промелькнула страшная, убійственная мысль.

Что если стукъ этотъ стукъ колесъ тельжки Петра Авдѣевича? — очень можетъ быть. Не желая вѣроятно нарядиться снова въ дялюшкинъ архалукъ, гость воспользуется всеобщимъ сномъ и уѣдетъ къ себѣ; онъ не знаетъ, что спать не въ домѣ, онъ не знаетъ, что есть существо, которое не смыкало глазъ до утра, мечтая о немъ! И мысленно выговоривъ послѣднюю фразу, Пелагея Власевна поспышно соскочила съ кровати, подбѣжала къ окну, сорвала платокъ и, отворивъ окно, заглянула на улицу. Но нѣтъ, слава Богу, то была не она, не тельга Петра Авдѣевича, а нѣсколько тельгъ, нагруженныхъ чѣмъ-то; Пелагея Власевна вздохнула свободнѣе, прикрѣпила вилами платокъ къ притолкѣ, возвратилась на ципочкахъ къ постель и улеглась на ней, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Менѣе чувствительный и болѣе усталый Петръ Авдѣевичъ проспалъ всю эту ночь богатырскимъ сномъ, и только съ первымъ

ударомъ соборнаго колокола, призывавшаго къ ранней обѣднѣ, раскрылъ глаза. Въ этотъ часъ обыкновенно вставалъ штаб-ротмистръ, находясь еще на службѣ; въ этотъ часъ управлялся онъ бывало въ манежъ, но манежа не стало для отставнаго эскадроннаго командира и потому замѣнилъ онъ его конюшнею, а сотню лихихъ строевыхъ коней своихъ парю лошадокъ шерсти неопредѣленной.

Петръ Авдѣвичъ протеръ себѣ глаза, надѣлъ сапоги, набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ, затянулся какъ должно и, прижавъ большимъ пальцемъ приподнявшуюся табачную золу, осторожно вышелъ изъ своей опочивальни.

Въ столовой царствовалъ еще беспорядокъ, причиненный вчерашнимъужиномъ, а въ прихожей на ларѣ покоился беззаботнымъ сномъ Дениска. Изъ подъ головы Дениски вытащилъ штаб-ротмистръ свою полувоенную шинель, которую, стяхнувъ съ видимымъ неудовольствіемъ, набросилъ себѣ на плеча и вышелъ молча на дворъ.

Дворъ городническаго дома былъ обширенъ и помѣстителенъ; на немъ сосредоточивались всѣ условія жизни, а именно: отдѣльная кухня, прачешная, ледникъ, кур-

никъ, коровникъ, конюшня, два сарая, колдезь и отдѣльное деревянное зданіе, очень невысокое, довольно тѣсное, безъ оконъ, но съ двумя дверками, повѣшенными на коженыхъ петляхъ.

Стопы свои направилъ Петръ Авдѣвичъ въ конюшню; тутъ попался ему вчерашній знакомецъ кучеръ Елизаветы Парфеновы. Штаб-ротмистръ далъ ему препорядочный нагоняй и освѣдомился о Тимошкѣ.

— Тимофей, батюшка, не домогаеть, — отвѣчалъ кучеръ.

«А что у него?»

— Бока нешто побаливають.

«А не пьянъ?» спросилъ баринъ.

— Какъ можно, батюшка, да словомъ доложить вамъ, то есть, будьте на свѣтотъ счотъ благонадежны. —

«Отведи же ты меня къ нему, можетъ быть, кровь не мѣшало бы отворить», проговорилъ штаб-ротмистръ, собираясь выдти изъ конюшни; но идти далеко было не нужно: Тимошка отыскался въ одномъ изъ пустыхъ стойловъ; прикрытое цыновкоюлицо Тимошки было такъ красно, а атмосфера, его окружающая, такъ спиртуозна, что при одномъ взглядѣ на своего Тимошку,

свѣдущій въ этомъ дѣлѣ Петръ Авдѣевичъ мигомъ успокоился и, обратившись къ провожавшему его кучеру въ голубомъ кафтанѣ, назвалъ его лгуномъ и мошенникомъ.

— А изъ чего ты лжешь, изъ чего? — прибавилъ Петръ Авдѣевичъ, пріостановясь, — вѣдь повадка у васъ, братецъ, такаа, дай, говорить, совру.... а изъ чего? эхъ!

Тутъ штаб-ротмистръ завелъ рѣчь о лошадахъ, спрашивалъ у того же кучера, котораго бранилъ за минуту, не знаетъ ли онъ продажной тройки, на что ободренный кучеръ отвѣчалъ, понизивъ голосъ, что у городничаго не одна, а двѣ тройки, что коренникъ буланый бѣжитъ рысью словно птица, что будь въ ней маслакъ, лучшаго коня и желать нельзя, да жаль, что городничій не продаетъ своихъ лошадей ни за какія деньги. Между тѣмъ и самъ городничій въ халатъ явился въ конюшню и, поздоровавшись съ гостемъ, пригласилъ его откушать чайку.

Возвращаясь въ домъ, Петръ Авдѣевичъ замѣтилъ мимоходомъ, что на кухонномъ крыльцѣ между стоящими и смотрѣвшими на него дворовыми женщинами и дѣвками одна пресмазливенькая, а изъ окна задняго фасада городническаго дома выгляды-

валъ изъ-за пестраго платка карій женскій глазъ, — штаб-ротмистръ самодовольно улыбнулся, потянулъ къ низу длинный усъ свой и, оглянувшись нѣсколько разъ назадъ, вошелъ въ прихожую.

Употребивъ цѣлый часъ на уничтоженіе цѣлаго самовара горячей воды съ чаемъ, ромомъ и проч., хозяинъ съ гостемъ приступилъ къ туалету. Послѣднему подалъ Дениска глиняную лаханъ и бѣлый фаянсовый кувшинъ съ водою; штаб-ротмистръ умылся, какъ слѣдуетъ, и, вытребовавъ съ хозяйской половины старую зубную щетку, вычистилъ себѣ ею зубы; Петръ Авдѣевичъ былъ чистоплотеиъ и ежедневнымъ привычкамъ своимъ не измѣнялъ; когда же одѣвши до половины гостя, Дениска вышелъ изъ комнаты, гость впалъ въ недоумѣніе: онъ вспомнилъ о несчастномъ спортукъ своемъ безъ лацкана, о низкой талии городническаго архалука; перваго надѣть ему было невозможно, второй хотя и сдѣланъ изъ термаламы, однако широко черезъ чуръ: онъ наводилъ на штаб-ротмистра еще болѣе тоски, чѣмъ первый, а какъ было дѣлу помочь? чѣмъ замѣнить его? въ чѣмъ показаться дамамъ? Но видно судьба, начинавшая со вчерашняго дня улыбаться Петру

Авдєвичу, не привела еще усть своихъ въ нормальное положеніе и продолжала благопріятствовать своему избраннику. Дениска возвратился въ опочивальню Петра Авдєвича съ сюртукомъ на правой рукѣ; сюртукъ этотъ, помолодѣвъ годами тремя, предсталъ владѣльческимъ глазамъ съ двумя новыми лацканами, съ подкладкою, бѣлою какъ сметана; даже выпушка воротника поалѣла и самый воротникъ, дотоль мягкій, сталъ коломъ.

Позабывъ свои двадцать восемь лѣтъ и чинъ и званіе, Петръ Авдєвичъ, при видѣ сюртука, предался такой радости, какой не ощущалъ давно: онъ смѣялся, называлъ Дениску Денисочкою, городничаго почтеннымъ городничимъ, и, надѣвъ обновку свою, вертѣлся въ ней съ полчаса предъ зеркаломъ.

— Да, кто же у васъ, братъ Дениска, такой мастеръ? скажи пожалуй, — спрашивалъ у слуги Петръ Авдєвичъ.

«Жидъ, сударь!»

— Ай да жидъ!

«Онъ обшиваетъ барина нашего.»

— Ну ужъ баринъ, — проговорилъ штаб-ротмистръ, — подлинно сказать, что баринъ; вѣдь ты любишь барина своего, Денисъ?

«Любить-то любимъ, только иногда до-стается мнѣ....»

— Ужъ вѣрно за дѣло, Денисъ, ты малой молодой.... Но Петръ Авдєвичъ услышалъ въ столовой женскіе голоса и притихъ.

Въ столовой находились уже Пелагея Власьева, Екатерина Тихоновна и меньшая сестра ея Варвара Тихоновна, когда вошелъ Петръ Авдєвичъ въ помолодѣвшемъ сюртукѣ.

Не считаю излишнимъ предварительно познакомить читателя съ двумя дочерьми городничаго, хотя впрочемъ судьбою не назначено имъ играть значительной роли какъ въ свѣтъ, такъ и въ моемъ повѣствованіи.

Дѣвцѣямъ этимъ природа дана сердце теплое, станъ средній, но безъ всякой талии, и лица, имѣвшія одно только достоинство: свидѣтельствовать предъ родителемъ въ вѣрности къ нему супруги; наружность двухъ дочерей Тихона Парфеньича, была вѣрнымъ слѣпкомъ наружности Тихона Парфеньича, со всеми принадлежностями, какъ родовыми, такъ и благопріобрѣтенными. Еще Екатерины Тихоновны не минуло двухъ лѣтъ, какъ сходство это начало сильно тревожить родителя. «Отъ чего бы ей быть такой красной?» говаривалъ часто супругъ

своей Тихонъ Парфеньичъ, смотря на первую дочь свою, «ты бы душенька, макала ее во что нибудь, не то чортъ возьми, останется такую на всю жизнь, а тамъ сбывай ее, какъ знаешь!»

Нужная родительница макала мамютку въ вино, настоенное на берестѣ, смазывала деревяннымъ масломъ, курила ее гвоздикою и тѣми вещами, которыя находятъ весною въ вороньихъ гнѣздахъ; но ничто не помогало, и цвѣтъ тѣла дитяти продолжалъ пребывать краснымъ, губки толстѣть, а вѣки опухать и слипаться каждое утро.

Съ рожденіемъ другой дочери, послѣдовавшемъ три года спустя, родитель убѣдился, что хоть лопни, а дѣлу помочь нельзя, и, посмотрѣвъ пристально на Варвару Тихоновну, шепнулъ женѣ, поморщившись: «Баба матушка!» и вышелъ изъ дому прогуляться.

Съ той поры и до совершеннолѣтняго возраста, провели жизнь свою Екатерина и Варвара Тихоновны въ четырехъ стѣнахъ родительскаго дома, кушая отъ пяти до шести разъ въ сутки, ходя по праздникамъ къ обѣднѣ, а по канунамъ ко всенощной, разлаживая граншасыя; нерѣдко гадая въ карты и оставаясь большею частію при своихъ мысляхъ, переходили онѣ отъ картъ то къ

бѣловымъ, то къ шерстянымъ чулкамъ, смотря по времени года, а корсетовъ не употребляли вовсе. Туалетъ дѣвцы ограничивался нѣсколькими ситцевыми платьями, на которыхъ иногда появлялись мысы, ежели таковыя заводились въ уздѣ. Волосы дѣвцы бѣлесватаго цвѣта смачивались постоянно какою-то жидкостію и закалывались роговыми гребнями, тусклыми какъ студень. Говорили дѣвцы очень мало, но улыбались по временамъ, а случалось и вздыхали, но о чемъ — неизвѣстно.

Городничій взиралъ на дочерей своихъ, какъ взираетъ купецъ на залежалый товаръ, попорченный сыростію, и не только не строилъ на счетъ ихъ никакихъ плановъ, но даже поговаривалъ о прелестяхъ отшельнической жизни, о благахъ небесныхъ и тому подобномъ. Вотъ почему и пришелся не по сердцу Тихону Парфеньичу комплиментъ, сдѣланный Гаврюшею Екатериной Тихоновной при раздачѣ фантовъ и сердце городничаго ни мало не оскорбилось, видя явное предпочтеніе, оказанное накануне Петромъ Авдѣвичемъ не Екатеринѣ и Варварѣ Тихоновнамъ, а Пелагеѣ Власевнѣ. Въ это же утро племянница была такъ авантажна, что,

при сравненіи съ нею дочерей городничаго, послѣднія, казалось, пріобрѣтали еще болѣе сходство съ родителемъ, чѣмъ наканунѣ.

На Пелагеѣ Власевнѣ было въ это утро флорансовое вердепешевое платье съ экосезовымъ кушакомъ, плотно стянутымъ бронзовою пряжкой рококо. Платье это не совсемъ доходило до плечъ и сверхъ того сползло немножко, отъ чего самыя плечики и шейка поленькой Пелагеи Власевны казались, даже сквозь кисейное канзу, «снѣжными глыбами, зарумяненными первымъ лучомъ любви», такъ выражался, по крайней мѣрѣ, штатный смотритель каждый разъ, когда при важной оказіи появлялась Пелагея Власевна въ своемъ вердепешевомъ платьѣ.

Петръ Авдѣвичъ не обладалъ даромъ поэтическихъ сравненій; но, не менѣе того, при первомъ взглядѣ на ту часть, которую прикрывала канзу, забылъ обновленный стортукъ и почувствовалъ усугубленіе чувствъ къ племянницѣ городничаго.

— Какъ провели вы ночь? — спросила едва внятно Пелагея Власевна у гостя, отвѣсившаго какъ ей, такъ и двумъ дочерямъ городничаго по ловкому поклону.

«Какъ никогда-съ; словно убитый какой нибудь-съ,» отвѣчалъ Петръ Авдѣвичъ.

— А я напротивъ, — замѣтила еще тише и потупивъ взоръ Пелагея Власевна.

«Это отъ чего-съ?»

— Не знаю, право.

«Вѣрно испугъ вчерашній?»

— О, нѣтъ! напротивъ, не испугъ, но меня мучила мысль, что я такъ мало благодарила васъ за вашу жертву.

«Какую-съ жертву?»

— Вы жертвовали жизнью для спасенія нашего.

«Помилуйте, Пелагея Власевна, и въ мысляхъ не было; неужели вы думаете, что въ подобныхъ обстоятельствахъ думаешь умереть?»

— Я полагаю, Петръ Авдѣвичъ.

«Ни чуть, вѣрьте.»

— Слѣдовательно, — замѣтила дѣвица, — вы, Петръ Авдѣвичъ, для всякаго готовы были бы сдѣлать тоже?

«Безъ всякаго сомнѣнія,» простоудшно отвѣчалъ штаб-ротмистръ; «ужъ такая натура, и долженъ доложить вамъ къ стыду моему, что нашъ братъ не щадитъ жизни, гдѣ надобно; для насъ все равно, кто бы ни былъ въ опасности....»

— Следовательно, Петръ Авдѣвичъ, будь на мѣстѣ нашемъ, то есть, маменькиномъ, — поспѣшила прибавить, краснѣя, Пелагея Власевна, — кто шибудь другой посторонній, вы вчера поступили бы также?

«Помилуйте-съ; да я не зналъ вовсе никакихъ маменекъ; я даже сзади не видалъ, кто тамъ сидитъ въ коляскѣ; ну а какъ дышло, знаете, заболталось, эге! говорю кучеру, дѣло-то плохо и — маршь!»

Красавица глубоко вздохнула, укоризненно взглянула на Петра Авдѣвича и подошла къ окну; двѣ дочери городничего, стоявшія до того неподвижно посреди комнаты, съ улыбками на устахъ, подошли въ свою очередь къ Пелагее Власевнѣ, а штаб-ротмистръ, замѣтивъ въ дверяхъ прихожей Тихона Парфеньича, вспомнилъ о сюртукѣ, и бросился къ нему на встрѣчу.

Изъявленія благодарности со стороны Петра Авдѣвича были сильны и искренни; Тихонъ Парфеньичъ приписалъ большую часть сдѣланнаго штаб-ротмистру одолженія мошеннику жиду, искусившему портному въ городѣ, которому и совѣтовалъ заказывать все партикулярное платиле, съ однимъ однакоже условіемъ, чтобы Петръ Авдѣвичъ купилъ самъ матеріи и даже шел-

ку; иначе жидъ его надуеетъ; скрѣпилъ же городничій основательность недовѣрчивости своей къ портному жиду такимъ анекдотомъ, который хотя и расказанъ былъ городничимъ въ присутствіи племянницы и дочерей своихъ, но первая высунулась до половины изъ окна, а послѣднія закрыли лица свои платками; когда же анекдотецъ кончился, и городничій, смѣясь, назвалъ дѣвицъ по имени, то племянница бросилась со всѣхъ ногъ изъ комнаты, а дочери, все-таки не отнимая платковъ отъ лицъ своихъ, хотя и шагомъ, но въ свою очередь послѣдовали за племянницею.

— Дуры! — замѣтилъ Тихонъ Парфеньичъ, смотря имъ вслѣдъ и оставшись съ гостемъ вдвоемъ; похотавъ еще нѣсколько минутъ, они наконецъ успокоились, спросили трубки и усѣлись у раствореннаго окна столовой.

До одиннадцати часовъ — часъ завтрака — Тихонъ Парфеньичъ съ Петромъ Авдѣвичемъ проглазляли на соборную церковь и на площадь; первый останавливалъ проходившихъ по улицѣ разнаго рода людей, надъ нѣмыми подшучивалъ, другихъ бранилъ довольно серьезно, третьихъ посылалъ за четвертыми и ровно никому не говорилъ

вы; о каждом останавливаемомъ лицѣ рассказывалъ Тихонъ Парфеньичъ Петру Авдѣвичу все занимательное и наконецъ нечувствительно свелъ рѣчь на свою службу, на свои годы и безпокойства.

«Нерѣдко думается мнѣ, почтеннѣйшій Петръ Авдѣвичъ, говорилъ съ чувствомъ городничій, что годы мои уходятъ, жена стара, на дочекъ надежды полагать не могу, умрутъ въ дѣвкахъ, на кого же опереться будетъ въ дряхлости? кто закроетъ глаза? съ другой стороны имѣньишко какое есть, ну кому я оставлю? Въдь тридцать слишкомъ лѣтъ служу отечеству и за службу мою Богъ послалъ кое-какое достояніе; и этотъ домъ собственный, его перетрася я въ прошломъ году, не случится какого несчастія, — меня переживетъ; а для кого? а кому придется передать? вотъ, сударь, какъ подумаешь, такъ и тяжело станеть.»

Переведа духъ, Тихонъ Парфеньичъ наблюдалъ за впечатлѣніями, произведенными рассказомъ его на Петра Авдѣвича; но лицо Петра Авдѣвича не измѣнилось ни на волосъ, и городничій, помолчавъ, продолжалъ:

«И тяжело станеть, такъ тяжело, что и сказать нельзя; будь сынъ, дѣло иное; нѣтъ, сударь! Богъ обидѣлъ дочерьми, добро бы

благовидными, выдалъ бы замужъ, не посмотрѣлъ бы на состояніе, будь только честные добрые люди, состояніе Богъ дастъ. И тутъ неудача, — родились-то дочки ни то, ни сѣ, въдь, сударь, глазъ не замажешь никому, и отецъ, да вижу ясно, не красивы; куда не красивы; что и говорить; иной пожарный лицомъ-то будетъ деликатнѣе; откуда что берется: что весна, повыступятъ прыщи, нальются словно бусы, а тамъ какъ начнутъ, сударь, лопать, даже родительскому сердцу противно дѣлается; у Вариньки же и изъ уха течетъ, — бѣда совершенная! Ужь Дарья Васильевна моя чего ни дѣлала: и калиной поила и кору приставляла къ икрамъ, нѣтъ, кора-то тянетъ себѣ, спору нѣтъ, а лицо все-таки мокнетъ, да мокнетъ.»

— Попробовать легонькую заволочку гдѣнибудь на мягкомъ мѣстѣ, — замѣтилъ Петръ Авдѣвичъ, — или употребить прижиганьице, — во многихъ болѣзняхъ помогаетъ.

«Нѣтъ ужъ, сударь, къ такимъ средствамъ родителямъ прибѣгать не идетъ; такъ я впрочемъ и рукой махнулъ,» сказалъ городничій, подтвердивъ слово жестомъ, «и всю надежду мою полагаю на сироту, сестрину дочь Полиньку.»

— То есть Пелагею Васильевну?

«Да, племянницу,» повторилъ городничій, «дѣвка умная, добрая, воспитанная и не дурна лицомъ.»

— Ужъ это точно можно сказать, — замятилъ штаб-ротмистръ.

«Не правда ли?»

— Ужъ точно можно сказать, — повторилъ Петръ Авдѣевичъ, потягивая усы свои книзу.

«Такъ вотъ, сударь,» продолжалъ Тихонъ Парфеньичъ, «благослови ее Богъ хорошимъ женишкомъ; сиротку не обижу и я; она же и своего имѣеть малую-толику; покойный зять былъ работяга, жить любилъ съ расчетцемъ, деньгами не сорилъ, а пряталъ копѣечку на черный день. Отъ стариковъ-то своихъ получилъ онъ, сударь, шишъ, а ужъ собственнымъ умомъ добился и чинишекъ и мѣстечка тепленькаго; выбрало его сначала дворянство депутатомъ, служба - то знаете болѣе почетная; однако выдержалъ таки въ ней цѣлое трехлѣтіе, смотришь, изъ депутатовъ попалъ въ непремѣнные, и непремѣннымъ отслужилъ непорочно; исправникъ, правда, былъ человекъ бойкій, во все входилъ самъ; члена у него какъ бы не было вовсе, ну тяжело знаете показалось, а выдержалъ Власть Кузьмичъ и на этомъ

мѣствъ. Обидно было правда, а вышло-то на повѣрку, что на третьи выборы исправника по шею, а Власть Кузьмичъ волей-неволей, а какъ остался честнымъ въ глазахъ дворянства, такъ и махнулъ въ судьби. Вотъ те и анекдотъ! — Прошелъ годъ, прошелъ другой, посмотримъ, завелись ли лошадки и колясочка и то и сѣ; ай да Власть Кузьмичъ, говорю ему бывало, молодецъ, а онъ кивнетъ глазомъ да вытащить бумажникъ, покажетъ пачку сѣрыхъ, да опять въ карманъ; умная была голова, и не умри, не тѣмъ бы кончилось.

— Отъ чего же онъ умеръ? — перебилъ Петръ Авдѣевичъ.

«Отъ чего?» повторилъ городничій, «а умеръ онъ, сударь, какъ бы, то есть вамъ сказать? онъ какъ-то странно умеръ, даже очень то есть странно: былъ у меня накануне, игралъ въ пикетъ, поужиналъ вполтную, вышилъ рюмки съ двѣ вина и пошелъ домой, а ночью-то и будить меня Дениска; Власть Кузьмичъ, говорить, приказали долго жить! Какъ долго жить? такъ-съ, говорить, долго жить; я набросилъ шинель, да къ нему на квартиру, а тамъ уже, сударь, и катавасія; спрашиваю: какъ,

что? скончался, говорят, словно кто обухомъ пришибъ....»

— Вѣрно, параличъ, — замѣтилъ штаб-ротмистръ.

«Вѣрно параличъ,» повторилъ городничій очень хладнокровно; — тѣмъ и кончился разговоръ, прерванный закускою и появленіемъ хозяйки и трехъ дѣвицъ.

Въ полдень явились Андрей Андреевичъ съ Дмитріемъ Лукьяновичемъ; на обоихъ были вчерашніе костюмы; штатный смотритель поклонился всему обществу, подошелъ къ городничему и насмѣшливо спросилъ у него, откуда добылъ онъ двухъ выдръ, замѣченныхъ штатнымъ смотрителемъ на дворѣ.

«Какихъ выдръ?» спросилъ городничій.

— Выдръ, — повторилъ язвительно Дмитрій Лукьяновичъ.

«Не понимаю.»

— Ну не выдръ собственно, такъ животныхъ, которыя очень на нихъ походятъ съ виду, и ростъ такой же и шерсть мышьяная, и хвостъ метелкою, словомъ, выдры, совершенныя выдры.

«Вѣрно рѣчь идетъ о моей парѣ», замѣтилъ, смѣясь Петръ Авдѣевичъ, которому и въ голову не пришло, что рѣчь эта клонится

къ его оскорбленію: Петръ Авдѣевичъ былъ слишкомъ доволенъ судьбою своею, чтобы помнить оказанное къ нему наканунѣ нерасположеніе штатнаго смотрителя, а потому и сталъ первый смѣяться надъ бѣдными клячками, доставшимися ему отъ родителя. «Что похожи они на выдръ, такъ дѣйствительно похожи», прибавилъ онъ, смѣясь громче съ толку сбитаго Дмитрія Лукьяновича «и вѣжу-то я на нихъ потому, что покуда нѣтъ другихъ лошадей у меня.»

— Стало нужны вамъ лошади? — спросилъ городничій.

«Нужны? да такъ нужны, что смерть.»

— А нужны, — такъ есть.

«Какъ есть?»

— Такъ! есть.

«Гдѣ же это?»

— У меня на конюшнѣ, — сказалъ улыбаясь городничій.

«Неужь-то буланый рысакъ?»

— И за буланаго не постою.

«Что вы это, Тихонъ Парфеньичъ?»

— Да ужь дѣлать, такъ дѣлать по русски, а не чакръжничать, и вотъ вамъ рука моя, сударь, что подобной тройки, какую дамъ я вамъ, не найдете въ цѣлой губерніи, Петръ Авдѣичъ.

«Да что же вы за нее возьмете, Тихонъ Парфеньичъ?» спросилъ съ внутреннимъ волненіемъ штаб-ротмистръ.

— Что возьму? да что дашь, можно сказать, что дашь, спросилъ городничій.

«Чортъ меня возьми, если я чтонибудь понимаю», проговорилъ Петръ Авдѣевичъ, не слушая городничаго.

— Это значить, дорогой мой, — продолжалъ торжественно Тихонъ Парфеньичъ, — что ты пришелся мнѣ старику по сердцу, а придись Тихону кто по сердцу, такъ Тихонъ отдастъ ему не только тройку лошадей, а старуху свою отдастъ бы, да никто не возьметъ, — прибавилъ хозяинъ, и все общество, за исключеніемъ штатнаго зрителя, покатилося со смѣха. Послѣ чего городничій взялъ Петра Авдѣевича за руку и повелъ въ конюшню. Андрей Андреевичъ послѣдовалъ за нимъ, а позеленѣвшій Дмитрій Лукьяновичъ почесалъ себѣ носъ, кашлянулъ нѣсколько разъ и, стараясь принять спокойное выраженіе, подошелъ къ сидѣвшей въ углу Пелагеѣ Власѣвнѣ, и попросилъ, злобно улыбаясь, позволенія съѣсть возлѣ нея.

«Стулья не мои», отвѣчала несовсѣмъ благосклонно Пелагея Власѣвна.

— Вы кажется не въ пріятномъ для меня расположеніи сегодня?

«Какъ всегда, я думаю!»

— А я думаю, иначе.

«Какъ вамъ угодно!»

— Мнѣ угодно думать иначе.

«Думайте себѣ, никто не мѣшаетъ,» отвѣчала Пелагея Власѣвна, отворачиваясь.

Посидѣвъ съ минуту, Дмитрій Лукьяновичъ замѣтилъ ей, что она очень авантажна сегодня и особенно принарядилась.

— Для васъ, разумеется, — отвѣчала презрительно дѣвушка.

«Можетъ быть, наряжались прежде,» повторилъ смотритель, «а сего дня»....

— Что же сегодня?

«А сегодня нарядились, да не для меня; знаемъ-съ мы-съ.»

— Что вы знаете?

«Ужъ знаемъ-съ.»

— А знаете, такъ тѣмъ лучше для васъ.

«Да для васъ-то хорошо ли Пелагея Власѣвна?» спросилъ, покачивая головою, штатный смотритель.

— Это еще что такое? — воскликнула съ гордостью Пелагея Власѣвна.

«То, сударыня, что будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы просто сторблъ, я бы умеръ отъ

стыда, не только поднималъ бы голову; ну что же я? мое сужденіе для васъ совершенный плевокъ; но весь городъ, Пелагея Власьева, весь городъ и говорить и судить и ридить и»....

— Городу нечего видѣть!

«Нечего видѣть?» протяжно повторилъ Дмитрій Лукьяновичъ, «нечего видѣть, когда вчера, при всемъ народѣ, онъ идетъ впередъ, а вы сзади; еще бы пускай щель бы, прахъ съ нимъ; а то идетъ, съ позволенія сказать, разстерзанный, словно подрался гдѣ нибудь на ярмаркѣ съ ямщиками, сюртукъ разорванъ, разорвано вездѣ, стыдно, сударыня, стыдно! и было бы съ кѣмъ идти,» продолжалъ Дмитрій Лукьяновичъ, «а то невѣсть откуда взялся и кто онъ такой и что онъ? бродяга, выгнанный вонъ изъ службы за неприличное поведеніе, за буйство какое-нибудь; въ долгу какъ въ шелку, ѣздитъ на выдрахъ съ мошенникомъ, котораго я знаю давно; да только сдѣлай меня становымъ, такъ я его, фирса этаго, такъ обласкаю, что...

— Вы, вы? — проговорила едва внятно отъ гнѣва Пелагея Власьева, — осмѣлитесь такъ поступить съ Петромъ Авдѣевичемъ?....

«А что же онъ такое? уже не паша ли какой?»

— Вамъ быть становымъ? — продолжала усилить голосъ, раздраженная дѣвушка, — да развѣ дядюшка съ ума сойдетъ, что дастъ вамъ это мѣсто; да я ему скажу, какой вы человекъ! да это просто стыдъ и срамъ дядюшкину дому, что вы позволяете себѣ говорить «бродяга, разстерзанный», да Петръ Авдѣевичъ не въ примѣръ лучше васъ и сравненія никакого нѣтъ, и мизинчика вы его не стоите, а взглянуть такъ куда же, просто какъ небо отъ земли....

— Небось онъ, какъ небо? — спросилъ презрительно штатный смотритель.

«Ужъ не вы ли?»

— И не онъ, будьте спокойны.

«Ужъ конечно онъ скорѣй!»

— Ну ужъ нѣтъ.

«Ну ужъ да.»

— Ну ужъ нѣтъ.

«Я вамъ говорю да, да, да; а вы больше ничего, какъ....»

— Кто же?

«Такъ ничего,» сказала Пелагея Власьева, отвернувшись отъ своего собесѣдника.

— Нѣтъ-съ этого нельзя, сударыня, начали, такъ извольте кончить!

«Не хочу кончать.»

— Не хотите, такъ не прогнѣвайтесь! —
«Боюсь я вашихъ угрозъ!»

— Увидимъ-съ.

«И увидимъ, что не боюсь!»

— Пусть только дядюшка вашъ возвратится....

«Что же вы дядюшкѣ скажите? вотъ дядюшка; ну говорите, что вы скажите, а я такъ скажу!» И послѣднія слова проговорила племянница съ намѣреніемъ такъ громко, что вошедшій въ сопровожденіи штаб-ротмистра и Андрея Андреевича городничій прямо подошелъ къ ней и, посмотрѣвъ съ недоумѣніемъ сперва на племянницу, а потомъ на штатнаго смотрителя, спросилъ, о чемъ идетъ у нихъ рѣчь и что она скажетъ ему?

— Мы-съ, Тихонъ Парфеньичъ, промѣжь собой такъ немножко спорили, — перебилъ Дмитрій Лукьяновичъ.

«Нѣтъ ужъ конечно не немножко, дядюшка, и очень много», сказала Пелагея Власьева, «и Дмитрій Лукьяновичъ называлъ Петра Авдѣича *фирсомъ*!»

— Фирсомъ? — повторили въ одинъ голосъ и городничій и Андрей Андреевичъ и Петръ Авдѣевичъ, и даже Дарья Васильевна, вязавшая преусердно сѣтку и не обращававшая какъ и дочери ея на разговоръ пле-

мянницы съ штатнымъ смотрителемъ никакого вниманія.

«Да что же значить *фирсъ*?» спросилъ штаб-ротмистръ, «я вѣкъ не слыхалъ!»

— И я! — сказалъ городничій.

— Да помилуйте-съ, да помилуйте-съ! — завопилъ, заикаясь, штатный смотритель, — да что же можетъ значить это слово?

«Однако ты сказалъ его; такъ, сударь, хочешь не хочешь, а объяснить должень, воля твоя!» замѣтилъ городничій.

— Вотъ извольте видѣть, Тихонъ Парфеньичъ, Пелагея Власьева извоили подшутить надо мною, а я надъ нею, вотъ я и скажи *фирсъ*, — лгать не стану.

«Полно такъ ли?»

— Ей-Богу такъ сказалъ!

«Что-то не ясно, вѣдь не ясно, Петръ Авдѣичъ?»

— Да, не ясно, Тихонъ Парфеньичъ и чудится мнѣ, что *фирсъ* не то, чтобы простое слово, а чуть ли не бранное какое, — сказалъ штаб-ротмистръ хмурясь, и подходя поближе къ Дмитрію Лукьяновичу, который видимо мѣнялся въ лицѣ.

«То ли еще говорилъ Дмитрій Лукьяновичъ,» прибавила внутренно торжествуя Пелагея Власьева, «онъ говорилъ, что получи-

онъ только мѣсто становаго, тотчасъ же приласкаеть!....»

«Кого приласкаеть?—воскликнулъ гнѣвно городничій, взявшись за бока, — ужъ не тебя ли, Полинъка?....»

— О нѣтъ, дяденька, не меня!....

«А не тебя, такъ пусть его, намъ дѣла нѣтъ.»

— Какъ, дяденька, дѣла нѣтъ?....

«Неприлично и вмѣшиваться тебѣ, Поля, въ такія дразги; ласки въ сторону, а фирса подавай сюда, ужъ я, сударь, не отстану.»

— Да помилуйте, Тихонъ Парфеньичъ, — проговорилъ вставая штатный смотритель, котораго слишкомъ близкое соседство Петра Авдѣевича начинало сильно беспокоить, — вотъ вамъ Христоръ, что и въ помышленіи не было ничего обиднаго, напротивъ того, слово фирсъ прекрасное слово, какъ честный человекъ. Да что же такое фирсъ? да называй меня, хоть въ самомъ присутствіи, кто хочеть этимъ словомъ, я то есть за особенное удовольствіе почту, ей Богу-съ!

«А коли такъ,» перебилъ, смѣясь городничій, «такъ давай же, господа, называть его Фирсомъ Лукъянычемъ, и посмотримъ, будетъ ли имя это ему понутру.»

— И.... извольте-съ, извольте-съ!

«Да нѣтъ, сударь, этаго мало, и людямъ всѣмъ и частному и пожарной командѣ всей прикажу называть тебя такъ.»

— Я съ пожарной командою-съ знакомства не вожу, Тихонъ Парфеньичъ, — замѣтилъ обиженный смотритель.

«Да въдь вы же говорите, что фирсъ такъ себѣ ничего!»

— Промежъ собою конечно ничего, въ благородномъ обществѣ, — ну а пожарная команда, — вы меня извините.

«Эге, братецъ! вы мнѣ кажется сбиваться изволите?»....

«И мнѣ кажется,» замѣтилъ штаб-ротмистръ.

— Ничуть-съ, ничуть-съ, — подхватилъ Дмитрій Лукъяновичъ, — и ежели вы, почтеннѣйшій Тихонъ Парфеньичъ, непременно этого желаете....

«И желаю, сударь, нехочу скрывать, Фирсъ Лукъянычъ.»

Новый хохотъ раздался въ столовой городничаго; хохоталъ и самъ Дмитрій Лукъяновичъ, хохотали даже дочери Тихона Парфеньича; но смотритель смѣялся желчно, а дѣвицы, прикрывъ лица платками.

За обѣдомъ всѣ, исключая однакоже Елизаветы Парфеновны, которая не выходила

изъ своей спальни по причинѣ зубной боли, Пелагеи Власьевны, которая лукаво и молча поглядывала на зрителя, Дарьи Васильевны и двухъ дочерей ея, относясь безпрерывно къ Дмитрію Лукьяновичу, честили его Фирсомъ, и даже Дениска, изъ послушанія къ барскому приказу, подражалъ господамъ, но въ этихъ случаяхъ закрывалъ онъ себѣ ротъ прегрязнымъ общлагомъ.

Едва кончился обѣдъ, какъ штатный зритель, проклиная внутренно и хозяйина и гостей его, взялся за желтый картузь свой и бѣжалъ, неоглядываясь изъ дому. Отойдя шаговъ двадцать, онъ остановился, оглянулся назадъ и, увидѣвъ въ окнѣ голову Пелагеи Власьевны, приподнялъ было голову, можетъ быть, съ намѣреніемъ не совершенно для нея благимъ, но въ то же время и въ томъ же окнѣ показался длинный усъ штаб-ротмистра; разсмотрѣвъ этотъ усъ, голова Дмитрія Лукьяновича мигомъ отвернулась назадъ, а самъ онъ прибавилъ шагу и скоро скрылся за аптекою, стояшею на углу переулка, ведшаго въ ровъ.

Въ тотъ же вечеръ часу въ седьмомъ, подъ крыльцомъ городническаго дома стояла уже тельжка штаб - ротмистра, запряженная, но не парочкою знакомыхъ намъ клячъ,

а лихою тройкою, изъ которыхъ коренная была тотъ самый буланый рысакъ, которымъ въ это же утро такъ любовался Петръ Авдѣевичъ.

Общество городничаго, преувеличенное присутствіемъ Елизаветы Парфеновны (отъ чего въ комнатѣ запахло камфорою) собралось въ гостиной и на всѣхъ лицахъ изображалось то чувство, которое нераздельно бываетъ съ лицами, провожающими въ путь близкаго человѣка. Вдова покойнаго Власа Кузьмича, поблагодаривъ въ одиннадцатый разъ штаб-ротмистра за спасеніе ея и дочери отъ неминуемаго увѣчья, приглашала его къ себѣ въ деревню, увѣряла, что посѣщеніе Петра Авдѣевича будетъ для нихъ истиннымъ праздникомъ, что знакомство его, начатое такимъ чудомъ, вѣрно есть предназначеніе свыше, и что Полинъка согрѣшитъ предъ Богомъ, ежели на яву или во снѣ, хотя на одинъ мигъ, позабудетъ своего избавителя; на что Петръ Авдѣевичъ нагородилъ кучу всякихъ непонятныхъ вещей, наплелъ цѣлый коробъ допотопныхъ комплиментовъ и, поцѣловавъ всѣ женскія руки, принялся обнимать городничаго. Когда же штаб - ротмистръ събжалъ съ крыльца и молодецки вскочилъ въ тельжку, Тихонъ Парфеньичъ

еще разъ крѣпко пожалъ ему руку и воскликнулъ съ чувствомъ : «Эхъ, братъ, Петръ Авдѣевичъ, сказалъ бы я тебѣ сокровеннѣйшую изъ моихъ мыслей, пламеннѣйшее изъ желаній, да нѣтъ не скажу, повзжай съ Богомъ!» И махнувъ рукою, онъ вошелъ обратно на крыльцо, а Тимошка снялъ шапку, поклонился сидѣвшимъ у оконъ господамъ, потомъ надѣлъ ее себѣ на бекрень, подобралъ возжи и свиснулъ такъ, что даже Варваръ Тихоновъ было слышно, потомъ помчалъ Петра Авдѣевича во всю конскую прыть.

«Тише, бышеный!» крикнулъ ему въ слѣдъ городничій; но голосъ его не долетѣлъ уже до Тимошки, и все затихло, какъ на площади, такъ и въ самомъ домѣ Тихона Парфеньича.

Долго и въ грустномъ молчаніи просидѣла у окна Пелагея Власьева, вперивъ взоръ свой по направленію заставы, въ которую давно уже въѣхалъ милой сердцу ея; и сколько думъ одна другой неопредѣленнѣе, одна другой замысловатѣе тѣснилось въ воображеніи дѣвушки, пока Елизавета Парфеновна не напомнила ей, что сидѣть нечего и давно пора снять вердепешевое платье.

Вечеръ въ домѣ городничаго прошолъ безъ игръ, безъ фантовъ, безъ смѣха и радостей и всѣ они замѣнены были разнообразными гаданіями въ карты и безконечными гранпасьянсами. Въ гаданіяхъ Пелагеи Власьевны играли главную роль трефовый король и червонная дама. Если ложились они рядомъ, восторгъ дѣвушки не имѣлъ границъ; она краснѣла, цѣловала Вариньку и мѣшала карты, когда Андрей Андреевичъ или городничій спрашивали о причинѣ восторга. За то замѣшайся въ гаданіи дама трефъ или бубенъ и лягъ она между первыми, гадавшая сдвигала брови, ротикъ ея кривился и гнѣвно швыряла она постороннихъ дамъ подъ столъ, называя ихъ мерзкими и прочими именами, крайне обидными для прекраснаго пола.

Жребій, казалось, былъ брошенъ, и въ сердцахъ нашихъ героевъ, съ минуты первой встрѣчи, затеплилось то чувство, которое на всѣхъ нарѣчіяхъ міра имѣеть, по крайней мѣрѣ, сотню подраздѣленій; и какъ искусно чувство это люди умѣютъ принаровить къ обстоятельствамъ; напримѣръ, если западетъ оно въ сердца молодыхъ людей различнаго пола, но равныхъ по состоянію и положенію въ свѣтъ, никто не помѣшаетъ

имъ увѣнчать его узаміи брака, и люди во всеуслышаніе называютъ его любовью. Если это же самое чувство мужчина будетъ питать къ дѣвушкѣ, низшей по положенію своему въ свѣтъ, то оно называется капризомъ, къ замужней женщинѣ — преступною страстью; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ супружескія обязанности дѣлаютъ полное сознание невозможнымъ, супругъ или супруга облакаютъ чувства свои къ постороннимъ лицамъ невиннымъ названіемъ симпатіи, дружбы безкорыстной, душевной наклонности, доступной всемъ возрастамъ даже одинаковаго пола.

Пелагея Власьева не трудилась надъ изысканіемъ приличнаго названія своему чувству къ Петру Авдѣвичу, а гадала просто: выйдетъ ли она за него замужъ и скоро ли бракъ ихъ совершится и не помѣшаетъ ли соединенію ихъ злая женщина, вдова, то есть пиковая дама, и не предстоить ли трефовому королю какой дороги или интересу? и получить ли червоная дама исполненіе своихъ желаній, и исполненіе это будетъ ли полное, или помѣшаетъ ему быть полнымъ восьмерка пикъ. Но восьмерка пикъ, хотя и ложилась у ногъ червоной дамы, но раздѣляла ее отъ дамы двойка бубень и десят-

ка червей, что значило большій интересъ для дамы; но въ чемъ именно состоитъ этотъ интересъ, то могла опредѣлить только супруга Петра Елисеевича, но она находилась въ отсутствіи и гостила въ имѣніи богатой графини Бялорыцкой у управляющаго, верстахъ въ тридцати отъ города.

Три раза съ ряду ложилась восьмерка пикъ къ ногамъ червоной дамы и столько же разъ, то девятка бубень, то десятка червей мѣшала ей дѣлаться горячими слезами. Заинтересованная до крайности обстоятельствомъ этимъ, Пелагея Власьева, которая, разумѣется, не могла же приписать его случайности, напрасно обращалась то къ Екатеринѣ, то къ Варварѣ Тихоновнамъ; получая далеко неудовлетворительныя объясненія, она рѣшилась наконецъ тихонько подозвать къ себѣ Андрея Андреевича и шопотомъ спросить у него: что бы это значило?

«Позвольте», отвѣчалъ протяжно и призадумавшись Андрей Андреевичъ, «точно такъ, припоминаю, это было до Французовъ, покойница моя загадала однажды, о чемъ бишь? да! проболѣла она тогда мѣсяцевъ съ четырнадцать странною болѣзнію, толстѣла какъ-то и такъ толстѣла, что лекаря и теща покойница говаривали бывало каж-

дый разъ, какъ прѣдуть : послать бы за бабкою, скоро должно быть.... какое же скоро, посудите сами, четырнадцать мѣсяцевъ; впрочемъ, Пелагея Власевна», прибавилъ, подумавъ хорошенько Андрей Андреевичъ, «не могу вамъ утвердительно сказать, точно ли подъ ногами у жены моей была восьмерка пикъ, въдъ сколько времени прошло съ тѣхъ поръ!» И, глубоко вздохнувъ, Андрей Андреевичъ возвратился къ своему мѣсту, а Пелагея Власевна начинала новое гаданье, кладя ребромъ попеременно то трефоваго короля, то червонную даму.

Выскакавъ вихремъ на столбовую дорогу, миновавъ мость и поднявшись на знаковую намъ крутую гору, Тимошка осадилъ лошадей, соскочилъ на землю и погладивъ коренную, поправилъ на ней хомутъ, подтянулъ шлеи и, налюбовавшись досыта новыми бѣгунами своими, обратился къ барину съ вопросомъ, сколько взялъ съ него за тройку городничій.

— А тебѣ на что знать? — не совсемъ ласково отвѣчалъ штаб-ротмистръ.

«Я такъ спросилъ.»

— Твое дѣло смотрѣть за лошадьми, да не напиваться, какъ стелька, въ чужомъ домѣ.

«Выпилъ съ ушиба, бѣда не велика», проворчалъ сквозь зубы Тимошка, подкидывая подъ себя верхній армякъ свой, «и теперь еще руки порядкомъ поднять не могу.»

— Не разговаривать у меня,—воскликнулъ полугнѣвно штаб-ротмистръ.

«Чего мнѣ разговаривать!»

— Ну!

«Съ ушибу всякій выпьетъ.»

— Пошолъ! — крикнулъ Петръ Авдѣевичъ, и тройка снова помчалась по столбовой дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ вѣтвистыми березами.

Въ глазахъ Петра Авдѣевича мелькнулъ сначала первый верстовой столбъ, потомъ немного погодя, мелькнулъ второй, за нимъ показался вдали знакомый мостикъ; смотря на него, штаб-ротмистръ вспомнилъ о померанцевой коляскѣ, о вчерашнемъ днѣ и кое о чемъ другомъ; ему чуднымъ казалось странное сдѣяніе всего, случившагося съ нимъ въ такое короткое время, и не постигалъ Петръ Авдѣевичъ, отъ чего ему стало какъ-то неловко; печали не было никакой, на небѣ тучъ густыхъ не собиралось, жаръ не палилъ, не тѣснилъ груди; напротивъ вѣяло въ затишьи перельска прохладой, пахло березкою и листь не ко-

льхался на деревьях; все было тихо, и на каждом шагу, въ соседнихъ кустахъ, то свисталъ соловей, то кричалъ коростель, и вся природа какъ будто смѣялась.

Всего этого и не замѣтилъ штаб-ротмистръ, не замѣтилъ онъ и того, что притяжныя его вытягивались и едва не касались брюхомъ земли, а коренная бѣжала рысью и не сбивалась; о чемъ же думалъ костюковскій помѣщикъ, о чемъ мечталъ отставной и безпечный до того штаб-ротмистръ?

По прїездѣ въ Костюково, Петръ Авдѣевичъ приказалъ было позвать Прокофьича; но потомъ, раздумавъ, отмѣнилъ приказаніе и, недождавшись ночи, раздѣлся и легъ въ постель; въ постели, вмѣсто одной трубки, выкурилъ онъ три и заснулъ часами двумя позже обыкновеннаго; мысли его, волнуясь, такъ перемѣшались, что если бы вдругъ кто спросилъ у него: о чемъ вы думаете въ эту минуту, Петръ Авдѣевичъ? онъ бы отвѣчалъ: «ей Богу, и самъ не знаю; чужь какая-то; то мнѣ чудится городничій, то Пелагея Властьевна, то фанты, то Петръ Елисеичъ и гнилозубая вдова судьи, даже дочки городничаго, — чтобы, кажется, мнѣ думать объ нихъ? нѣтъ, и тѣ лѣзутъ въ голову съ сво-

ими рожами, и голова моя болить; заснулъ бы, кажется; нѣтъ, закроешь глаза, опять чужь, выпилъ бы водки, боюсь, приключится болѣзнь, горячка какая нибудь.» Вотъ что отвѣчалъ бы штаб-ротмистръ, пока глаза его не закрылись, чубукъ не выскользнулъ изъ рукъ и ровные вздохи не замѣнились продолжительными, равномерными же звуками, напоминавшими кузнечный мѣхъ, или медленные повороты немazanнаго колеса нагруженной тельги.

Тутъ освобожденное отъ городничаго, сестры и дочерей его, воображеніе штаб-ротмистра дѣятельно принялось за обрисовку главнаго предмета, и предметъ этотъ въ канзу и вердепешевомъ платьѣ, ясно выступилъ впередъ со всеми прелестями зрѣлаго возраста, со всеми пышными формами молодости и свѣжести.

Дивная, чудная вещь — сонъ! но зачѣмъ же человекъ лишень способности сохранить во время сна разумную волю свою? При видѣ несмытныхъ сокровищъ, брошенныхъ сномъ во власть бѣдняка, почему не предложено ему право расточить ихъ и выкупить роскошью сна свою всегдашнюю нищету? тогда и Петръ Авдѣевичъ, пользуясь внезапнымъ появленіемъ канзу и вердепешева-

го платья Пелагеи Власьевны, конечно не ограничился бы нѣмым созерцаіемъ ея прелестей, а подобно восьмеркѣ пикѣ, бросился бы къ ногамъ ея, и отстранилъ бы весь препятствія, раздѣлявшія его съ нею, хотя бы препятствія эти состояли изъ девятки бубенѣ и десятки червей.

Но неизмѣнны законы природы, — и въ семь часовъ слѣдующаго утра, Ульянъ приходомъ своимъ пробудилъ штаб-ротмистра, поднесъ ему раскуренную трубку, а на пододвинутый къ кровати стулъ поставилъ зеленатаго стекла стаканъ съ коричневымъ чаемъ; а въ слѣдствіе той же неизмѣнности законовъ природы и штаб-ротмистръ протеръ глаза и, принявъ изъ рукъ Ульяна трубку, затыкнулся раза три и сталъ прихлебывать чай.

Три дня провелъ Петръ Авдѣевичъ довольно скучно; онъ мало ходилъ, ѣлъ и спалъ меньше обыкновеннаго, на четвертый...

Но мы увлеклись подробностями, касающимися одного только лица разсказа нашего, въ то время, какъ другое, по совѣсти, заслуживаетъ гораздо большаго участія. Новое чувство, пробужденное въ груди Пелагеи Власьевны, измѣнило не только нѣкоторыя привычки, но все существо ея; воз-

вратясь изъ города обратно въ Сорочки (такъ называлось село Елизаветы Парфеновны), на другой день по выѣздѣ Петра Авдѣевича, Пелагея Власьевна вбѣжала въ свою комнату, бросилась на постель и зарыдала горько; она сдѣлала бы это прежде, но мѣшали ей Екатерина и Варвара Тихоновны. Любовь къ Петру Авдѣевичу возгорѣлась въ сердцѣ двадцатитрехлѣтней и полненькой Пелагеи Власьевны точно такъ, какъ возгарается въ жаркій день соломенная деревенская крыша. Сердечнаго пожара дѣвушка не пытался потушить никто, а собственныхъ средствъ не доставало у Пелагеи Власьевны, вскормленной слякками въ нѣдрахъ простаго и полудикаго семейства, въ глуши лѣсовъ, далеко отъ просвѣщеннаго міра, гдѣ къ постепенному развитію женскаго сердца не прививается холодный расчетъ, правильная оцѣнка всего на свѣтъ и та способность управлять собою, которая называется тактомъ, или *esprit de conduite*. Пелагея Власьевна не знала, что существуетъ для свѣтскихъ дѣвушекъ нѣчто выше счастливой любви, что даже замужство съ дряхлымъ старикомъ предпочитается всякому другому, если этимъ замужствомъ дѣвушка приобретаетъ ише *position brillante*.

Ни о чемъ подобномъ не намекала ей никогда Елизавета Парфеновна; напротивъ мать твердила дочери, что очень кобсниться нечего и выбирать жениховъ не изъ кого, а за Дмитріемъ Лукьяновичемъ жить можно пригваючи, что покуда дѣвица была да румяна, надо сплшить, а покажутся складки на вискахъ, да упаси Господи, пользуть волосы, тогда и рада бы выйти, да никто и посмотреть не захочеть.

Въ такихъ разсужденіяхъ проходили длинные вечера въ селѣ Сорочкахъ; къ нимъ и привыкла Пелагея Власьева, а все таки за Дмитрія Лукьяновича выйти не рѣшалась, потому что Дмитрій Лукьяновичъ былъ ей рѣшительно противень.

Когда же останавливался въ уѣздномъ городѣ полкъ, то въ благородномъ собраніи встрѣчались Пелагеев Власьевъ офицеры; были между ними и молодые, были и хорошенкѣ, даже одинъ маіоръ прогостилъ у нихъ въ деревнѣ цѣлое лѣто и дѣлалъ часто разные намеки; но, объяснившись разъ съ Елизаветою Парфеновною, приказалъ заложить лошадей и уѣхалъ очень сердитый. Пелагея Власьева не любила маіора, а потому и долгое пребываніе его въ деревнѣ не оставило въ ней никакого воспо-

минанія; встрѣча же съ Петромъ Авдѣевичемъ была дѣло совсѣмъ другое: во первыхъ отважный поступокъ его, во вторыхъ скромность, съ которою отстранялъ онъ всякую благодарность, въ третьихъ явное вниманіе къ ней одной во время игръ, взгляды штаб-ротмистра и мужественный видъ его, глаза, усы, — да все, да просто все!

Къ вечернему чаю явилась Пелагея Власьева съ красными и опухшими глазами.

— Ты плакала, матушка? — спросила мать, — вижу, что плакала.

«Это такъ, маменька, ничего», отвѣчала Пелагея Власьева, утираясь платкомъ.

— Такъ ничего, что и носъ распухъ; взгляни-ка въ зеркало, — страшно! сударья.

«Право ничего, маменька.»

— Ты, пожалуй, выйдешь такъ при гостяхъ, чего добраго? разодлиши просто!

«Это пройдетъ.»

— Пройдетъ, пройдетъ, а слезы — то такъ и текутъ. По какимъ причинамъ, сударья? скажите, пожалуйста, ужъ не влюбилась ли?

«Ахъ, маменька!» проговорила Пелагея Власьева, напрасно стараясь удержать новый слезный потокъ, который, струясь вдоль носа, распространялся по всей нижней части

лица. «Ахъ, маменька, зачѣмъ вы это говорите?»

— Затѣмъ, моя милая, чтобы ты не надѣлала глупостей; а влюбилась, плакать нечего, и выдѣлывать изъ лица своего, Богъ знаетъ что, не нужно; старайся понравиться, будь весела, любезна; во время прогулокъ не молчи, какъ давича, не отбивайся, а разговаривай, шути; быть судьбѣ, и будетъ; дѣвка ты въ порѣ, засиживаться не для чего; захочешь — понравишься.

«Да захочетъ ли онъ, маменька?»

— Несомнѣнно; мущина всегда хочетъ, милая, а ты не дурна, сама знаешь, — прибавила ласково Елизавета Парфеновна. Вотъ какъ прїѣдетъ вѣрно прїѣдетъ, принарядись хорошенько, вели Анюткѣ приготовить голубенькое; оно тебѣ къ лицу, да не завертывайся въ платокъ, а просто на плечи накинь что нибудь легенькое; теперь погода теплая, можешь пригласить гостя въ рошу, никто не мѣшаетъ, будто грибовъ ищешь, да и тарара, тарара!

«Не знаю, съумѣю ли,» замѣтила, со вздохомъ, Пелагея Власьева.

— Съумѣешь, матушка, не географія какая, ломать голову не нужно, и я была молода, да какъ затѣяла замужь, покой-

никъ-то отецъ твой, не тѣмъ будь помнать, не чета былъ Петру Авдѣичу, и годами не ровень, и складомъ такъ себѣ! а захотѣлось, говорю, понравиться; мѣсяца не прошло, сваху заслалъ къ намъ въ домъ.

«Не уже ли, маменька, и со мною тоже можетъ случиться?» спросила, улыбаясь, Пелагея Власьева.

— И такъ - таки можетъ случиться, какъ нельзя лучше, — отвѣчала мать, — выждемъ денька четыре; не прїѣдетъ, напишу брату, чтобы онъ къ нему съѣздилъ, да привезъ. Впрочемъ — прибавила, подумавъ Елизавета Парфеновна, — быть не можетъ, чтобы не прїѣхалъ самъ; я звала его, и помнится, онъ сказалъ: «съ удовольствіемъ,» стало прїѣдетъ.

Последнія слова матери нѣсколько успокоили тревожное волненіе Пелагеи Власьевны и она съ нѣжностію поцѣловала материнскую руку и, въ угожденіе ей, вышила нехотя двѣ чашки чаю и скушала половинку домашняго кренделя, потомъ прошла въ садъ, сорвала нарцисъ, приколола себѣ къ лифу, сорвала другой бѣленькій цвѣтокъ, на которомъ погадала о Петрѣ Авдѣевичѣ и, поцѣловавъ цвѣтокъ, прошла въ рошу, окружавшую со всѣхъ сторонъ усадьбу вдо-

вы покойного Власа Кузьмича. И вторую ночь, подобно первой, промечтала и проплакала Пелагея Власьевна, а на утро не могла отделить от подушки головы своей: так тяжела она была и так страшно болела.

Но всеми человеческимъ страданіямъ есть предѣль. На четвертые сутки, по прибыздіи своемъ въ Костюково, Петръ Авдѣевичъ приказалъ Ульяну уложить въ чемоданъ чистое бѣлье, головную и зубную щетки, кусокъ мыла, пару сапогъ, халатъ, полфунта табаку, бритвенный приборъ, состоявшій изъ двухъ бритвъ и кисточки, и приказалъ Тимошкѣ запрягать лошадей.

Пообѣдавъ наскоро, штаб-ротмистръ закурилъ свою коротенькую трубочку, подвязалъ алый сафьянный кисетъ къ верхней пуговицѣ сюртука и, вскочивъ въ тельгу, велѣлъ везти себя по городской дорогѣ; доѣхавъ до мостика, соединяющаго костюковскій проселокъ съ большою дорогою, Петръ Авдѣевичъ спросилъ у Тимошки, куда ведетъ противоположная дорожка, съ которой, ежели помнитъ читатель, выѣхала въ одно время съ штаб-ротмистромъ померанцевая коляска.

— Да мало ли куда она ведетъ, — грубо отвѣчалъ Тимошка.

«Однако же.»

— Да какъ тутъ сказать? по ней и въ Кіевъ дождешь.

«Я у тебя спрашиваю не про Кіевъ, а про сосѣдей, дубина!

— Сосѣдей? мало ли сосѣдей; тутъ воть въ верстахъ въ двухъ живетъ купецъ Сыромятниковъ, — замѣтилъ лукавый Тимошка, который очень хорошо зналъ, о какихъ сосѣдяхъ спрашивалъ баринъ; да досадно было Тимошкѣ, что баринъ-то его что-то не ласковъ сталъ съ нимъ.

«А дальше кто живетъ?»

— Дальше живетъ Чинкина барыня, старуха съ сыномъ, что въ приказѣ секлетаремъ что ли служить.

«Не одни же они,» перебилъ штаб-ротмистръ съ нетерпѣніемъ.

— Кто говорить, что одни, — продолжалъ Тимошка, — и за Чинкиной живетъ народъ, воть верстѣ съ десять отъѣхать, будутъ Выселки.

«Чѣе это?»

— Одноворчское, сударь, а за Выселками съ версту конецъ до Пригорець, съ Пригорцовъ переѣдишь Коморѣць; еще верстѣ съ пятокъ до Графскаго, барское село важное, можно сказать....

«А принадлежит оно?»

— Принадлежит оно графинь Блорьцкой; барыня та сама не живеть, а управляет прикащикъ.

«Неужь-то же до Графскаго и неть больше никакихъ усадебъ?» спросилъ съ возрастающимъ нетерпѣниемъ штаб-ротмистръ.

— Да кого же вамъ это нужно?

«Ну Кочкиныхъ знаешь?»

— Кочкиныхъ? повторилъ Тимошка, — давно бы изволили сказать, что Кочкиныхъ; Кочкины точно живутъ въ этой сторонѣ; такъ къ нимъ прикажите что ли?

«Стало ты знаешь?»

— Какъ не знать, что вы баринъ, не зналъ бы я Кочкиныхъ; Кочкины, господа ближніе; сколько разъ возилъ я туда покойника, и барышня кочкинская такая прекрасная и добрая, а намеднишь изъ своихъ ручекъ изволила пожаловать мнѣ цѣлковый.

«А ты небось обрадовался, подлець,» сказалъ, смягчивъ голосъ Петръ Авдѣевичъ.

— Въдъ не денги дороги, баринъ, — отвѣчалъ Тимошка, — а дорога нашему брату честь, вотъ что-съ!

«Пошелъ же поскорѣ!»

— Поѣду, баринъ, честь-то дороже всего, — продолжалъ кучеръ, пользуясь бла-

гопріятною переменною къ нему штаб-ротмистра, — деньгу украдетъ другой, а чести, баринъ, никто не украдетъ.

«И горьлки не купишь, не бось?»

— Что горьлка, не видали мы развѣ горьлки; не будь она проклятая хмельная, такъ кажется и въ ротъ бы не взяли.... Ну ужъ барышня хорошая кочкинская; вотъ бы вамъ, баринъ, подьхвать къ ней....

«Что ты тамъ врешь?»

— Чего врешь; я не вру, а докладываю, то есть, резонъ; ей Богу, Петръ Авдѣевичъ, коли барышня понравится, женись; у старухи бумажекъ самъ чортъ не вытащитъ, да все вамъ же достанется.

«А богата старуха?»

— Что и говорить, баринъ, спросите у всего околотка, всякъ знаетъ, какъ покойникъ жилъ и много ли клалъ въ сундукъ; да бывало въ городъ справлялъ судейскую должность, на дворъ такъ и везуть, чего не везуть? и провьянтомъ бралъ и холстами бралъ.... а куда тратилъ? никуда; померъ и осталось все у старухи.

Слушая Тимошку и сравнивая слова его съ разказами Тихона Парфеньича объ уздномъ судѣ, Петръ Авдѣевичъ задумался не на шутку. Ну, а какъ впрямь Пелагея Влась-

евна невеста съ приданымъ? уже не посылать ли благому совѣту Тимошки? говорилъ самъ себѣ штаб-ротмистръ, да не завязать ли дѣло серьёзное? и откажутъ—бѣда небольшая, а какъ не откажутъ? Сверхъ же того Пелагея Власевна такая пригожая, что не будь у Петра Авдѣевича казеннаго долга, да костюковскихъ недоимокъ, да наклонности жить не скряжнически, онъ и не подумалъ бы о приданомъ.

Странное, диковенное дѣло, а нельзя не убедиться въ той неоспоримой истинѣ, что алчность и жажда къ приобрѣтенію, эти два унижительныя и порочныя свойства чelовѣка, развиты преимущественно въ богатыхъ людяхъ, а не въ бѣдныхъ; къ какимъ средствамъ не прибѣгаетъ большая часть первыхъ, чтобы увеличить цифру собственности, и какимъ лишеніямъ не подвергаютъ они сами себя и свои семейства? Примѣромъ можетъ служить одинъ богачъ, употреблявшій постоянно для собственного своего стола только то масло, которое по горечи своей оказывалось совершенно негоднымъ въ продажу....

«Однако, братъ Тимошка, Кочкины-то видно живутъ не то, чтобы очень близко?» спросилъ наконецъ у кучера штаб-ротмистръ,

когда и домъ купца Сыромятникова и Выселки и Пригорець остались позади ихъ.

— Не близко, баринъ, — отвѣчала Тимошка, — версть съ двадцать слишкомъ считаемъ отъ Костюкова, а можетъ, и будетъ больше; вотъ зимникомъ ложиной пойдеть дорога, такъ версть пятокъ выбросимъ вонъ, лѣтомъ же болото топкое, не проберешься и верхомъ. Вотъ, батюшка Петръ Авдѣевичъ, дождемся снѣжку, да доживемъ, Богъ дастъ, до Святокъ; на евтихъ-то мѣстахъ звѣрья бываетъ такое множество, что отбоя нѣтъ сусѣднымъ деревнямъ; коли милости вашей да захочется поохотиться, ужъ я вамъ доложу, баринъ, охота будетъ отменная.

«Небось съ поросенкомъ?»

— Вестимо съ поросенкомъ, Петръ Авдѣевичъ, а безъ поросенка какая же охота; у Матрены скотницы свинья поросная, какъ разъ поспѣетъ; приказать бы только парочку приберечь, да подкормить.

«А ты развѣ стрѣляешь?» спросилъ штаб-ротмистръ.

— Я, баринъ?

«Да.»

— По волкамъ, что ли?

«Ну да, по волкамъ, или по другому чему.»

— По волкамъ какъ не стрѣлять, баринъ! онъ же, бестія, лѣзетъ на кулёкъ, такъ его хоть руками бери, вѣдь близехонько; въ запрошлую зиму мы съ кузнецомъ Федоромъ поѣхали вотъ въ евто самое мѣсто, и ружьишки были у насъ, вамъ самимъ извѣстно какія, только обогнули замѣсье и стали спускаться въ оврагъ, я и говорю ему: потисни-ка маленько поросенка - то, онъ и тись! матушки мои какъ посыпали, откелева что бралось и справа, и слѣва....

«Постояйка, братецъ,» перебилъ Петръ Авдѣвичъ, «ужъ не это ли усадьба Кочкиныхъ?»

— Евта самая, баринъ.

«Вотъ этотъ домишка старенькій въ березовой рощѣ.»

— Самый евтотъ, — отвѣчалъ Тимошка, — объѣхать только вотъ тотъ конецъ, что за кустомъ, и поворотка.

«Постой же, я слезу, да поправлюсь,» сказалъ Петръ Авдѣвичъ, и кучеръ остановилъ лошадей.

Штаб-ротмистръ соскочилъ съ тельги, стряхнулъ съ шинели и фуражки пыль, поправилъ галстухъ, вытеръ платкомъ лице, смочилъ слюною усы свои и потянулъ ихъ внизъ, рукою почистилъ рейгузы и, застег-

нувъ сюртукъ на двѣ нижнія пуговицы, расправилъ лацканы такъ, чтобы бѣлая подкладка была видна, потомъ, осмотрѣвшись хорошенько, снова прыгнулъ въ тельгу и снова закричалъ кучеру: «Пошолъ, да подбери пристяжныхъ!»

Тройка свернула съ торной дороги на полузаросшую травой тропинку, пролежавшую между зеленыхъ полей, и быстро промчавшись мимо ветхой кузницы, березовой роши, гумна, амбара и какой-то клѣти, подскочила къ крылечку маленькаго домика, или лучше сказать, нѣсколькихъ избъ, соединенныхъ въ кучку и покрытыхъ почернѣвшимъ тесомъ; штаб-ротмистръ, сбросивъ шинель свою въ тельгъ, ловко сошелъ наземь, перешагнувъ однимъ махомъ всѣ ступеньки крыльца и войдя въ сѣни, сталъ осматриваться; предъ нимъ было двое дверей, но правая показалась Петру Авдѣвичу чище львой, и, принявъ ее за входъ въ чистую половину, онъ отворилъ ее и вошелъ.

Въ передней ни души; гость, положилъ кисеть свой на ларь и продолжалъ идти далѣе. Второй покой, довольно темный, былъ въ родѣ его костюковской залы — и въ немъ ни души; въ третьей комнатѣ, напоминавшей гостинную, на овальномъ столѣ, сдѣ-

ланномъ изъ волнистой березы, нашель штаб-ротмистръ толстый недовязанный чулокъ и очень грязныя карты, симметрически разложенныя; самую средину занималъ трезовый король. За столомъ у стѣны находился березовый диванъ, на немъ двѣ шитыя гарусомъ подушки, изъ которыхъ одна изображала пуделя, а другая турка съ четырехугольными глазами; турокъ скакалъ на коричневой лошади съ бисернымъ золотымъ мундштукомъ во рту; надъ самымъ же диваномъ висѣли три портрета: первый изображалъ, вѣроятно, покойнаго Власа Кузьмича въ мундиръ судьи съ медалью на широкой лентѣ и часами въ рукахъ; второй представлялъ супругу его въ розовомъ платьѣ съ талією у самого подбородка; голова Елизаветы Парфеновны была похожа на самый замысловатый куличъ; третій портретъ завѣтой дѣвочки, сидящей на подушкѣ, долженъ былъ по всѣмъ соображеніямъ Петра Авдѣевича, принадлежать Пелагеѣ Власевнѣ, когда еще Пелагея Власевна была ребенкомъ; на колыняхъ держала она пребезобразную бѣлую собаку.

Гость не удовольствовался наружнымъ убранствомъ гостиной и, пользуясь продолжительнымъ одиночествомъ своимъ, выдвигалъ

ящикъ овальнаго стола и заглянулъ въ него. Въ ящикѣ нашель онъ закрасившійся отъ времени огрызокъ яблока, клубочекъ бѣли, неопредѣленнаго цвѣта восчечекъ и тщательно завернутый въ маслянистую бумажку гумозный пластырь; рядомъ съ нимъ лежали женскія ножницы съ отломленнымъ концемъ и сахарная арфа, попорченная временемъ.

И всѣ эти вещи усмѣлъ внимательно пересмотрѣть Петръ Авдѣевичъ, пока наконецъ въ соседней комнатѣ со стороны противоположной залѣ, послышались женскіе шаги и въ дверь вошла Елизавета Парфеновна.

— Ахъ, батюшки мои, какъ же я виновата предъ вами, Петръ Авдѣичъ! — воскликнула хозяйка, — захопоталась и незнала совсѣмъ, что пожаловалъ къ намъ такой дорогой гость, и люди скверные, — чай никого не нашли въ передней?....

«Мы люди военные-съ, безъ церемоніи, Елизавета Парфеновна,» отвѣчалъ штаб-ротмистръ, подходи къ рукѣ хозяйки; «не извольте беспокоиться.»

— Какъ же мы рады видѣть васъ, Петръ Авдѣичъ, и Полинъка спрашивала все: что это Петръ Авдѣичъ вѣрно позабылъ насъ,

что не хочеть и взглянуть; онъ, благодѣтель нашъ, онъ....

«Вы, воля ваша, обижаете меня, Елизавета Парфеновна!»

— Какъ обижаю, чѣмъ это? упаси Господи.

«Да такъ, что обижаете, ей Богу.»

— Скажите, пожалуйста, чѣмъ же это? да я умру съ горя.

«Да тѣмъ, что называете благодѣтелемъ, Елизавета Парфеновна,» продолжалъ штаб-ротмистръ, «вѣдь благодѣтели бывають обыкновенно люди старые, а я еще не старикъ.»

— Такъ вотъ что, почтеннѣйшій нашъ, вотъ чѣмъ обидѣла, ну не буду впередь, — отвѣчала Елизавета Парфеновна, смѣясь и усаживаясь на диванъ, — а вѣдь я перепугалась серьезно: думала себѣ, чѣмъ же это могла обидѣть челоуѣка, котораго полюбила, какъ близкаго сердцу роднаго; ужъ что я старуха, а то и Полинъка.

«Можеть ли быть?»

— Ей, ей! а вы не вѣрите, небось?

«Клянусь честью моею, Елизавета Парфеновна, не смѣю, то есть вѣрить!...»

— Полноте, полноте, Петръ Авдѣевичъ, — замѣтила лукаво вдова, — это просто скром-

ность, больше ничего, а вы очень хорошо замѣчаете; да можеть ли и быть иначе послѣ той услуги, которую вы намъ оказали?

«Опять-съ!...»

— Ну, ну, не буду, дорогой нашъ, не буду никогда. — И говоря это, Елизавета Парфеновна поднесла руку свою гостю, которую тотъ снова поцѣловалъ. — У насъ же такая идетъ суета, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ, — продолжала вдова, — всѣ строенія начинаю перестраивать вновь; по судите, каково-то мнѣ на старости заниматься всѣмъ этимъ, и женское ли это дѣло? а къ кому прибѣгнуть, къмъ замѣнить себя? мужъ умеръ, сынъ мой также скончался, остались мы вдвоемъ съ Полинъкою. Грѣшить не хочу: награди Богъ всякую мать такую дочерью, какъ моя, да что же толку-то въ этомъ? не послать же мнѣ ее на мужскую работу, когда вамъ самимъ извѣстно, Петръ Авдѣичъ, каковы у насъ крестьяне-то, — вѣдь просто необразованные, безъ всякаго обращенія; иной, прости Господи, и не посмотреть, что барышня тутъ; прилично ли же?

«Подлинно, Елизавета Парфеновна, отвѣчать за нихъ не лѣзя; вотъ-съ у меня

дьяло совсѣмъ другое; живу-сь я одинъ совершенно, и не слабѣ, могу сказать, а сколько разѣ строго приказывалъ и грозилъ; нѣтъ, никакимъ способомъ не устережешь. Добро бы-сь работа, ну лѣнь крестьянину идти далеко, а то вѣдь-сь садъ и огорожень кольями, что бы кажется повынуть-сь, и того-сь, — непросвѣщеніе!

— Ахъ не говорите, Петръ Авдѣичъ, — продолжала старуха вздыхая, и мысли не приложу, къ какимъ мѣрамъ обратиться; пуще всего дворовые -- пагуба! вотъ при-мѣръ, такъ избалованы, такъ избалованы!... У васъ же, Петръ Авдѣичъ, я слышала мужички въ хорошемъ положеніи?

«Какъ вамъ то есть доложить-сь? — живуть, благодаря Бога.»

— И богаты?

«Богаты? нѣтъ-сь, а есть достаточные.»

— А много ихъ у васъ?

«Сотни-сь полторы.»

— Что же, не дурно, — замѣтила вдова.

«Недурно-сь, недурно-сь, точно; но земля-сь не очень, чтобы тово...»

— Какъ не хороша развѣ?

«Не то чтобы не хороша, а запущена: мало кладуть удобренія.»

— Вотъ ужъ этого допускать не должно, Петръ Авдѣичъ: это большое зло въ хозяйствѣ.

«Какъ не зло-сь?... я самъ знаю, что зло большое, но долженъ доложить вамъ, что въ последнее время батюшка вовсе не занимался хозяйствомъ и распоряжался въ имѣніи дворовый человекъ.»

— Теперь же, по крайней мѣрѣ, почтеннѣйшій, вы сами займетесь?»

«Надѣюсь, Елизавета Парфеновна, по этому поводу-сь и оставилъ службу.»

— И прекрасно!

«Всѣ усилія употребимъ, лишь бы благословилъ то есть Богъ.»

— Молитесь ему почаще, Петръ Авдѣичъ; онъ и подругу пошлетъ вамъ добрую.

«Я не прочь.»

— И хорошенькую, — прибавила вдова.

«И отъ этого не прочь.»

— И разумную.

«А безъ разума на что же она? помилуйте-сь.»

— То-то я и говорю, что пошлетъ и разумную; разумьется, очень богатыхъ невѣсть у насъ въ околоткѣ не отыщется, развѣ сосѣдка моя, — прибавила съ ироническою улыбкою Елизавета Парфеновна.

«Сосѣдка, какая сосѣдка? не слыхаль.»

— Я говорю, — продолжала вдова тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ, — про графиню Наталью Александровну Бѣлорѣцкую.

«Дѣвица развѣ?»

— Нѣтъ не дѣвица, а вдова, впрочемъ не старая, лѣтъ ей двадцать четыре и красавица, говорить.... была выдана за стараго знатнаго человѣка; онъ умеръ мѣсяца три назадъ въ Петербургъ, а женѣ оставилъ тысячъ десять душъ, да домовъ нѣсколько. Такъ вотъ, Петръ Авдѣичъ, подцѣпить бы вамъ такую невѣсту не дурно.

«Вы смѣяться изволите, Елизавета Парфеновна?»

— Почему же?

«Не нашего-съ поля ягода, не по насъ звѣрокъ; отышутся и, кромѣ насъ, на него охотники; а ужъ мы похлопочемъ около себя, вѣрнѣе будетъ-съ, Елизавета Парфеновна; и за приданымъ большимъ не погонимся, была бы только, какъ вы изволили сказать, хорошенькая, добрая-съ, да умная, а главное притомъ не хворая.»

— Согласна, совершенно согласна съ вами, дорогой мой. Эта статья чуть ли не самая важная, — перебила съ жаромъ вдова, — въ хворой женѣ счастья не ищите, и

сама измучится и мужа истиранитъ. А правду надобно сказать, Петръ Авдѣичъ, много ли то у насъ по всей губерніи найдется здоровыхъ дѣвиць, — съ фонаремъ поискать, не сыщешь; а всему причиною воспитаніе, присмотръ гувернантки, которой взять бы деньги, а тамъ и провались сквозь землю. Много ли-то матерей, пекущихся о дочкахъ, да такъ, чтобы дочка не легла безъ материнскаго присмотра въ постель, да не напилась въ жаръ. Много ли, спрашиваю? отъ того то и дѣвицы у насъ не на что взглянуть, съ лица желты, а фигура-та, Петръ Авдѣичъ, только и есть, что наваять все подъ горло; а выйдетъ замужь, глядь, ничего и нѣтъ.

«Справедливо, Елизавета Парфеньевна-съ.»

— Какъ, батюшка не справедливо, мнѣ ли не знать? вѣдь мать сама, сама вскормила дочь, слава Богу, не другимъ прочимъ чета. Нѣтъ, Петръ Авдѣичъ, въ чемъ другомъ, а въ этомъ предъ Богомъ отвѣчать не буду, пусть и люди судятъ.... до пятнадцатаго года, могу сказать, съ глазъ моихъ не спускала; пойдеть ли гулять бывало, воротится домой, покажи-ка ножки, говорю; «да нѣтъ, маменька;» не нѣтъ, сударыня, покажи, и, усадивши на стулъ, сама

разу; мокры пожки — patru виномъ, со-
грѣю, да надѣну шерстяныя карпеточки, и
здоровехонька.... Вотъ что называется уха-
живать за дѣвцами, а не то, что бы мамзель
какая — *парле франсе*, да *боижуръ*, и боль-
ше ничего.

«Справедливо разсуждать изволите, Ели-
завета Парфеньевна,» повторилъ штаб-рот-
мистръ, сущая и совершенная правда-съ;
пятнадцать лѣтъ — для дѣвицы важная
вещь-съ.»

— Какъ же не важная; да еще и какая
важная, Петръ Авдѣвичъ; а вотъ и Полинь-
ка, — воскликнула вдова, приподнимаясь съ
дивана. Улыбаясь и краснѣя, вошла въ го-
стиную Пелагея Власевна, улыбаясь и крас-
нѣя, прислала она Петру Авдѣичу, и же-
манно подобравъ голубенькое платье свое,
помѣстилась рядошъ съ матерью на березо-
вомъ диванѣ.

Гость, не нашедши вѣроятно съ па-
мяти своей ничего приличнаго къ привѣт-
ствію, ограничился ловкимъ поклономъ, и,
отодвинувъ кресло свое нѣсколько далѣе отъ
дамъ, усѣлся на него, не вымолвивъ ни од-
ного слова.

Мать первая возобновила разговоръ; она
обратилась къ дочери.

«Видишь ли, Полинька, что Петръ Авдѣ-
ичъ несовершенно позабылъ насъ, и прѣв-
халь.»

Пелагея Власевна опустила глазки и ка-
шлянула въ платокъ вмѣсто отвѣта.

— Я говорила тебѣ, что прѣдетъ.

«Да, маменька,» прошептала дочь.

— Вотъ видишь: мать никогда не обма-
неть; въ другой разъ надобно вѣрить, когда
мать говорить.

«Я давнобы за счастье почель,» перебилъ,
вставая съ своего мѣста Петръ Авдѣвичъ,
«но.... полагаю.... обезпокою....»

— Вы, вы, Петръ Авдѣичъ? спросила
мать.

«Право въ этомъ только и заключалъ со-
мнѣніе, Елизавета Парфеньевна; думалъ такъ
же, что удержитъ васъ Тихонъ Парфень-
ичъ, и все этакое думалъ.»

— Знайте же, почтеннѣйшій сосѣдушка,
что съ сегодняшняго дня мы безвъздно
будемъ дома и станемъ ожидать васъ съ утра
до вечера, — прибавила привѣтливо улы-
баясь и вставая Елизавета Парфеньевна, —
а теперь не взъичте, Петръ Авдѣичъ, въ
деревнѣ съ короткими не церемонятся, а
вѣдь вы короткій знакомый нашъ, не прав-
да ли? и потому оставляю васъ скучать съ

Полинькою, а сама управляюсь по хозяйству.... Полинька, надюсь, что ты, мой другъ, съумьешь занять гостя, не то онъ, пожалуй, никогда больше не прійдетъ къ намъ. — Выговоривъ послѣднюю фразу со всевозможными ужимками, вдова вышла вонъ, оставивъ Петра Авдѣевича и Пелагею Власьевну въ самомъ неловкомъ положеніи. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ оба они не знали, что имъ дѣлать другъ съ другомъ и съ чего начать разговоръ, который поддерживала одна Елизавета Парфеновна. Штаб-ротмистръ, поглядывая на Пелагею Власьевну, переставлялъ ноги свои и тянулъ книзу усъ; въ свою же очередь Пелагея Власьевна, приподнимая глаза на Петра Авдѣевича, тотчасъ же опускала ихъ и кашляла для приличія... но оба понимали очень хорошо, что подобное препровожденіе времени должно же было кончиться наконецъ чѣмъ нибудь, и потому въ одно и тоже время оба заговорили.

— Вы не можете.... начала было Пелагея Власьевна, но услышавъ голосъ Петра Авдѣевича, замолчала, замолчалъ и тотъ; потомъ они взглянули съ недоумѣніемъ другъ на друга, и уже Пелагея Власьевна рѣшилась первая сдѣлать вопросъ.

— Вы, кажется, хотѣли сказать что-то, Петръ Авдѣичъ?

«И вы тоже, Пелагея Власьевна», отвѣчала штаб-ротмистръ.

— О нѣтъ, я ужъ не помню.

«Какая дурная память, Пелагея Власьевна.»

— О нѣтъ, — повторила дѣвушка, — но мнѣ хотѣлось знать, что хотѣли вы сказать, Петръ Авдѣичъ.

«Я, Пелагея Власьевна?»

— Вы, Петръ Авдѣичъ.

«Я хотѣлъ сказать, Пелагея Власьевна, что всѣ эти дни мнѣ очень было скучно.»

— А мнѣ? — проговорила, вздыхая дѣвушка.

«Какъ, и вамъ тоже?»

— О да, Петръ Авдѣичъ!

«Почему, скажите, сдѣлайте одолженіе.

— Сама право не знаю, но очень скучно; ужъ маменька за это бранила меня.

«Маменька ваша очень добрая, кажется, Пелагея Власьевна.»

— Какъ ангелъ добра.

«За что же она бранила?»

— За то, что я ужасно скучала и даже плакала.

«Вотъ еще какъ», заметилъ штаб-ротмистръ.

— Это глупость, я и сама знаю, Петръ Авдѣичъ; но мнѣ такъ показалась несносна деревня послѣ города: въ городѣ было такъ весело.

«Это справедливо, что деревня скучна послѣ города.»

— Не правда ли, Петръ Авдѣичъ?

«Совершенно, но плакать, кажется, я бы не стала.»

— Вы дѣло другое, вы мущина, вы счастливы, Петръ Авдѣичъ!

«Почему же вы это думаете?»

— Потому что мущины всѣ обыкновенно бываютъ счастливы, ихъ ничто не тревожить...., они не способны такъ чувствовать, какъ дѣвица.

«Вотъ ужъ это несправедливо замѣчать изволите, Пелагея Власьева, мущины такъ же чувствительны бываютъ.»

— Не думаю, чтобы такъ....

«И сравненія нѣтъ, можно сказать больше, доказать могу.»

— Я любопытна слышать.

«Да вотъ напримѣръ, у насъ въ бригадѣ, одинъ офицеръ влюбился въ такую, что пляшетъ на канатѣ съ шестомъ, и повѣрите ли, чуть не посадилъ себя пуло въ лобъ; такъ вотъ какъ мужчины любятъ, Пелагея Власьева...»

— А вы, Петръ Авдѣичъ, — спросила Пелагея Власьева, бросая на штаб-ротмистра томный взглядъ, — могли бы испытать подобное чувство, какъ товарищъ вашъ?

«Какъ? къ плясуньѣ на канатъ?»

— Не къ плясуньѣ, а все равно къ другой?

«Не все равно, Пелагея Власьева.»

— Положимъ, если бы напримѣръ вамъ встрѣтилась дѣвица дворянскаго сословія; хотя бы напримѣръ такая, какъ....

«Какъ кто?» спросилъ штаб-ротмистръ.

— Не знаю съ кѣмъ сравнить-съ право. «Однако же съ?»

— Право не знаю, Петръ Авдѣичъ!

«Подумайте-съ хорошенько.»

— Ну такая, какъ....

«Какъ?» повторилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Какъ я..., едва внятно и краснѣя выговорила дѣвушка.

«Какъ вы, Пелагея Власьева, да встрѣтѣсь только такая и не совсѣмъ даже схожая-съ, потому что гдѣ же-съ такая можетъ встрѣтиться, я бы кажется, доложу вамъ, просто.... тово....»

— Вы насмѣшникъ, Петръ Авдѣичъ!

«Ей Богу говорю отъ полноты, то есть отъ сердечной, или лучше скажу, какъ сол-

дать, безъ всякихъ этакихъ комплементовъ, и гдѣ же мнѣ-съ, посудите сами, научиться всякимъ этакимъ оборотамъ, которые пріобрѣтаются собственно въ обширныхъ столицахъ?»

— Мужчины такъ фальшивы бываютъ, Петръ Авдѣичъ, замѣтила Пелагея Власьева, жеманясь.

«Мужчины, статья можетъ, но я-съ подь присягу пойдти готовъ-съ.»

— Ахъ, не клянитесь.

«Хоть сей часъ, вѣрете, Пелагея Власьева!»

— Я вѣрю вамъ, о я вѣрю вамъ, Петръ Авдѣичъ, и ежели бы... но не жарко ли вамъ въ комнатахъ? вечеръ такой прекрасный, въ роцѣ прохладно, хотите прогуляться, Петръ Авдѣичъ?

«Сдѣлайте ваше одолженіе, Пелагея Власьева, я съ моимъ удовольствіемъ.»

Штаб-ротмистръ бросился за своею фуражкой въ сосѣднюю комнату, а Пелагея Власьева частенькими шагами побѣжала за шляпкою и зонтикомъ.

— Вы позволите-съ мнѣ взять трубку, Пелагея Власьева? — закричалъ ей вслѣдъ Петръ Авдѣевичъ.

«Ахъ пожалуйста,» отвѣчала изъ третьей

комнаты дѣвушка, прыгая передъ зеркаломъ, и дѣлая глазами и головою разные знаки стоявшей предъ нею пожилой дворовой дѣвкѣ въ затрапезномъ платьѣ и съ босями ногами; дѣвка отвѣчала на барышнины нѣмыя объясненія глупымъ полусмѣхомъ и, поправивъ ей нѣкоторые части туалета, проводила барышню изъ дверей; сама же, приставя глазъ къ замочной щелкѣ, принялась осматривать пріѣзжаго барина, о которомъ съ самага пріѣзда барынь изъ города, уже поговаривала сорочковская дворня, какъ о барышникомъ женихъ.

Полтора часа спустя, герои наши возвратились изъ рощи, по видимому, очень довольные собою; Пелагея Власьева, верти въ рукахъ своихъ незабудку, смѣялась, разговаривала и, даже отвѣчая на вопросы Петра Авдѣевича, смотрѣла прямо ему въ глаза.

Петръ же Авдѣевичъ, идучи рядомъ съ Пелагеею Власьевною, пускалъ на воздухъ клубы табачнаго дыма.

Наблюдавшая за дочерью и гостемъ, Елизавета Парфеновна утвердилась въ той мысли, что ежели женщина захочетъ понравиться, то уже конечно понравится, и сдѣлай въ этотъ вечеръ предложеніе штаб-ротмистръ, на другой же день Пелагея Влась-

евна могла бы снова облечься въ свое вердепешевое платье и кисейное канзу; и сколько завистницъ возродила бы въ уѣздъ вѣсть о внезапной помолвкѣ Пелагеи Власьевны!

Но штаб-ротмистръ думалъ иначе. Опытъ товарищей доказалъ ему, что хорошенькія дѣвушки очень часто нравятся молодымъ людямъ, особенно военнымъ, что дѣвушки эти обыкновенно бываютъ до крайности любезны, пока замужество не увѣнчаетъ этой любезности чепцомъ и титломъ жены; тогда все таки очень часто изъ любезныхъ и хорошенькихъ дѣвушекъ дѣлаются фуріи и этихъ фурій бѣдные люди, превратившіеся въ супруговъ, обязаны таскать за собою всю жизнь.

Вторая причина нерыщительности Петра Авдѣевича возникла отъ невольнаго недоверія къ сладкозвучнымъ словамъ Елизаветы Парфеновны, такъ громко провозглашавшей нѣжность свою къ единственной дочери, отъ которой, можетъ быть, чувствительная мать желала только скорее отдѣлаться; и подобные примѣры видалъ въ продолженіи жизни своей штаб-ротмистръ.

«Ну, а какъ отдавая дочь свою за меня», говорилъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ, «да наградить она насъ благословіемъ, и толь-

ко, что же я буду дѣлать тогда съ Пелагеею Власьевною? амуриться долго — нельзя; на это полагаю я года четыре, что же потомъ? опять на службу, трудненько, и товарищи обгонять; жить на ста двадцати душахъ, заложенныхъ и перезаложенныхъ, еще труднѣе; понадобятся и чепцы и башмаки и платье; а я и себѣ-то партикулярнаго справить не въ силахъ. А дѣти? не говоря уже про двойни; да куда же мнѣ съ ними? Нѣтъ, дудки; торопиться не для чего. Прежде, чѣмъ Тихонъ Парфеньичъ не объяснится самъ лично, или пожалуй Елизавета Парфеньевна, то есть объяснится со мною, какъ слѣдуетъ, ѣздить буду пожалуй, и въ рошу пойду, лясы всякія точить стану, а жениться... шалишь — не проведуть.»

Съ такимъ-то положительнымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ сѣлъ за ужинъ, рядомъ съ Пелагеею Власьевною, Петръ Авдѣевичъ, вышилъ большую рюмку настоекъ на центифоліи, улегся, поужинавъ, на двѣ перины, положенныя въ свою очередь на березовомъ диванѣ гостинной, и пресладко и прекрѣпко проспалъ до утра.

Съ той минуты, какъ разумъ шепнулъ штаб-ротмистру, что отъ его единственнаго

слова зависить участь Пелагеи Власьевны и достаточно воли его, что бы изъ Пелагеи Власьевны Кочкиной сдѣлать Пелагею Власьевну Мюнабы-Полевѣлову, штаб-ротмистръ нашъ, какъ говорится, только что не пересталъ и думать о ней. Благодаря польскимъ мѣстечкамъ, двадцати-восьмилѣтній Петръ Авдѣевичъ давнымъ давно смотрѣлъ на хорошенькихъ женщинъ какъ на существа обыкновенныя; голубые, черные, каріе и миндальнообразные глазки находили его постоянно готовымъ принести имъ въ жертву клятвы, увѣренія, часть наличныхъ денегъ, — но вѣчную независимость? нѣтъ! за нее держался штаб-ротмистръ обѣими руками и не промѣнялъ къ ее на глазки безъ удовлетворительнаго къ нимъ *мазу*, какъ онъ выражался самъ.

Трое сутокъ прогостилъ Петръ Авдѣевичъ въ Сорочкѣхъ, гулялъ съ барышнею по рощѣ, собиралъ съ нею грибы и отпущалъ всякіе обиняки, и трое сутокъ эти промчались для всѣхъ жителей Сорочкѣвъ быстрѣе одного дня, а на четвертыя таже лихая тройка отвезла штаб-ротмистра въ Костюково Колодезь тожъ, къ великому огорченію Пелагеи Власьевны.

Оставшись глазъ на глазъ съ матерью,

она на вопросы последней отвѣчала съ откровенностью, свойственною послушной дочери, впрочемъ скрывать было нечего; ибо штаб-ротмистръ, вѣрный своей системѣ — быть осторожнымъ и не спѣшить, не позволилъ себѣ въ обращеніи съ дѣвushкою ни малѣйшей вольности, онъ даже цѣловалъ руку ея только въ присутствіи Елизаветы Парфеновны; до любви же своей касался косвенно. Изъ словъ дочери мать заключила, что хотя Петръ Авдѣевичъ и влюбленъ по уши въ Пелагею Власьевну, но врожденная застычивость его, а можетъ быть и непривычка обращаться съ женщинами дѣлають изъ Петра Авдѣевича любовника слишкомъ скромнаго, робкаго и нерышительнаго; къ тому же излишняя поспѣшность могла быть перетолкована сосѣдями и узедомъ не въ пользу Полинки, а слѣдовательно, благодаря Всевышняго, все шло къ лучшему, и стоило только поддерживать пламя любви въ сердцѣ штаб-ротмистра, пламя это само по себѣ въ самомъ непродолжительномъ времени превратитъ въ пепель всѣ препятствія, и любовники соединятся узами вѣчными. Тогда же какое счастье для Елизаветы Парфеновны! Наградивъ дочь всякимъ тряпьемъ и безчисленнымъ множествомъ обещаній, которыя такъ не

дороги, не оставалась ли она, бѣдная вдова покойнаго судьи, полною обладательницею села Сорочки, а главное тѣхъ крохъ, про которыя говорилъ Петру Авдѣвичу и Тихонъ Парфеньичъ и кучеръ Тимошка. Изъ крохъ могла Елизавета Парфеновна слышать себѣ домишко въ пять оконъ и обратитъ окна эти на одну изъ улицъ уезднаго города, по вечерамъ играть въ бостонъ съ Андреемъ Андреевичемъ, носить сатинтюрковые капоты, вышитые бисеромъ ридикюли, серебряную табакерку съ вышитымъ на ней изображеніемъ монумента Петра Великаго, и не полоскать для приличія рта своего комфарнымъ спиртомъ, когда зубы не болятъ, а просто откушивать то тминной, то инбирной, то анисовой, по собственному уже усмотрѣнію и во весь часы дня и даже ночи.

Въ такихъ-то сладкихъ мысляхъ пребывала Елизавета Парфеновна отъ перваго привѣзда штаб-ротмистра въ село Сорочки вплоть до заморозковъ и даже до зимняго Николя. Не проходило недѣли, чтобы знакомая тройка Петра Авдѣвича не сворачивала съ проселка на полузаросшую тропинку, ведущую къ дому Кочкиныхъ, и полчаса спустя Елизавета Парфеновна не оставляла дочери своей съ нимъ глазъ на глазъ. Въ праздники

навѣщала сестру свою городничій, или сестра, въ сопровожденіи дочери, отправлялась въ городъ къ брату, и тогда вмѣсто Сорочковъ, посещала штаб-ротмистръ уездный городъ, останавливался въ домъ Тихона Парфеньича, прогуливался по площади рядомъ съ Пелагеею Власьевною, и внушалъ тѣмъ такую ревность Дмитрію Лукьяновичу, что Дмитрій Лукьяновичъ снималъ бѣлый картузь свой и клялся соборомъ отомстить Петру Авдѣвичу, если только получитъ мѣсто становаго.

Случалось ли украдкой Андрею Андревичу спрашивать у Тихона Парфеньича, скоро ли свадьба его племянницы, городничій отвѣчалъ: «Видишь самъ, кажись скоро; впрочемъ да будетъ воля Божія!» И удовлетворенный Андрей Андреевичъ разносилъ по городу достовѣрную вѣсть скорой помолвки Пелагеи Власьевны съ Петромъ Авдѣвичемъ. Пелагея же Власьевна до того привыкла къ будущему женнху своему, что, не выдавъ его самое короткое время, принималась за слезы, какъ за законную собстенность, и, не скрывая ихъ ни отъ кого, столь же открыто упрекала штаб-ротмистра въ долгой отлучкѣ, невниманіи къ ней и въ непростительной холодности. Дѣвушка, предоставленной соб-

ственному произволу, казалось ни мало не-предсудительнымъ обращаться съ постороннимъ ей челоуькомъ также коротко, какъ съ братомъ, потому что мать только что не требовала короткости этой къ штаб-ротмистру, а дядя подражалъ матери, чего же болъе? Остается заглянуть во внутренность Петра Авдъевича; въ ней жизненный процессъ шелъ наисправнйшимъ образомъ; намъреніе не торопиться укрылилось съ каждымъ днемъ болъе и болъе, а счастье полного обладанія Пелагеею Власьевою замънилось покамъстъ въ штаб-ротмистръ увъренностію не выпускать ее впередъ изъ подъ власти своей и вынудить упорнымъ молчаніемъ своимъ мать дъвушки на выгодное для него окончательное объясненіе.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ засталъ двадцатиградусный декабрьскій морозъ всъ дъйствующія лица моего разсказа.

БОЛЬШАЯ БАРЫНЯ.

Сочиненіе

В. Волларларскаго.

4.2

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1852.

БОЛЬШАЯ БАРЫНЯ.

ЧАСТЬ II.

ПЕЧАТАТЬ П ОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ, Москва, Марта 14-го дня 1852 г.

*Цензоръ, Дѣйствительный Статскій
Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.*

Въ одинъ изъ морозныхъ вечеровъ декабря того же года прохаживался по залу костюмовскаго дома своего Петръ Авдѣевичъ, не зная, за что приняться и чѣмъ разсѣять тоску, которая преслѣдовала его немилосердо, каждый разъ, когда Петръ Авдѣевичъ былъ одинъ. Не привыкнувъ ни къ какимъ умственнымъ занятіямъ, штаб-ротмистръ убивалъ дни свои, охотясь за зайцами, прогуливаясь пѣшкомъ, верхомъ и въ телгѣ; не говорю о времени, которое проводилъ онъ у будущей невесты; но вечера въ Костюковѣ были для него истиннымъ наказаніемъ. И что дѣлать ему? перечитывать отцовскую бібліотеку, то есть: краткое изложеніе пяти частей свѣта, путешествіе капитана Кука, краткую исторію древнихъ народовъ и проч., — Петръ Авдѣевичъ рѣ-

шиться не могъ; онъ находилъ, что учиться ему было поздно, и экзаменовъ, благодаря Бога, не предстояло болѣе; следовательно книги въ сторону; что же дѣлать? толковать съ Тимошкою? не о чемъ; съ Кондратіемъ Егоровымъ развѣ, подумалъ штаб-ротмистръ и свиснулъ: «Позови, братецъ, мнѣ прикащика», сказалъ Петръ Авдѣевичъ прибѣжавшему на свистъ растрепанному мальчишкѣ въ предлинномъ казакинѣ изъ домашняго чернаго сукна.

Мальчишка вышелъ, и штаб-ротмистръ прошелся еще раза два по залѣ, потомъ, снявъ со свѣчи, взявъ ее и перенесъ въ гостиную, въ которой и расположился въ ожиданіи прикащика. Минуть съ десять спустя, вошелъ и Кондратій Егоровъ, тотъ самый, съ которымъ я познакомилъ уже читателей моихъ въ началѣ разсказа.

— Ну что скажешь, Егорычъ? — спросилъ помѣщикъ, усаживаясь съ ногами на диванъ, — морозить порядочно и чуть ли не будетъ къ утру метели.

«А ужъ время такое, батюшка Петръ Авдѣичъ», отвѣчалъ прикащикъ, «минулъ Никола съ гвоздемъ, быть морозу.»

— Дорога установилась хорошая?

«Чего желать лучше? лучшей дороги не будетъ, Петръ Авдѣичъ.»

— У мужичковъ же все исправно?

«Все исправно, благодаря Бога, иныхъ отпустилъ, по приказанію вашему въ извозъ, другіе на молотѣбъ; всѣхъ отпустить не лзя.»

— Знаю.

«И лѣску подвезти надобно бы, на весну перебрать придется житникъ и загородку на скотномъ дворѣ...»

— А вѣдь скучно, Егорычъ, въ деревнѣ-то дѣлается!

«Нашему брату скучать некогда, батюшка; вашей же милости, конечно того-съ; безъ привычки же вамъ...»

— Не то, братецъ, что безъ привычки, — замѣтилъ штаб-ротмистръ, — сколько разъ случалось съ эскадрономъ цѣлую зиму простаивать напролетъ въ деревняхъ, да не одному же: офицеры были; тутъ же самъ посуди, тоска смертельная.

«Какъ не тоска, батюшка, Петръ Авдѣичъ; да вашей милости проѣхаться бы хоть на волчковъ.»

— Вздилъ, братецъ.

«Что же, не посчастливилось, видно?»

— Вздоръ выходитъ; волки и есть, да дьяволъ ихъ знаетъ, или пора не пришла, или напугалъ ихъ кто: высунутся, бестіи, изъ опушки, да только замѣтятъ насъ и вертъ назадъ, а пробовалъ выходить изъ саней и садиться подъ кустъ; нѣтъ, каналы, нейдутъ, какъ нейдутъ.

«А въдь, батюшка, и впрямь, что пора-то не настала на нихъ, Петръ Авдѣичъ; погода, самимъ вамъ известно, стояла теплая, ему и горюшка мало, пока землю не скрѣпило, кормится падалинкою; а вотъ какъ прихватить покрѣпче, ужъ звѣрь станетъ придерживаться селеній, къ людямъ поближе, мерзлой-то земли не дойметъ.»

— Когда же еще это?

«Что это, батюшка?»

— Да покрѣпче прихватить?

«Долго ли же, Петръ Авдѣичъ? подержить морозъ день другой и готово; да сего дня доложу вамъ, по нашему, замерзанія градусовъ будетъ около двадцати пяти; не было бы больше, противу вѣтра дышать нельзя, духъ захватываетъ, батюшка.»

— Ужъ непрохъаться ли мнѣ сегодня?— спросилъ, подумавъ, штаб-ротмистръ.

«Сего дня бы раненько, Петръ Авдѣичъ, сего дня наврядъ ли....»

— Что же дѣлать?

«А что же бы такое, батюшка? погадать развѣ?»

— Какъ погадать?

«Различныя есть гаданья,» замѣтилъ, ухмыляясь, прикащикъ, «и въ зеркало смотреть, ходять и на овинь, и на перекрестокъ иные выходятъ.»

— Расскажи, братецъ, я правда и слышалъ не разъ про гаданья, да самъ не испыталь.

«Какъ же, батюшка Петръ Авдѣичъ, чуть святки настануть, у насъ по деревнямъ обычай-такой, и господа и дворовые и мужики сей часъ и за гаданье.... Покойный батюшка вашъ, дай Господи царство небесное, молодъ былъ, всегда гадывать изволилъ.»

— Что жъ, выходило ему что нибудь?— спросилъ штаб-ротмистръ.

«Еще какъ вышло-то разъ, Петръ Авдѣичъ,» таинственно отвѣчалъ прикащикъ.

— Не ужто?

«Ей Богу-съ.»

— Расскажи-же, братецъ, расскажи.

«А вотъ извольте слушать,» продолжалъ Кондратій Егоровъ, подходя поближе къ дивану. «Доложу вамъ, что въ то время

покойный баринъ еще и не задумывали то есть жениться, и не видали то есть ни разу покойницы маменьки вашей. Вотъ, баринъ, покойный-то баринъ и изволятъ говорить мнѣ: Кондрашка! я то есть исправляя при баринѣ камардинскую должность; баринъ-то и говоритъ мнѣ: Кондрашка, не загадать ли мнѣ такъ изъ проказы? — Почему же, молъ, и не загадать, — докладываю; мы и вышли на околицу; ночь-то была, батюшка, свѣтлая о святкахъ, и видимъ: ѣдетъ кибитка прямехонько на насъ, баринъ-то покойный и толкъ меня, — видишь? говоритъ, — вижу, говорю; хорошо, а какъ поровнялась-то кибитка съ покойнымъ бариномъ, баринъ-то сталъ поперегъ дороги, да и говоритъ: позвольте, молъ, спросить имя и отчество? На что, молъ, тебѣ? говоритъ изъ кибитки тоненькимъ голоскомъ, знать барыня или барышня какая; — имя, молъ, хотимъ знать, отвѣчала баринъ? имя, повторила барыня, имя мое Авдотья..... что же бы вы думали, батюшка Петръ Авдѣичъ, и году не прошло, какъ покойникъ женился на маменькѣ вашей, а вѣдь маменьку-то звали Авдотьей Никифоровной, какъ разъ такъ....»

— Забавно, — замѣтилъ штаб-ротмистръ.

«Истину докладываю милости вашей, хоть сей часъ умереть!»

— Вѣрю, вѣрю, Егорычъ, а забавно, ей, ей, забавно, такъ, что хоть самому загадать.

«И загадать бы, Петръ Авдѣичъ.»

— Какъ же это? выйти прямо на околицу и больше ничего?

«И больше ничего, батюшка, одѣньтесь потеплѣе, да перекреститесь.»

— Взять съ собою ружье, или другое какое оружіе про запасъ?

«Помилуйте, на что ружье? мѣсто близкое,» возразилъ прикащикъ, «приказать сторожу пройтись впередъ, да досмотрѣть на счетъ звѣрья.»

— Не нужно, волковъ я не боюсь, Егорычъ, не съѣдятъ, небось; и впрямь ружья не нужно; а прикажи-ка, братъ, Уляшкѣ подать мнѣ валенки и тулупъ; отъ нечего дѣлать пройдуся по дорогѣ; что, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть, тоска смертная.

«Сейчасъ прикажите, батюшка?»

— А который часъ?

«Часъ одиннадцатый будетъ.»

— Покуда соберусь, да дойду до перекрестка, пройдетъ съ полчаса, самая пора, — сказала штаб-ротмистръ, вставая. — велика, братецъ Егорычъ, поторопитесь.

«Слушаю-съ, слушаю-съ», отвѣчалъ прикащикъ, и скорыми шагами вышелъ изъ гостиной, оставивъ Петра Авдѣевича въ полномъ удовольствіи отъ неожиданнаго развлеченія. — Вотъ бы лихо было, если бы да мнѣ, какъ батюшкѣ, да назвалъ бы ктонибудь мою суженую; я, правду сказать, и плохо вѣрю чертовщинѣ, а въ сомнѣніе придешь, когда случится надъ самимъ собою подобная оказія. Ну да прахъ возьми, все же лучше, чѣмъ оставаться въ этомъ пустырьѣ.

Пройдясь еще нѣсколько разъ вдоль и поперегъ темной залы, штаб-ротмистръ принялся облекать себя въ валенки, принесенныя Уляномъ, вязанную шерстяную фуфайку, ни чѣмъ непокрытый овчинный дубленый тулупъ и, подпоясавшись ремнемъ, Петръ Авдѣевичъ напялилъ на голову баранью шапку, на руки теплыя рукавицы и въ такомъ нарядѣ вышелъ изъ дому въ сопровожденіи Уляна, которому впрочемъ приказалъ возвратиться назадъ.

— Ого, какъ морозъ-то пожимаетъ, — проговорилъ штаб-ротмистръ, проходя скорыми шагами мимо надворныхъ строеній своихъ, въ окнахъ которыхъ мелькалъ еще тусклый огонекъ; но морозъ былъ дѣйствительно такъ чувствителенъ, что, взявши се-

бя за носъ, костюковскій помѣщикъ предавался глубокому размышленію.

Прекрасна морозная декабрьская ночь! любилъ я тебя, бывало, съ твоимъ яснымъ небомъ, съ твоими яркими звездами, съ твоими таинственнымъ безмолвіемъ; сколько чудныхъ воспоминаній пробуждаешь ты въ памяти моей, когда на пряткихъ обгуняхъ случается мнѣ въ глухую полночь нестись по роднымъ, давно покинутымъ, полямъ, прислушиваться къ знакомому сторожевому звону родныхъ селъ, всматриваться въ чащу дремлющихъ лѣсовъ, наводившихъ на меня нѣкогда страхъ неяснѣйшимъ! И что можетъ быть роскошнѣе тебя, декабрьская ночь? не твоею ли рукою сыплются на землю груды алмазовъ и не ты ли, какъ вѣжная мать, румянишь красавицъ, дочерей своихъ, яркимъ пурпуромъ, завертывая ихъ въ шелковистыя волны черныхъ лисицъ и пересыпая жемчугомъ?

Петръ Авдѣевичъ, миновавъ знакомый дубъ, остановился, подумалъ и направилъ путь свой по битой дорожкѣ, ведшей къ городской дорогѣ. На полъ стужа дѣлалась чувствительнѣе, и отъ поры до времени поднимавшаяся вьюга обсыпала его пушистымъ снѣгомъ; тогда, приостанавливаясь, онъ под-

ставлялъ вѣтру свою спину, обѣими руками закрывалъ уши и, переждавъ съ минуту, продолжалъ идти далѣе. Онъ зналъ, что въ полуверстѣ отъ околицы скрещались двѣ дороги; вѣроятность встрѣчи съ кѣмъ нибудь удваивалась, а потому и твердо рѣшился штаб-ротмистръ достигъ перекрестка. У опушки перелѣска дорога сдѣлалась глаже, вѣтеръ менѣе суровъ и полныйный путникъ нашъ прибавилъ шагу; вотъ знакомая ель, вотъ вправо пошла тропинка въ Архипеньково, а вотъ перекрестокъ, — слава Богу! Но что же это кажется? такъ точно! колокольчикъ; и два даже, точно два, сказалъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ, прикрывъ правое ухо свое общлагомъ тулупа, и слухъ штаб-ротмистра не обманывалъ его, потому что отдаленный звонъ двухъ почтовыхъ колокольчиковъ, заглушенный на время порывомъ вѣтра, послышался снова и довольно явственно.

— Вотъ тебѣ и гаданье въ руку, — подумалъ костюковскій помѣщикъ, переводя дыханіе, — но кому бы ѣхать въ эту сторону съ двумя колокольчиками? Исправникъ? не можетъ быть; а становому двухъ много; развѣ провзжій какой нибудь? странно, чортъ возьми!

Припоминая подробности гаданья покойнаго родителя и намѣреваясь послѣдовать въ точности его примѣру, Петръ Авдѣевичъ рѣшительно сталъ посреди самой дороги и вперилъ взоръ свой въ ту сторону, откуда долетали звонки. Вдали не замедлило показаться темное пятно, довольно обширное въ объемъ, за первымъ показалось второе нѣсколько меньшаго объема. Привычный глазъ штаб-ротмистра опредѣлилъ приблизительно число лошадей, впряженныхъ въ первый экипажъ; число это ограничилъ сначала Петръ Авдѣевичъ цифрою четыре, потомъ оказалось шесть, а наконецъ и семь; самый же экипажъ, казался ему, похожъ болѣе на карету, чѣмъ на кибитку, а дѣйствительно то былъ четверомѣстный возокъ, навьюченный кожаными ящиками, различной величины.

«Стой!» закричалъ громогласно форрейтору Петръ Авдѣевичъ, поднимая руку къ верху; кто ѣдетъ? Оробѣвшій форрейторъ повернулъ было лошадей своихъ съ дороги въ сторону, но осмотрѣвшись и замѣтивъ, что въ рукахъ штаб-ротмистра не было даже дубины, направилъ лошадей прямо на него. «Стой, говорить тебѣ!» повторилъ

повелительно штаб-ротмистръ, ухватившись въ тоже время за поводья подсьдельной.

— Вѣстимо проѣзжіе! — отвѣчалъ ямщикъ.

«Баринъ или барыня?»

— Ну барыня, что тебѣ?

«А барыня, такъ погоди не много!» сказалъ Петръ Авдѣевичъ, отпуская поводья и подходя къ замерзшимъ дверкамъ возка; въ это время, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ слуга, по видимому только что разбуженный голосомъ штаб-ротмистра, откинулъ мѣховой воротникъ шубы своей и принялся было разстегивать фартукъ, но Петръ Авдѣевичъ успѣлъ уже постучаться въ стекло и громко спросилъ: «Позвольте узнать имя ваше и отчество!»

На вопросъ штаб-ротмистра, стекло возка опустилось и раздался женскій голосокъ, но такъ не явственно, что Петръ Авдѣевичъ нашель нужнымъ повторить вопросъ.

Clément, Clément! — раздалось въ возкѣ, — que me veut cet homme?

«Имя ваше и отчество?» проговорилъ въ третій разъ штаб-ротмистръ, не обращая никакого вниманія на французскую, непонятную для него фразу.

— Имя мое Наталья, — робко отвѣчалъ тотъ же голосъ, — но зачѣмъ вамъ оно?

«Странно,» думалъ Петръ Авдѣевичъ, «а дѣлать нечего. Очень обязанъ,» сказалъ онъ наконецъ, «мнѣ только того и нужно было.»

— Но кто же вы?

«Я-съ? я-съ здѣшній, живу по близости, сударыня!»

— И знаете окрестности?

«Надѣюсь, что знаю, сударыня.»

— Въ такомъ случаѣ, — продолжала дама, — скажите мнѣ, пожалуй-ста, далеко ли до села Графскаго!

«До села Графскаго?» повторилъ штаб-ротмистръ.

— Да!

«До села Графскаго отсюда будетъ верстѣ этакъ съ сорокъ съ небольшимъ.»

— Можеть ли быть? — воскликнула дама.

«Будьте-съ увѣрены, сударыня, что не ошибаюсь, да не было бы больше, вотъ что-съ! по той причинѣ, что село Графское за Выселками отъ большой дороги считается верстахъ въ двадцати пяти; потомъ, сударыня, въ село Графское нужно было вамъ повернуть съ большака влѣво, а вы повернули вправо; видно ямщикъ-то вашъ

то есть олухъ, какъ же ему-то не знать села Графскаго?»

— Богъ мой! какъ досадно, — сказала дама, высовывая окутанную голову свою изъ дверокъ возка. — Clément, Clément, vous entendez? Nous nous sommes égarés; il y a de quoi devenir folle.... Où sont mes gens? — Ils sont à cent pas en arrière, madame la comtesse, отвѣчалъ почтительно тотъ, котораго называла барыня Clément и который уже успѣлъ сползти съ козелъ на землю и подойти къ дверкамъ возка.

— Que faire, mon Dieu? — проговорилъ съ отчаяніемъ тотъ же женскій голосъ, — мы никогда не дождемъ на этихъ несчастныхъ лошадяхъ, — прибавила дама по русски

«Куда дохватъ, сударыня? да онъ не надъшатся», замѣтилъ Петръ Авдѣевичъ, осматривая со вниманіемъ тощій почтовый семерикъ. «На этихъ клячахъ вамъ не дотащиться не только до Графскаго, объ этомъ и думать нечего, а онъ не довезутъ и до Выселковъ, ни за что не довезутъ.»

Замѣчаніе штаб-ротмистра привело проезжую даму въ совершенное отчаяніе; она передала замѣчаніе штаб-ротмистра Французу, который въ ужасѣ отвѣчалъ барынь,

что не ручается за собственную жизнь, ежели по близости не отыщется ночлега.

— Послушай голубчикъ, — сказала наконецъ дама, обращаясь къ штаб-ротмистру, — скажи пожалуйста, нѣтъ ли по близости какойнибудь усадьбы, или даже простой, но чистой избы.

«Усадьба? есть, сударыня! да по васъ ли будетъ?» отвѣчалъ улыбаясь Петръ Авдѣевичъ, которому голось дамы показался очень сладкозвучнымъ.

— Ахъ, я буду всѣмъ довольна и поблагодарю тебя, мой другъ; только сдѣлай одолженіе, расскажи ямщику, куда ѣхать.

«Не очень далеко, сударыня.»

— О! тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

«И версты не будетъ», продолжалъ штаб-ротмистръ, «было бы гдѣ присѣсть, я пожалуй проводилъ бы васъ самъ!»

— Ахъ, какое счастье! — весело воскликнула проезжая дама. Clément! cédez votre place à ce brave homme et placez vous ailleurs.

Французъ знаками указалъ Петру Авдѣевичу козлы, а самъ побѣжалъ ко второму экипажу, огромнаго размѣра кибиткѣ, въ которой и помѣстился съ прочею полузамерзшею прислугою.

Штаб-ротмистръ, внутренно посмѣива-

ясь надъ дамою, принимавшею его, помѣщика, за голубчика и приготавливая ей въ умъ своею сюрпризъ, подсылъ къ ямщику, ударилъ его дружески по плечу и, указавъ пальцемъ на бѣлѣвшееся впереди поле, приказалъ форрейтору подгонять лошадей.

Возокъ двинулся скрыли, за нимъ кибитка и неожиданные костюковскими жителями гости со звономъ и крикомъ ямщиковъ стали подъѣзжать къ узкимъ воротамъ, подпертымъ съ обѣихъ сторонъ высокими сугробами.

Когда же передовыя лошади возка, миновавъ кухню, направились къ дому, вся дворня переполошилась и выбѣжала изъ избы. Кондратій Егоровъ принялся расталкивать сына своего, спавшаго крѣпкимъ сномъ на отцовской койкѣ; Прокофьичъ, съ просонья же, надѣвая казакинъ, попадалъ руками въ карманы вмѣсто рукавовъ, и изъ всѣхъ служителей штаб-ротмистра, одинъ грязный мальчикъ въ долгополой одеждѣ встрѣтилъ пріѣзжихъ на крыльцѣ дома, держа въ одной рукѣ сальный огарокъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, а другою рукою прикрывая огонь со стороны вѣтра.

Ловко соскочилъ съ козелъ Петръ Авдѣвичъ, отворилъ дверку возка и подалъ ру-

ку свою барыню, не зная еще, кого имѣлъ честь принимать и никакъ не догадываясь, что пріѣзжая была никто другая, какъ владѣтельница богатаго помѣстья Графскаго, Графиня Наталья Александровна Блюрцкая.

Войдя въ такъ называемую залу костюковского дома, пріѣзжая дама сдѣлала маленькую гримаску; но тотчасъ же, улыбнувшись, замѣтила, что тутъ ей будетъ очень хорошо, и все таки называя Петра Авдѣвича голубчикомъ, спросила кому принадлежитъ домъ и кому обязана она гостепріимствомъ?

«Мнѣ-съ», отвѣчалъ смѣясь и самодовольно штаб-ротмистръ.

— Какъ вамъ? — воскликнула не безъ удивленія дама, осматривая съ любопытствомъ проводника своего.

«Точно такъ, что мнѣ», повторилъ Петръ Авдѣвичъ, наслаждаясь удивленіемъ прекрасной незнакомки, «я помѣщикъ и дома этого и усадьбы, отставной штаб-ротмистръ Петръ Авдѣевъ Муляба-Полемеловъ.»

— И я могла такъ ошибиться?

«Будьте-съ, сударыня, на этотъ счетъ совершенно покойны-съ; мы люди простые, доложу вамъ и безъ всякой то есть церемо-

ни; правду сказать, вышел на перекрестокъ по забавному дѣлу, но умолчу-сь и за честь почту знать, съ кѣмъ имѣю счастье-съ..

— Я соседка ваша, — отвѣчала, премолю улыбаясь дама.

«Можетъ ли быть-съ?»

— Имѣніе мое, — продолжала дама, — какъ вы сами сказали, верстахъ въ сорока отсюда.

«Какъ,» воскликнулъ штаб-ротмистръ, «вы, сударыня, графиня Наталья Александровна?»

— Именно.

«Ваше сіятельство! по такой чести могъ ли же я, то есть, ожидать?»

— Полноте, соседъ, безъ фразъ и титуловъ пожалуйте; мы начали знакомство наше въ вашемъ домѣ и потому остаесть покуда у меня въ долгу; а чтобы подать вамъ примѣръ добрыхъ и короткихъ отношений, располагаюсь у васъ, какъ у себя безъ церемоній и прошу чаю.

«Ваше сіятельство, какая милость.»

— Петръ Авдѣевичъ, я разсержусь.

«Но!»

Графиня сбросила съ себя капоръ, салопъ и, дружески протянувъ руку штаб-ротмистру, запретила ему разъ на всегда упо-

треблять въ разговорахъ съ нею «ваше сіятельство,» и просила позвать кого нибудь изъ прислуги ея.

Изаумленный и ошеломленный Петръ Авдѣевичъ не коснулся, разумѣется, руками своими до бѣленькой ручки прелестной графини; но, поцѣловавъ ручку эту на лету, бросился вонъ изъ залы.

Межье, чѣмъ черезъ полчаса, домикъ костюковскій преобразовался совершенно; досчатый полъ его покрылся толстыми персидскими коврами, окна и стѣны гостиной завѣсили шелковою зеленою тканью; по столамъ разостлались свѣжной бѣлизны скатерти, на нихъ заблестали серебро и хрусталь; мѣдные подсвѣчники Петра Авдѣевича замѣнились складными серебряными кандебрами, а вмѣсто сальнаго огарка, запылало въ комнатахъ множество восковыхъ свѣчъ. Самая атмосфера жилища штаб-ротмистра мгновенно измѣнилась и незнакомый ноздрямъ его аромат распространился по всему дому.

По троекратному приглашенію откушать съ графинино чай, Петръ Авдѣевичъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, рѣшился наконецъ облачиться въ спортукъ свой, примочилъ волосы водою и, застегнувшись на весь цуго-

вицы, явился въ гости въ собственную гостиную.

Передъ графинею кипѣлъ уже самоваръ и monsieur Clément съ почтительною торопливостію суетился у чайнаго прибора, ослѣпившаго роскошью своею непривычные глаза штаб-ротмистра. Костюковскій помѣщикъ робко поднялъ глаза сначала на приборъ, потомъ на Француза, весьма неучтивого потому, что Французъ этотъ не отвѣчалъ на поклонъ Петра Авдѣевича, а потомъ уже на саму графиню. Графиня была учтивѣе: она привѣтствовала штаб-ротмистра такою улыбкою, такимъ благосклоннымъ взглядомъ, предъ которымъ всѣ прелести Пелагеи Власѣвны потеряли свою цѣну.

Бѣдный Петръ Авдѣевичъ не подозрѣвалъ существованія женщинъ, подобныхъ Натальѣ Александровнѣ, не могъ представить себѣ, что на одной съ нимъ планетѣ водятся такія созданія, которыя однимъ взглядомъ любого богатыря и унижать ниже травы и возвысятъ выше колосса родоскаго, у которыхъ и не пунцовыя щечки и не полныя ручки, а какъ взглянешь на нихъ, такъ и перевернется все около сердца; о глазахъ же графини штаб-ротмистръ не въ состояніи еще былъ сдѣлать никакого за-

ключенія: глаза эти принимали всѣ цвѣта и всѣ выраженія, а когда останавливались на немъ, тогда его собственные опускались къ землѣ.

На графинѣ была надѣта широкая, черная бархатная мантилья, опущенная съренькимъ мѣхомъ, незнакомымъ штаб-ротмистру. Волосы ея, блестящія и черныя, спускались двумя роскошными косами по обѣимъ сторонамъ ея миниатюрнаго личика, прикрывая собою пару бѣлыхъ, какъ каррарскій мраморъ, дѣтскихъ ушей; изъ подъ чернаго же платья выглядывала дѣтская ножка, обутая въ стеганую атласную ботинку.

Съ робостію вступивъ въ гостиную и поклонясь Французу, котораго штаб-ротмистръ принялъ за родственника провѣзжей, онъ остановился у дверей, не смѣя ступить далѣе.

«Вы видите, любезный сосѣдь, что я распорядилась въ домъ вашемъ, какъ старая знакомая, и вполне воспользовалась гостепріимствомъ», сказала графиня, обращаясь къ штаб-ротмистру, «прошу теперь васъ сѣсть возлѣ меня и пить со мною чай; я устала ужасно.»

— Не угодно ли будетъ вашему сіятельству отдохнуть? — спросилъ Петръ Авдѣевичъ, медленно подходя къ графинѣ.

«О нѣтъ, нѣтъ еще; но позже, гораздо позже; напротивъ, мы должны поговорить съ вами о многомъ.»

— Со мною, ваше сіятельство? — спросилъ удивленный штаб-ротмистръ.

«Съ вами, сосѣдь.»

— Что же прикажете-съ, ваше сіятельство?»

«Во первыхъ, съѣсть возьми меня, вотъ такъ; во вторыхъ, не называть меня никогда сіятельствомъ, въ третьихъ, пить со мною чай, потому что мы оба озябли, а въ четвертыхъ, познакомить меня покороче со всѣмъ вашимъ краемъ, и въ особенности съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ я намѣрена поселиться, то есть, съ моею усадьбою.»

— Неужели, ваше сіятельство, ошастливите уздѣ нашъ своимъ присутствіемъ?

«И надѣюсь прожить у васъ довольно долго. А курите вы, сосѣдь? *Clément, mes cigarettes*!»

Французъ, вынувъ изъ кармана порт-сигарь и, положивъ его на серебряную тарелку, поднесъ было графинѣ, но она знакомъ указала на штаб-ротмистра, и *monsieur Clément* обратился къ нему.

Петръ Авдѣвичъ вскочилъ на ноги и принялся раскланиваться, но графиня оста-

новила его, объяснивъ, что *monsieur Clément* не кто другой, какъ камердинеръ покойнаго ея мужа и преданный ей слуга. Петръ Авдѣвичъ покраснѣлъ отъ излишней учтивости своей къ Французу и, взявъ одну папироску, сталъ мять ее въ рукахъ, присвѣ на кончикъ стула.

Когда же графиня начала курить, Петръ Авдѣвичъ зажегъ папироску свою пустымъ концомъ, а табачный положилъ въ ротъ. Графиня, замѣтивъ гримасы, которыя выдѣлывалъ Петръ Авдѣвичъ, сама зажгла другую папироску и предложила ее штаб-ротмистру.

По прошествіи часа времени, любезность и простота въ обращеніи знатной барыни успокоили совершенно внутреннее волненіе костюковскаго помѣщика и сдѣлали его разговорчивѣе. Куря папиросы и глотая чай, онъ сталъ громко смѣяться, перемѣшивать рѣчь разными шутками и называть графиню уже не «ваше сіятельство,» а Натальей Александровною и почтенной сосѣдскою.

— Признаюсь вамъ-съ, — сказалъ онъ наконецъ, — сначала мнѣ такъ страшно было-съ показаться предъ вами; я даже долженъ доложить вамъ, просто трясся всѣмъ

тѣломъ; думаю себѣ-съ: ну, какъ мнѣ пред-
стать предъ лицомъ такой высокой особы?
А теперь, вѣрите ли, Наталья Александров-
на, точно-съ будто видѣлъ васъ всякій день,
точно-съ вы давнишняя знакомая, просто
чувствую некоторую симпатію, право-съ,
смѣю увѣрить васъ откровенно....

«Очень, очень рада», отвѣчала смѣясь гра-
финя, «такъ и быть должно.»

— Вы, можетъ быть, смѣтаете надо мною,
ваше сіятельство? — замѣтилъ штаб-рот-
мистръ, вздохнувъ.

«Вы этого не думайте, сосѣдь.»

— Незнаю, что и думать, Наталья Алек-
сандровна; по правдѣ сказать, и думать не
смѣю.

«Полноте, полноте, Петръ Авдѣевичъ, недо-
вѣрчивость къ друзьямъ предурная вещь.»

— Развѣ вы можете, графиня, быть мо-
имъ другомъ?

«Надѣюсь, что могу.»

— Нѣтъ ужъ это сдѣлайте милость, это-
го вы не извольте и говорить; я и невоспи-
таннѣйшій человѣкъ, неученый, не чета вамъ,
а все-таки понимаю, какая разница между
нами; вы богаты, вы знатны, а я малень-
кій человѣчекъ, и въ друзья мнѣ къ вамъ
лѣзть не подѣтъ.

«Слѣдовательно вы отказываетесь отъ мо-
ей дружбы?»

— Нечего отказываться, Наталья Алек-
сандровна, рѣчь не о дружбѣ, а чувствую,
что ужъ и самъ не знаю, почему, а прика-
жите въ огонь, прикажите въ воду—пойду
въ огонь и въ воду, ваше сіятельство, и
пойду, то есть за счастье сочту, а отъ чего
это? незнаю-съ.

Последнюю фразу штаб-ротмистръ ска-
залъ съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ
лицѣ и голосѣ, что графиня, пристально
взглянувъ на Петра Авдѣевича, почла за
лучшее переменить разговоръ, и спросила
преподробно о сосѣдяхъ, о ихъ бытѣ, удо-
вольствіяхъ и занятіяхъ, короче обо всемъ,
кромѣ дружбы.

Не могу утвердительно сказать, такъ ли
внимательно былъ слухъ графини къ отвѣ-
тамъ Петра Авдѣевича, какъ глаза ея, ко-
торые не сводились съ собесѣдника; какъ
бы то ни было, но до двухъ часовъ по по-
луночи просидѣлъ костюковскій помѣщикъ
съ графиней; онъ просидѣлъ бы до утра,
если бы графиня не увѣрила его, что она
не позволить себѣ употреблять долѣе во зло
любезность хозяина и, не смотря на удо-

вольствіе бесѣдовать съ нимъ, рѣшительно приказываетъ ему идти отдохнуть.

Петръ Авдѣвичъ пожалъ плечами, шаркнулъ и на ципочкахъ вышелъ вонъ изъ гостиной, унося съ собою довольно новое для него чувство. Чувство это хотя и походило на то, которое увезъ онъ изъ уѣзднаго города послѣ первой встрѣчи съ Пелагеею Власьевою, но въ эту минуту было оно какъ-то глубже и еще неопредѣленнѣе.

Проходя мимо залы, штаб-ротмистръ замѣтилъ въ ней сидѣвшаго Француза, который, при появленіи помѣщика, приподнялся было лѣниво на ноги, но Петръ Авдѣвичъ махнулъ рукою и прибавилъ шагу.

«Счастливецъ бестія, мусьё этотъ», сказалъ самъ себѣ штаб-ротмистръ, и глубокой вздохъ вырвался изъ груди его; только на крыльцѣ замѣтилъ онъ, что вышелъ изъ дому, но вспомнить никакъ не могъ зачѣмъ? Проглотивъ съ жадностію холодный воздухъ, штаб-ротмистръ съ полчася поглазѣлъ на стоявшіе у крыльца экипажи графини и, прозябнувъ до костей, побѣжалъ въ свою спальню; у порога остановилъ его Улянь.

— Что ты?—спросилъ Петръ Авдѣвичъ.

«Пожалуйте во флигель, баринъ, а въ

спальнѣ вашей легла барыня», прошепталъ слуга.

Вѣсть эта привела костюковского помѣщика въ такой восторгъ, что онъ уже не улыбнулся, а разсмѣялся съ дѣтскою радостію и, зажавъ рукою ротъ Уляню въ знакъ молчанія, повелъ его за собою, осторожно переступая ногами. Забывъ шинель и фуражку, прошелъ Петръ Авдѣвичъ дворъ, освѣдомился у Кондратья Егорова, накормили ли людей, ямщиковъ, даже почтовыхъ лошадей и получилъ въ отвѣтъ, что Французъ и горничная графини отказались отъ предложеннаго имъ ужина, а покушалъ только поваръ, да еще какой-то челоуѣкъ русской и то съ барскаго стола; костюковский помѣщикъ отдалъ всѣ нужныя приказанія и, раздѣвшись, легъ въ постель, приготовленную Уляномъ въ такъ называемой семейной. По прошествіи часа, залаяла на дворѣ цѣпная собака, и штаб-ротмистръ, разбудивъ камердинера своего, приказалъ отвести ее на псарню. Нѣсколько минутъ спустился запылъ пѣтухъ; штаб-ротмистръ самъ отыскалъ пѣтуха на соседнемъ чердакѣ и обошелся съ нимъ такъ не деликатно, что пѣтухъ не пѣлъ больше никогда. На развѣтъ послышался на дворѣ какой-то скрипъ:

ямщики, привезшіе графиню, качали изъ колодца воду для лошадей своихъ; штаб-ротмистръ отогналъ ямщиковъ отъ колодца и указалъ имъ прудъ; короче, прогости графиня Наталья Александровна въ Костюковъ еще недѣли съ двѣ, гостепріимный хозяинъ умеръ бы отъ бессонницы.

По мнѣнію Петра Авдѣевича, гостя его не могла пуститься въ дорогу, не закусивъ чего нибудь; такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалось всюду; въ слѣдствіе чего и разосланы были мужички костюковскіе по окрестнымъ помѣщикамъ скупить наличную дичь, рыбу ежели таковая найдется, вино всѣхъ цвѣтовъ, и варенья.

Все это явилось въ Костюково часамъ къ восьми, и Прокофьичъ, разложивъ предъ собою знакомую намъ поварскую тетрадку, переважно приступилъ къ созиданію *саламе* изъ дичи и *кокиловъ а ла финансьеръ*.

«Ну ежели да не поспѣешь», говорилъ со страхомъ Петръ Авдѣевичъ, помогая Прокофьичу разбирать іероглифы кухоннаго наставника, «въдь просто пользай въ петлю отъ стыда, братецъ.»

И на это отвѣчалъ ему Прокофьичъ: Будьте-съ благонадежны, батюшка, намъ не впервые готовить; — а между тѣмъ выти-

раль Прокофьичъ рукою своею катившія съ чела его потъ и тою же рукою собиралъ изъ подъ ножа прыгавшіе кусочки мяса и пододвигалъ ихъ снова подъ ножъ.

Въ полдень саламе и кокилы а ла финансьеръ достигли полной своей зрѣлости, и графиня проснулась. Штаб-ротмистръ приказалъ подать ей къ чаю только что испеченные супругою Егорыча бабу и крендельки; графиня съ своей стороны послала пригласить Петра Авдѣевича откушать съ нею кофе; разумется, штаб-ротмистръ не заставилъ ждать себя, и въ той же гостиной и въ томъ же креслѣ, даже точно въ такомъ же нарядѣ, какъ наканунѣ, засталъ онъ гостью свою, хотя и блѣдную, но встрѣтившую его съ восхитительною улыбкою.

— Какъ изволили ночь провести, ваше сіятельство? — спросилъ ее штаб-ротмистръ.

«Прекрасно,» отвѣчала графиня, указывая ему на стулъ и не сдѣлавъ на этотъ разъ никакого замѣчанія на счетъ вашего сіятельства.

— И ничто не обезпokoило васъ? — продолжалъ Петръ Авдѣевичъ.

«Благодарю васъ, мнѣ было очень покойно.»

— А я боялся, чтобы собаки как-нибудь, или домашняя птица....

«Сонъ мой такъ крепко, Петръ Авдеевичъ, что я никогда ничего не слышу.»

— Тьмъ лучше, ваше сіятельство.

Въ это время подалъ Французъ кофе графинь и Петру Авдеевичу; потомъ взялся за большой серебряный подносъ, на которомъ лежало множество разнаго рода печеній, очень напоминавшихъ знаменитаго Рязанова, и рядомъ съ ними огромная желтая мучная масса.

— Qu'est ce que cela? — спросила графиня, смотря на эти незнакомыя ей вещи.

Не понявъ, но догадавшись, что вопросъ касался костюковскаго произведенія, штаб-ротмистръ поспышилъ предупредить гостью свою, что поразившій ее огромностію своего предметъ была баба.

«Какъ вы говорите?»

— Баба, ваше сіятельство.

«Что же это значить?» спросила наивно графиня.

— Бабою называютъ у насъ, ваше сіятельство, вотъ это; печется она изъ пшеничной муки съ разными спеціями, превкусная вещь, прикажите отгъзать?

«Пожалуйста.»

Штаб-ротмистръ, засучивъ рукава общлаговъ своихъ, взялъ бабу одною рукою, а другою ножъ и отхватилъ отъ нея кусокъ въсомъ съ полфунта, который и подалъ своей гостье.

«Но отъ чего же она такая желтая?» спросила графиня.

— Отъ того, ваше сіятельство, что у насъ для цвѣта подмъшиваютъ нѣкоторое количество шафрана.

При этомъ объясненіи личико Натальи Александровны едва замѣтно поморщилось; двумя пальцами отломилла она кусочекъ отъ поднесеннаго ей Петромъ Авдеевичемъ полфунтоваго куска оранжевой бабы и поднесла пальцы къ губамъ.

«Это очень вкусно», замѣтила графиня, «и право очень жаль, что я ничего не могу всть утромъ», поспышила прибавить она, закуривая папироску.

— Неужели вы не завтракаете? — спросилъ испуганный штаб-ротмистръ.

«Никогда.»

— Даже въ деревнѣ?

«Нигдѣ, Петръ Авдеевичъ.»

— А я, ваше сіятельство, льстилъ себя надеждою предложить вамъ кое-что по возможности.

«Право не могу, извините меня.»

— Хоть бездѣлицу.

«Не въ силахъ, Петръ Авдѣвичъ, а ежели вы уже хотите быть любезны до конца, то....»

— Прикажите, ваше сіятельство!

«Мнѣ бы хотѣлось», продолжала графиня, «довхать засвѣтло до дому, и потому....»

— Неужели сегодня? — воскликнулъ съ отчаяніемъ Петръ Авдѣвичъ.

«Не сегодня, а сейчасъ, сію минуту», сказала графиня тономъ, который перемѣною своею поразилъ бѣднаго костоковскаго помѣщика, такъ отозвался этотъ тонъ чѣмъ-то не похожимъ на прежній.

Петръ Авдѣвичъ, молча, всталъ и направилъ шаги свои къ дверямъ, но въ свою очередь не ускользнуло и отъ графини впечатлѣніе, произведенное перемѣною тона ея на штаб-ротмистра; а потому, не допустивъ его до дверей, она назвала его.

Петръ Авдѣвичъ остановился.

«Вы на меня не сердитесь, сосѣдь?» спросила графиня со вчерашнею улыбкою на устахъ.

— Я-съ, ваше сіятельство?

«Да, вы, Петръ Авдѣвичъ.»

— Смѣю ли я, помилуйте-съ.

«Нѣтъ, скажите откровенно, вы разсердились?»

— Да за что же, ваше сіятельство?

«За то, что я спѣшу уехать.»

— Мнѣ грустно, ваше сіятельство, но это вздоръ, я понимаю, я то есть самъ понимаю....

«Послушайте, сосѣдь,» продолжала графиня такимъ сладкимъ голосомъ, отъ котораго въ груди штаб-ротмистра перевернулось что-то, «я право устала и спѣшу; меня дома не ждутъ и, прѣхавъ поздно, я рискую провести ночь въ холодной комнатѣ. Потомъ, милый сосѣдь, не должны ли мы поступать другъ съ другомъ, какъ короткіе знакомые, какъ сосѣди, и потому, ежели бы вы захотѣли видѣть меня, не ужели сорокъ верстѣ остановить васъ?....»

— Меня, ваше сіятельство?

«Ну да, васъ!»

— Сорокъ верстѣ! — повторилъ съ увлеченіемъ Петръ Авдѣвичъ, — да я, ваше сіятельство, пройду эти сорокъ верстѣ безъ фуражки на колыняхъ.... сорокъ верстѣ!....

«Зачѣмъ же на колыняхъ, сосѣдь?» перебила смѣясь графиня, «а вы просто дня чрезъ два садитесь въ сани и прѣзжайте ко мнѣ погостить подолье; вы прѣдете, не правда ли?....»

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство, вы опять шутите; вы смѣетесь надо мною, ей Богу смѣетесь.

«Я не только не смѣюсь и не шучу, Петръ Авдѣвичъ, а беру съ васъ честное слово быть у меня послѣ завтра,» сказала графиня, протягивая штаб-ротмистру свою руку.

— Если же такъ, — воскликнулъ, не помня себя, Петръ Авдѣвичъ, — то была не была, ваше сіятельство, вотъ вамъ рука моя, что буду.... и хлопнувъ красною рукою своею по бѣленькой ручкѣ графини, штаб-ротмистръ выбѣжалъ изъ дому на дворъ и приказалъ запрягать лошадей.

Черезъ часъ, проводивъ знатную барыню до околицы, Петръ Авдѣвичъ возвратился къ дому; на крыльцѣ собралъ онъ руками довольно большое количество снѣга, обложивъ имъ себѣ голову и, войдя въ свою комнату, легъ на диванъ.

Онъ пролежалъ долго съ закрытыми глазами, онъ пролежалъ бы до завтра въ такомъ положеніи, но вскорѣ послышалось ему, что кто-то потихоньку отворяетъ дверь.

— Что тебѣ, Прокофичъ? — спросилъ штаб-ротмистръ, узнавъ своего повара....

«Кушанье-то осталось, батюшка, такъ не

изволите ли сами откушать?» спросилъ поваръ.

— Убирайся съ кушаньемъ, — было отвѣтомъ Прокофичу, и таже дверь потихоньку притворилась.

Пролежавъ еще нѣсколько времени, Петръ Авдѣвичъ услышалъ отдаленный звонъ колокольчика; сначала штаб-ротмистръ открылъ глаза, потомъ вдругъ вскочилъ съ дивана и стремглавъ выбѣжалъ на крыльцо.... Что думалъ въ ту минуту Петръ Авдѣвичъ, — не знаю, но члены его тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

На дворъ влетѣла ухорская соврасая тройка; изъ саней выползъ укутанный въ ентовую шубу городничій, а лицо штаб-ротмистра покрылось лиловымъ отливомъ....

— Здорово, братъ, здорово, сударь, — кричалъ Тихонъ Парфеничъ, обнимая крыпко и цѣлуя нѣжно Петра Авдѣвича; ну морозецъ, истинно святочный морозецъ; вѣришь ли, — того и смотрю, что носъ отвалится; теръ всю дорогу. А я отъ сестры Лизаветы; здоровъ ли же ты, мой почтеннѣйшій? что же мы стоимъ на крыльцѣ?

«Голова болитъ», отвѣчалъ штаб-ротмистръ, слѣдуя за городничимъ.

— Приложи компрессъ изъ пѣннаго,

пройдетъ мигомъ, — замѣтилъ гость, входя въ переднюю; потомъ, снявъ съ себя шубу, сталъ принохиваться.... — Что это, братъ, ужъ не пролили у тебя чего пахучаго? такой аромать, — сказалъ Тихонъ Парфеньичъ, продолжая шевелить ноздрями.

«Хорошо развѣ?»

— Очень хорошо; чѣмъ же это накурено?

«И самъ не знаю», отвѣчалъ съ улыбокѣ штаб-ротмистръ.

— Какъ не знаешь?

«Ей Богу не знаю!»

— Стало накурить не ты?

«Не я.»

— Кто же бы такой?

«Не отгадаете, бьюсь объ закладъ.»

— Подлинно не отгадаю; есть развѣ кто?

«Никого нѣтъ.»

— Морочншъ?

«Ей Богу нѣтъ никого.»

— Такъ былъ, — замѣтилъ проникательный городничій.

«Вотъ это дѣло другое», отвѣчалъ штаб-ротмистръ.

— Кто же бы такой?

«Не скажу.»

— Ну полно, говори.

«Ей, ей не скажу.»

— Секретъ развѣ?

«Нѣтъ шучу, Тихонъ Парфеньичъ, остановилась у меня проѣзжая барыня, погрѣться просила, съ дороги сбилась, я и пустила.»

— Прѣзжая барыня? повторилъ городничій, — ужъ не та ли, что въ возкѣ насилу тащатъ семь лошадей?

«А вы почему знаете?»

— Ее встрѣтилъ я на большой дорогѣ: едва, едва двигается; экипажъ такой грузный.

«Она, она.»

— И кибитка позади?

«Она, она,» повторилъ штаб-ротмистръ.

— Батюшки мои! — воскликнулъ вдругъ городничій, какъ бы опомнясь, — избави Боже, ужъ не графиня ли это?

«А что?»

— Да говори, она ли это?

«Она.»

— Такъ пропаль, пропаль же я, окаянный, пропаль съ головою, съ ослиными ушами, вотъ какъ пропаль, сударь, — кричалъ, взявшись за голову городничій.

«Отъ чего же это? растолкуйте пожалуйста.»

— Отъ того, сударь, что на прошлой недѣль получилъ изъ губернскаго города

предписаніе починить мостъ на Коморцѣ; мостъ-то, сударь, просто кашкань, кто бы ни поѣхалъ по немъ, чубурахъ въ рѣку; я-то и позабудь, прахъ меня возьми, и узелокъ завязалъ на память, да узелокъ-то вижу, а зачѣмъ завязалъ — изъ головы вонь.

«Мостъ этотъ объѣхать можно, Тихонъ Парфеньичъ,» замѣтилъ штаб-ротмистръ.

— Знаю, что можно, да придеть ли имъ-то, ямщикамъ, въ голову свернуть за версту на луга?

«Хотите, я пошлю въ погоню?

— Кого?

«Тимошку.»

— Батюшка, ради самого Создателя! — завопилъ городничій.

«Ей Богу, пошлю.»

— Голубчикъ пошли, да сей часъ пошли! — кричалъ городничій.

Забывъ головную боль свою, Петръ Авдѣевичъ, какъ сумасшедшій, бросился со всѣхъ ногъ вонъ изъ комнаты, и прежде чѣмъ встревоженный Тихонъ Парфеньичъ успѣлъ опомниться, Тимошка скакалъ уже, сломя голову, на одной изъ пристяжныхъ штаб-ротмистра по городской дорогѣ.

Петръ Авдѣевичъ возвратился, запыхавшись, но съ радостнымъ лицомъ.

«Ну видно, братъ, тебѣ ужъ суждено всѣхъ насъ выручать изъ бѣды,» сказалъ городничій, выходя къ нему навстрѣчу; «намедни спасъ сестру и племянницу, сего дня меня.»

— Не тебя, а ее, графиню, можетъ быть, — подумалъ штаб-ротмистръ, подставляя щеки свои губамъ Тихона Парфеньича, и оба они перешли въ гостиную.

— Обѣдали ли вы? — спросилъ гостя хозяинъ, усаживаясь съ нимъ на диванъ.

«И аппетитъ пропалъ,» отвѣчалъ городничій.

— Полноте, Тихонъ Парфеньичъ, и не догони Тимошка, я ручаюсь вамъ головою, что графиня не взыщеть съ васъ.

«Знаешь ты большихъ барынь!» замѣтилъ городничій съ нѣкоторою ироніею.

— Не знаю другихъ, а эту знаю, — повѣрьте.

«Не бось отъ того, что отогрѣлась у тебя?»

— Нѣтъ, Тихонъ Парфеньичъ, не отогрѣлась, а переночевала, и обошлась со мною такъ милостиво, такъ ласково, что я пересказать то есть не могу.

«Шутишь?»

— Ей Богу правду говорю, Тихонъ Парфеньичъ, и долго ли, кажется, довелось мнѣ

пробыть съ него: вчера пилъ чай, сего дня кофе, а такъ ее знаю теперь, какъ свои пять пальцевъ.

«Что же, сама она тебя позвала?»

— Разумѣется, не самъ влѣзъ въ комнату.

«И разговаривала?» спросилъ городничій.

— Словно съ своимъ братомъ, Тихонъ Парфеньичъ, — отвѣчалъ съ жаромъ штаб-ротмистръ, — ну просто будто бы вѣкъ были знакомы; и что за простота, и что за добродушіе — прелесть, съ ума сойти надобно.

«Ты ужъ и то, мнѣ кажется, сударь, того,» замѣтилъ, смѣясь, Тихонъ Парфеньичъ.

— Что же вы думаете?

«Нѣтъ ничего, я говорю такъ, ради шутки.»

— Скажите, что вы думаете?

«Ей-же-ей ничего!»

— Вы хотѣли сказать, что я съ ума спятилъ?

«Какой вздоръ, что ты, братъ Петръ Авдѣвичъ?»

— Да нѣтъ, скажите просто.

«Ну вотъ тебѣ Христовъ, ничего не хотѣлъ сказать такого...»

— И не думайте, Тихонъ Парфеньичъ,

потому что я, ей Богу, и въ мысляхъ своихъ не позволю себѣ, я то есть помню пословицу: «знай сверчокъ свой шестокъ,» а не могу не сказать, что очень добрая дама графиня Наталья Александровна, и между нашими дамами врядъ ли сыщется такая добрая.

«Что же, приглашала она тебя?» спросилъ городничій.

— Приглашать приглашала, изъ учтивости разумѣется.

«А поѣдешь ты къ ней?»

— Не думаю, не полагаю ѣхать, за чѣмъ? не для чего.

«А не поѣдешь къ графинѣ, поѣдемъ къ сестрѣ Лизаветъ.»

— Когда это? — спросилъ штаб-ротмистръ поспѣшно.

«Да пожалуй хоть завтра, хоть послѣ завтра.»

— Не могу, Тихонъ Парфеньичъ.

«Это почему?»

— Вотъ видите ли, — продолжалъ Петръ Авдѣичъ, краснѣя и заикаясь, — мнѣ какъ бы вамъ сказать, очень совѣстно такъ часто бывать у сестрицы вашей.

«Право? это новость!»

— Вы выслушайте меня; я то есть всегда съ особеннымъ удовольствіемъ моимъ го-

товъ былъ, и въ эту минуту, но право завтра и послѣ завтра....

«Странно, Петръ Авдѣвичъ, а сестра моя, кажется, не подала вамъ поводу думать, что посещенія ваши слишкомъ часты, и принимала васъ она не какъ чужаго, а близкаго, черезчуръ близкаго человека.»

— Но вы меня не выслушали, Тихонъ Парфеньичъ.

«И слушать не хочу, садитесь со мною въ сани и ъдемъ.»

— Чтобъ завтра быть назадъ, готовъ, — замѣтилъ штаб-ротмистръ.

«Сегодня поздно, а завтра.»

— Нельзя, Тихонъ Парфеньичъ.

«Такъ какъ хотите, сударь, мое дѣло сторона.»

— Ёдемъ-те сего дня, — воскликнулъ штаб-ротмистръ.

«Поздно, говорю, мои кони устали, а на вашей пристяжной уѣхалъ Тимошка, да и свѣщить не къ чему», прибавилъ городничій, и лицо его нахмурилось.

Къ счастью Петра Авдѣвича, разговоръ собесѣдниковъ прерванъ былъ торжественнымъ докладомъ Егорыча: «кушать поставили,» и гость съ хозяиномъ перешли въ столовую или такъ называемый залъ.

Перловый супъ проглотилъ Тихонъ Парфеньичъ молча; когда же подали на кострюльной мѣдной крышкѣ саламе, городничій искоса посмотрѣлъ на Петра Авдѣвича, но тѣмъ не менѣе не пренебрегъ изящнымъ произведеніемъ Прокофьича; за саламѣ Ульянъ подалъ кокилы а ла финансьеръ; Тихонъ Парфеньичъ не выдержалъ и спросилъ штаб-ротмистра, давно ли онъ сталъ такъ роскошничать?

— Признаюсь вамъ, почтеннѣйшій Тихонъ Парфеньичъ, я съ дуру-то думалъ, что графиня останется у меня завтракать, — отвѣчалъ Петръ Авдѣвичъ смиренно.

«То то и есть, братецъ, что знаешь ты хорошо этихъ гордячекъ», подхватилъ городничій, «цѣнять они небось гостепрѣимство нашего брата простака; хотя себя искроши, да зажарь, и спасибо не скажутъ.»

— Отъ чего же ей быть такою ласковою, Тихонъ Парфеньичъ?

«А въ чемъ ты замѣтилъ, сударь, необыкновенную ласковость графини, не въ томъ ли, что осчастливила домъ твой своимъ присутствіемъ? ужъ не думаешь ли ты, братъ, что ея сѣятельство рыскала цѣлую ночь по лѣсамъ, чтобы отыскать именно тебя, какъ же, сударь! Не попадись ей подъ ноги Ко-

стюково, рада-радешенька была бы остановиться на постояломъ, не то въ избѣ.»

— Къ чему говорите вы мнѣ это все, Тихонъ Парфеньичъ?

«Для того, сударь, чтобы вы не забирали себя въ голову всякой черемятицы, да не попали въ шуты какойнибудь графини, которая и не думаетъ объ васъ.»

— Тихонъ Парфеньичъ, вы не знаете Натальи Александровны.

«А знаю тебя, вотъ, братъ, что!

— И меня не знаете, — замѣтилъ, понизивъ голосъ штаб-ротмистръ, котораго слова городничаго кололи, какъ острые ножи; и сознавался внутренно Петръ Авдѣевичъ, что Тихонъ Парфеньичъ говорить правду, но вдругъ переломить себя никакъ не могъ.

Прѣнія о графинѣ продолжались до конца обѣда и кончились онъ тѣмъ, что городничій, очень недовольный будущимъ родеицею своимъ, распрощался съ нимъ довольно холодно и уѣхалъ въ городъ ранѣе сумерекъ.

Равно черезъ двое сутокъ по отъѣздѣ графини изъ Костюкова, Петръ Авдѣевичъ уже мчался въ саняхъ по дорогѣ, ведшей мимо села Сорочкѣ въ село Графское.

Помѣстье графини Натальи Александровны Блорьцкой принадлежало къ числу

тѣхъ, которыми нѣкогда награждали русскіе цари заслуженныхъ вельможь своихъ. Въ помѣстьяхъ этихъ итальянскіе зодчій осуществляли гигантскіе планы возрожденія; Каррара снабжала ихъ своими мраморными массами, Уралъ золотомъ, а Венеція зеркалами.

Пока чертогъ поднимался горделиво, какъ бы послушный волшебному жезлу художника, изъ окрестныхъ лѣсовъ сбѣгались толпою въковые дубы, столѣтнія сосны, вѣтвистыя ивы и клены; группируясь вокругъ чертога, они образовывали собою безконечныя звѣринцы и парки, а ихъ опоясывали каменными стѣнами, перерѣзывали глубокими рвами и засыпали тысячами клумбъ изъ ароматическихъ цвѣтовъ. Къ подобному диву вкуса, величія и роскоши принадлежало настоящее жилище прекрасной графини Натальи Александровны; но въ декабрь трескуцій крещенскій морозъ набросилъ на парки, цвѣтники и звѣринцы села Графскаго свои серебристыя покровы.

Когда передъ глазами штаб-ротмистра стали показываться одно за другимъ зданія графининой усадьбы, онъ невольно вспомнилъ слова Тихона Парфеньича.

— Куда принесла меня нелегкая? —

подумалъ Петръ Авдѣвичъ, — за какииъ прахомъ? ужь не вернуться ли полно? нѣтъ поздно, вотъ и домъ, какой домъ? не домъ, а дворецъ! и конца ему нѣтъ; ей Богу вернусь.

«Петръ Авдѣвичъ!» крикнулъ въ это время кто-то, но такимъ голосомъ, отъ котораго у Петра Авдѣвича занялось дыханіе.

«Петръ Авдѣвичъ!» повторилъ тотъ же голосъ, но нѣсколько далѣе.

— Графиня! — воскликнулъ штаб-ротмистръ, оглядываясь и сбрасывая съ себя шинель. — Какъ! въ санкахъ одиночкой и однѣ съ кучеромъ?

«А васъ это удивляетъ, сосѣдь?»

— Глазамъ не вѣрю, ваше сіятельство.

«Не вѣрите, такъ надѣньте шинель и прошу пересѣсть ко мнѣ въ сани; вы умѣете править?»

— Лучше всякаго кучера, ваше сіятельство.

«Очень рада, пожалуйста поскорѣе.»

Съ проворствомъ юноши перескочилъ штаб-ротмистръ изъ своихъ пошевней въ санки графини, принявъ возжи изъ рукъ кучера, котораго графиня отослала домой, и приготовился везти ее хотя на край свѣта.

«Повѣдемъ въ лѣсъ; вы не боитесь?» ска-

зала Наталья Александровна, обращаясь къ Петру Авдѣвичу.

— Жаль мнѣ, ваше сіятельство, что въ лѣсахъ-то нашихъ бояться нечего, а то я доказалъ бы вамъ, — отвѣчалъ штаб-ротмистръ, ударяя возжами темнобѣраго бѣгуна.

Гордое животное, не привыкшее къ подобному обращенію, взвилось было на дыбы, фыркнуло и, закусивъ удила, помчалось стрѣлою по гладко укатанной дорогѣ; но Петръ Авдѣвичъ знакомъ былъ съ этимъ дѣломъ и, подобравъ возжи, неожиданно передернулъ ихъ и поставилъ коня по своему, то есть поставилъ его на рысь по верстѣ на минуту и пятьдесятъ шесть секундъ.

— По вашему сіятельству и лошадь, — замѣтилъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою.

«Не правда ли, что не дурна? отвѣчала графиня, прикрывая личико свое чернымъ соболемъ муфты.

— Не недурна, а призовый долженъ быть!

«Какъ это призовый?»

— То есть, ваше сіятельство, конь этотъ долженъ быть брать призы, деньги то есть.

«Этого я право не знаю, кажется, иногда мужъ мой посылалъ лошадей куда-то.»

— Верно такъ, быть не можетъ иначе, ваше сіятельство, кому же и брать, какъ не такому, взгляните на грудь, на мышцы, на махъ, а крупъ-то, крупъ—печь-печью.

«Вы страстны къ лошадямъ, сосѣдь?»

— Умеръ бы съ ними, ваше сіятельство!

«А есть у васъ хорошія лошади?»

— У меня? да откуда онъ будутъ у меня? развѣ продать жиду имѣньишко, да купить одну, и то купишь ли полно?

«Хотите я продамъ вамъ?»

— Что это, ваше сіятельство?

«Лошадь», отвѣчала графиня.

— Какую лошадь?

«Точно такую, какъ эта.»

— А Костюково мое возьмете себѣ?

«Какой вздоръ!»

— Какъ вздоръ, — да чѣмъ же я заплачу?

«Я подожду сколько хотите», сказала графиня смѣясь.

— Нѣтъ, ужъ извините; такихъ дѣлъ отродясь не дѣлалъ, да и умру, надѣюсь, не сдѣлаю.

«Вы поступаете со мною не такъ, какъ добрый сосѣдь и не дружески, Петръ Авдѣвичъ.»

— А вы, ваше сіятельство, и самъ не знаю, за что обижаете меня.

«Чѣмъ это?»

— Объ этомъ послѣ, ваше сіятельство, — сказалъ затронутый за живое штаб-ротмистръ.

«Я хочу теперь, сію минуту!»

— Вотъ лѣсъ, графиня, и двѣ дороги; куда прикажете?

«Мнѣ все равно, а все-таки прошу сказать, чѣмъ я обидѣла васъ?»

— Вы сами знаете, ваше сіятельство! за чтобы кажется обижать меня? я вѣдь, ваше сіятельство, отъ души то-есть предложилъ вамъ мою бѣдную хату, ваше сіятельство, не изъ видовъ какихъ нибудь, и умеръ бы, ваше сіятельство, съ радостію за васъ, а за смерть заплатить нельзя... Последнія слова прознесъ Петръ Авдѣвичъ такъ не твердо, такъ не связно и такъ какъ-то грустно, что графиня, выслушавъ ихъ, схватила его за руки и крѣпко пожала ихъ....

Думая, что надо остановиться, штаб-ротмистръ осадилъ коня и посмотрѣлъ на графиню.... Онъ перепугался: глаза графини казались ему страшны....

— Не сказалъ ли я чего глупаго, ваше

сіятельство? робко проговорилъ штаб-ротмистръ.

«Не вы, а я сказала глупость, и виновата предъ вами,» воскликнула графиня; «но успокойте меня, Петръ Авдѣвичъ, и скажите, что вы забыли, что вы забудете ее со временемъ.»

— Эхъ, ваше сіятельство, охота же вамъ, право, говорить такъ со мною! Велика важность, — ну сказали, такъ сказали, и сказали бы больше подобному мнѣ, ничего....

«Петръ Авдѣвичъ, вы не добры!»

— Куда ѣхать, ваше сіятельство?

«Домой!» отвѣчала графиня, и всю дорогу молчала.

Подъѣхавъ къ великолѣпному дворцу своему, графиня не вышла изъ саеней, пока выбѣжавшій слуга не принялъ возжей изъ рукъ штаб-ротмистра; тогда только съ легкостію сильфиды выпрыгнула она на землю и, въ сопровожденіи Петра Авдѣвича, вышла въ свѣтлую и обширную прихожую, отдѣляющую подъездъ отъ главной лѣстницы.

«Ежели вамъ угодно, прежде всего позна-

комиться съ комнатами, для васъ приготовленными, Петръ Авдѣвичъ,» сказала графиня, обращаясь къ штаб-ротмистру, «то я провожу васъ въ нихъ сама....»

— Для меня приготовленными? — повторилъ изумленный костюковскій помѣщикъ.

«Надѣюсь, что вы для меня сдѣлали бы тоже.»

— Но вы и я, графиня?

«Не все равно, Петръ Авдѣвичъ, только потому, что я добрее васъ.»

— Въ умъ не взберу, ваше сіятельство! «Вамъ угодно, чтобы я объяснилась?»

— Смѣю умолять объ этомъ, ваше сіятельство, — сказалъ штаб-ротмистръ, все еще не понимая графиню.

«Извольте; предлагая вамъ купить у меня лошадь, я ни мало не думала о средствахъ вашихъ, Петръ Авдѣвичъ, и дѣйствовала собственно по желанію сдѣлать себя удовольствіе; но вы приняли иначе предложеніе мое, и я поспѣшила сознаться въ винѣ и просила прощенія. Что же сдѣлали вы, я васъ спрашиваю?»

— Что же сдѣлалъ я, ваше сіятельство? развѣ я сдѣлалъ что нибудь?

«Еще бы! наговорить мнѣ кучу неприятностей, наморщить лобъ и не простить!....»

— Графиня! — проговорилъ Петръ Авдѣвичъ жалобнымъ голосомъ.

«Что графиня? ну что вы придумали къ своему оправданію?»

— Гдѣ же мнѣ? и не докладывалъ ли я вашему сіятельству, что милости ваши лишили меня послѣдняго умишка; придумайте ужъ вы что нибудь!

«Согласна, но съ условіемъ.»

— Все выполню, все, графиня!

«Честное и благородное слово, Петръ Авдѣвичъ?»

— Мало слова, клятву даю.

«Прекрасно», сказала графиня, улыбаясь; «Петръ Авдѣвичъ! лошадь, на которой мы съ вами ѣздили сегодня, я не продамъ никому и никогда.»

— И прекрасно сдѣлаете, ваше сіятельство!

«Петръ Авдѣвичъ!» повторила графиня съ комическою важностію, «лошадь эту я дарю вамъ; теперь посмотримъ, осмѣлитесь ли вы не принять ее въ знакъ дружбы моей.»

— Графиня, графиня! — проговорилъ штаб-ротмистръ, всплеснувъ руками.

«Поцѣлуйте эту руку и ни слова больше; я проголодалась и обѣдъ ожидаетъ насъ.»

Петръ Авдѣвичъ, у котораго на глазахъ неволью навернулись слезы, съ жаромъ поцѣловалъ протянутую ему ручку и не поспѣдовалъ за графинею, а вошелъ въ свои комнаты, дверь которыхъ указала ему угнищенная какъ дитя Наталья Александровна.

Кто найдетъ неестественнымъ характеръ графини Бѣлорѣцкой, кому покажется неслѣбоднымъ описанный мною образъ дѣвствій ея, тотъ конечно не встрѣчался во всю жизнь свою съ тѣми существами, которыхъ въ провинціи называютъ «большими барынями», а въ большемъ свѣтъ «grandes dames»; привилегированныя существа эти не должны и не могутъ быть сравниваемы съ тѣми женщинами, о рожденіи которыхъ не говоритъ седьмая часть міра, юность которыхъ не нѣжить и не мелѣетъ все высшее общество, и бракъ которыхъ не считается эпохой. Огражденные отъ всѣхъ лишеній, отъ всего того, что возрождаетъ зависть и злобу, созданія эти не могутъ не имѣть благородныхъ чувствъ и добраго сердца; добро для нихъ забава, щедрость привычка, а твердая, непоколебимая воля неотъемлемое, неоспоримое право!

Графиня Наталья Александровна, доживъ въ столицѣ до двадцати-четырехлѣтняго возраста, не знала еще, что значить любить, и не знала потому, что вѣчно окружавшая ее толпа вздыхателей, мѣшала графинѣ встрѣтиться съ человѣкомъ, котораго бы могло избратъ ся сердце. Всѣ мужчины казались ей одинаковы; но не желая выѣзжать долѣе восемнадцатилѣтняго возраста безъ головнаго дамскаго убора, Наталья Александровна пристально взглянула въ толпу и тотъ, кто стоялъ выше прочихъ, сдѣлался мужемъ ея. Мужъ этотъ умеръ; графиня надѣла черное платье, оно шло къ ней, но столица безъ баловъ, безъ праздниковъ, безъ оперы и раутовъ — прескучная вещь; она вспомнила о помѣстьяхъ своемъ, въ которомъ не была ни разу; о деревнѣ графиня не имѣла никакого понятія; слышала отъ многихъ, что есть тамъ сады, не имѣющіе границъ и что называютъ ихъ лѣсами; есть поля несоборимыя, есть рѣчки, несущія волны свои произвольно, наконецъ есть люди, не говорящіе по французски, не танцующіе польку, полудикіе, смѣшныя можетъ быть, незнакомые ей и непохожіе ничѣмъ на столичныхъ. Подумавъ немного, графиня приказала готовить все къ отъезду, и съ первымъ полудикаремъ, ни въ чемъ не

похожимъ на столичнаго жителя, познакомилась въ костюковскомъ деревянномъ домикѣ.

Въ первую минуту Петръ Авдѣевичъ показался ей очень забавнымъ, во вторую честнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ, а въ третью... но остановимся пока на второй.

Комнаты, назначенныя графинею Петру Авдѣевичу, конечно никогда не были приготовлены собственно для него, а принадлежали къ разряду второстепенныхъ комнатъ, назначенныхъ для помѣщенія гостей. Не менѣе того штаб-ротмистръ пораженъ былъ ихъ роскошнымъ убранствомъ, и чего не доставало въ нихъ? — голландское бѣлье на постель, столъ съ полнымъ письменнымъ приборомъ, даже писчая бумага и все нужное для письма, какъ-то ножичекъ, чернильница, всякаго рода металлическія перья, сургучъ различныхъ цвѣтовъ и прочее.

«Не ужели все это для меня, для меня бѣднаго Петра?» повторялъ самъ себя штаб-ротмистръ, разсматривая всякую вещь порознь; «а лошадь, тысячная лошадь! снилось ли мнѣ когда такое сокровище? въ знакъ дружбы, говорить этотъ ангель, а кто ее знаетъ? можетъ быть, и бѣсъ искуси-

тель. Что заговорять въ уѣздѣ, когда я покажусь на этомъ конѣ; что скажетъ городничій, Лизавета Парфеновна, Полинъка? А я, дурачина, думалъ, что уже лучше ея и на свѣтъ нѣтъ; вотъ тебѣ и лучше, — можно ли же сравнить не то, чтобы со всею графинею, а съ мизинцемъ ея, такъ и мизинца не стѣять всѣ Пелагеи Власьевны вмѣстѣ; подумать то есть не возможно.»

Вотъ какъ разсуждалъ штаб-ротмистръ и какими глазами смотрѣлъ онъ на ту женщину, которая еще за три дня казалась ему верхомъ совершенства.

Какое счастье, что любящія насъ не одарены способностію проникать въ сокровеннѣйшія думы наши, заглядывать въ изгибы вѣроломнаго сердца нашего, какъ искренно возненавидѣли бы онѣ весь родъ мужской!

Къ счастью Пелагеи Власьевны, она и не подозрѣвала постигшаго ее удара; вѣсть о пріѣздѣ графини въ помѣстье достигла до Сорочковъ, но могло ли придти въ голову бѣдной дѣвушкѣ, что избранный сердцемъ ея человекъ не только проѣзжаетъ уже украдкою мимо самыхъ воротъ ихъ села, но даже и не сравниваетъ ее съ женькою, розовую, съ блѣдною, худощавою графинею, и не сравниваетъ потому, что, по мнѣ-

нію Петра Авдѣевича, не возможно никакое сравненіе.

Переходя изъ комнатъ своихъ въ аванзалы и залы графининыхъ палатъ, штаб-ротмистръ переходилъ отъ удивленія къ удивленію. Каждое украшеніе потолоковъ и стѣнъ, каждая мебель обращали на себя его жадное вниманіе; онъ не смотрѣлъ, а впитался взглядомъ въ прелестныя формы олимпійскихъ богинь, въ рельефныя прелести наядъ, разбросанныхъ по карнизамъ, въ позолоченныхъ амуровъ и въ фантастическіе узоры стѣнъ; все видимое казалось штаб-ротмистру игрою сна, грезами разгоряченнаго воображенія; онъ неоднократно дотрогивался до стѣнъ и мебели, чтобы убѣдиться, что предметы эти не призраки.

Обѣдъ графини довершилъ очарованіе. Петръ Авдѣевичъ ѣлъ и не понималъ, что ѣлъ, пилъ и не зналъ, что пилъ; когда же свѣжіе плоды предстали предъ нимъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ видалъ ихъ костюковскій помѣщикъ во время жаркаго лѣта, онъ грустно улыбулся и отвелъ рукою вазу, поднесенную Французомъ.

«Отъ чего же вы не хотите сдѣлать чести

оранжереямъ моимъ, Петръ Авдѣевичъ?» спросила графиня.

— Я съѣлъ, ваше сіятельство.

«Но плоды эти очень вкусны, увѣряю васъ.»

— Именно отъ этого я и отказался отъ нихъ.... они слишкомъ вкусны для меня; отвѣдавъ ихъ разъ, захочется и въ другой.

«Ну что же за бѣда; вы будете чаще прѣзжать ко мнѣ, сосѣдь.»

— А долго ли придется прѣзжать?

«Надѣюсь, что долго.»

— Все таки не всегда, не вѣчно.

«Вѣчность на землѣ не существуетъ, Петръ Авдѣевичъ.»

— Правда, — замѣтилъ штаб-ротмистръ, — но за то существуетъ тоска, которая кажется длиннѣе вѣчности, ваше сіятельство.

«Браво! вы философъ.»

— Прежде я былъ покоенъ и доволенъ судьбою, но, посмотрѣвши на все это, боюсь, графиня, чтобы изба моя не показалась мнѣ острогомъ, а щи и каша.... да что тутъ разсуждать, ваше сіятельство! вотъ извольте видѣть, на вашемъ бы мѣстѣ, доложу вамъ, я бы не пускалъ къ себѣ бѣдныхъ людей,

отъ бѣдности не далеко, того.... и до дурнаго чего нибудь....

«Вамъ за себя бояться нечего,» замѣтила графиня.

— Знать Богъ объ этомъ!

«И не повѣрю я,» продолжала графиня, «чтобы вся эта мишура могла серьёзно плѣнить васъ, и можетъ ли быть, чтобы вы не выдали ничего лучше?»

— Стѣны случалось видѣть, хоть и не совершенно такія, а приблизительно, столы и стулья также, серебра много видѣть!....

«Что же остается, Петръ Авдѣевичъ?»

— Что, что? — повторилъ штаб-ротмистръ, воспаляясь, — не случалось мнѣ, графиня, слышать голоса своего посреди такихъ стѣнъ и не случалось мнѣ сидѣть на такой мебели, — вотъ чего не случалось! — прибавилъ штаб-ротмистръ, вставая прежде хозяйки.

Это простое выраженіе мысли, эти многія безыскусственныя слова глубоко врѣзались въ душу знатной барыни. Не жалость и не простое участіе къ положенію гостя, но что-то похожее на то и на другое пробудилось въ сердцѣ Натальи Александровны; она не смотрѣла болѣе на костюковскаго помѣщика, какъ на une bête curieuse,

не улыбалась его кудреватымъ степнымъ изреченіямъ, не забавлялась имъ болѣе.

Послѣ обѣда, графиня просила гостя не жениться съ нею и идти отдохнуть, прибавивъ, что и она имѣетъ эту привычку.

Петръ Авдѣевичъ предпочелъ посѣтить конюшню, а главное полюбоваться поближе драгоценнымъ залогомъ дружбы къ нему ея сіятельства.

На пути къ длиннымъ каменнымъ строеніямъ, гдѣ помѣщался конный заводъ, штаб-ротмистру повстрѣчался низенькій, но свѣжій старичекъ, въ мѣховой коричневой бекешѣ съ куньимъ воротникомъ и шапкѣ изъ бобровыхъ вышорковъ; старикъ въжливо поклонился Петру Авдѣевичу и отрекомендовалъ себя управляющимъ села Графскаго.

«А позвольте узнать имя и отчество ваше,» спросилъ штаб-ротмистръ, снявъ фуражку.

— Въ Курляндіи, — отвѣчалъ старикъ смѣясь, — звали меня Готфридъ-Юганъ Гертманъ, а здѣсь трудно показалось мужикамъ запомнить настоящее имя и меня привыкли просто звать Федоромъ Ивановичемъ.

«Позвольте же и мнѣ называть васъ такъ же.»

— Сдѣлайте одолженіе.

«Я, Федоръ Ивановичъ, иду взглянуть на лошадей вашихъ, ежели позволите то есть.»

— Пожалуйста, лошади хорошія у насъ.

«Не то, что хорошія, а я и самъ служилъ всю жизнь въ кавалеріи, а такихъ встрѣчать не случалось.»

— Крови чистой, самой чистой!

«Чего чище?» прибавилъ штаб-ротмистръ; «а слышали ли вы, Федоръ Ивановичъ, что ея сіятельству угодно было подарить мнѣ того сѣраго коня...»

— Что былъ давеча въ запряжкѣ? — сказала, улыбаясь, Немецъ.

«Да, да.»

— Жеребецъ Горностаѣй.

«А зовутъ его Горностаемъ, Федоръ Ивановичъ?» спросилъ штаб-ротмистръ.

— Да, да; родился онъ у насъ отъ Уманаго и мистриссъ Лемводъ, три весны назадъ; покойный графъ назначалъ его къ бѣгу, — конь чудный.

«Скажите мнѣ, пожалуйста, Федоръ Ивановичъ, можно ли дарить такихъ лошадей?»

— На то воля графини, — замѣтилъ управляющій.

«Положимъ воля ея; можно всѣхъ раздавать, но первому встрѣчному....»

— Развѣ прежде вы не были знакомы съ ея сіятельствомъ?

«Никогда, Федоръ Иванычъ.»

— И не встрѣчались?

«И не встрѣчался.»

— Странно, очень странно! — замѣтилъ управляющій, качая головою, — значить вы ей особенно понравились.

«И самъ не понимаю, за что столько милостей, ума не приложу.»

— Между нами сказать, — продолжалъ Федоръ Иванычъ, понизивъ голосъ, — у богатыхъ и молодыхъ барынь бываютъ иногда свои капризы; иному выпадетъ жребій такой, и не приснится ему, и поидетъ и поидетъ валить счастье; кто знаетъ, можетъ и вы... сегодня лошадь, завтра деревушка-другая....

«Что вы тамъ говорите?» спросилъ штаб-ротмистръ, нахмуривъ брови.

— Я говорю, что кому счастье улыбнется разъ, можетъ улыбнуться и десять.

«Ужъ будьте увѣрены, только не мнѣ, Федоръ Иванычъ; поймала графиня разъ, говорить: возьми въ знакъ дружбы; откажется то есть было нельзя; а деревушекъ дарить не станеть, будьте-съ покойны на этотъ счетъ, Федоръ Иванычъ.»

— Тутъ ничего нѣтъ дурнаго.

«По вашему, можетъ быть, а по нашему, извините.»

— Графиня такъ богата, что ей и тысячи ни почемъ.

«Пусть при ней остаются ея тысячи; Горноста я взялъ, правда; буду холить его, кормить, но давай мнѣ за него, кто хочеть, тысячу душъ, не будь я дворянинъ, коли подумаю продать. Подарокъ, — такъ пусть умреть со мною; по крайней мѣрѣ, въ корысти никто не осудить.»

Разговаривая между собою, новые знакомцы наши дошли до завода, пересмотрѣли всѣхъ лошадей поодиначкѣ; лучшимъ приказалъ Федоръ Ивановичъ сдѣлать выводку.

Вооружась длиннымъ бичемъ, штаб-ротмистръ распорядился въ конюшняхъ графини, какъ бывало у себя въ эскадронъ; замѣтивъ что нибудь, онъ гонялъ конюховъ, берейторовъ, давалъ имъ наставленія, повѣрялъ имъ разныя тайны ветеринарнаго искусства и глубокимъ знаніемъ своимъ удивлялъ всѣхъ конюховъ безъ исключенія.

Всѣ наперерывъ старались заслужить по своей части одобреніе Петра Авдѣевича и потому не только не уклонялись отъ испол-

ненія его желаній, по старались ихъ предупредить.

Когда же очередь дошла до Горносталя, штаб-ротмистръ, не смотря на предостереженіе трусливаго Федора Ивановича, смѣло вошелъ въ стойло; конь захрапѣлъ и, приложивъ уши, сталъ суетиться.

«Онъ съѣстъ васъ, берегитесь!» закричало нѣсколько голосовъ.

— Кого? меня, а вотъ увидимъ! — отвѣчалъ смѣясь Петръ Авдѣвичъ; крикнувъ на жеребца, онъ сталъ оглаживать его сначала по спинѣ, потомъ по шеѣ, наконецъ по мордѣ, потомъ отвязалъ поводъ отъ кольца, и, какъ старій знакомый Горносталя, вывелъ его преспокойно изъ стойла, къ великому удивленію зрителей.

— Ну что же ты не ѣшь меня, звѣрь ты этакой, разбойникъ? — проговорилъ Петръ Авдѣвичъ, держа на длинномъ поводѣ жеребца, который, какъ бы понимая ласки своего новаго повелителя, млясалъ и заигрывалъ съ нимъ, оскаливая зубы и разширяя ноздри; — ну что же ты? ѣшь! пора бы кажется. То-то, ребята, — продолжалъ штаб-ротмистръ, обращаясь къ конюхамъ, — не такъ уменъ человекъ, какъ чутокъ конь; покажись ему трусомъ,

нось откусить, какъ пить дать; подожди же къ нему молодцомъ, да задай острастку на первый случай, небось поймешь бестія!

«Какъ не понять, поймешь по неволѣ, животи не глупый,» отвѣчали въ толпѣ, окружавшей отважнаго штаб-ротмистра; «вашей милости и владѣть конемъ такимъ,» замѣтилъ одинъ изъ старшихъ наездниковъ, плечистый и рослый малый съ окладистою, черною какъ смоль бородою; «и съ конемъ разстаться не жаль нашему брату.»

— Спасибо, братъ, за доброе слово! — отвѣчалъ штаб-ротмистръ, — а какъ между людьми хорошаго дѣла не дѣлается безъ спрыску, такъ отведи ты мнѣ коня въ Костюково, а за уздечкою не постою, братецъ, и ребяты всѣхъ поподчуешь.

«Много довольны милостию вашею, Петръ Авдѣвичъ,» закричали конюхи въ одинъ голосъ, «по добру да поздорову ѣздить вамъ на Горностаѣ-то намѣмъ и не изъѣздить его во вѣки вѣковъ.»

— Да будетъ по вашему, ребята!... теперь же поставьте коня! на дворъ-то смеркается и намъ пора, Федоръ Ивановичъ; вы не зайдете къ ея сіятельству?

«Зачѣмъ же мнѣ беспокоить ихъ?» отвѣ-

чать управляющей, «за приказаніемъ являюсь я по утру.»

— А вечерокъ посидеть бы вмѣстѣ.

«Какъ это посидеть?»

— Ну просто, Федоръ Ивановичъ, какъ сидятъ вечера, чай графиня одной скучно; посторонній человекъ и скажетъ что нибудь и все такое.

«У насъ этого не водится,» прошепталъ, улыбаясь, старикъ, «вы гости, другое дѣло, а нашему брату нейдетъ проводить вечера съ графиней; прикажутъ они позвать, явлюсь; безъ приказанія, зачѣмъ намъ? безъ кононтъ всякому не приходится.

— Стало вы на лѣво, а я на право, почтенный Федоръ Ивановичъ?

«А ужъ такъ, что я на лѣво,» отвѣчалъ управляющей, снимая шапку и низко кланяясь.

— Прощайте же, прощайте!

«Добраго вечера желаю...» повторилъ Нѣмецъ, отходя съ наклоненною головою отъ костюмовскаго помѣщика, который, внутренно гордясь преимуществами своими въ домѣ ея сіятельства, направилъ стопы къ главному подъѣзду дворца.

Слуга доложилъ Петру Авдѣвичу, что ея сіятельство приглашаетъ его на малую половину.

— А гдѣ же эта малая половина? — спросилъ штаб-ротмистръ.

«Съ другаго подъѣзда,» отвѣчалъ слуга, «угодно, я провожу васъ?»

— Сдѣлай, братецъ, одолженіе!

Слуга обвелъ гости кругомъ главнаго корпуса и, отворивъ небольшую дверь рѣшетки сада, указалъ Петру Авдѣвичу на рядъ ярко освѣщенныхъ оконъ нижняго этажа и на небольшое каменное крылечко, прильмавшее къ окнамъ.

Малая половина графини состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ, устроенныхъ подъ сводами, отдѣланныхъ и убранныхъ въ послѣднемъ вкусѣ. По гладкимъ стѣнамъ, обтянутымъ обоями, висѣло множество картинъ современныхъ школъ; все они дышали свѣжестью и легкостью колоритовъ; въ промежуткахъ картинъ пестрились гипсовыя группы; по угламъ горки съ цвѣтами. Въ самой отдаленной отъ входа комнатѣ, въ большомъ мраморномъ каминѣ пылалъ огонь, а противъ огня у круглаго рабочаго столика сидѣла Наталья Александровна и читала, когда вошелъ штаб-ротмистръ.

— Какъ у васъ и здѣсь хорошо, — сказалъ Петръ Авдѣвичъ, оглядываясь во всѣ стороны.

«Я очень люблю этот уголок», отвѣчала графиня, откладывая книгу.

— Кто же бы не полюбилъ?

«А знаете ли, Петръ Авдѣвичъ, что эта самая часть дома два года назадъ занята была кладовыми и погребамн. Кто же бы повѣрилъ этому теперь...»

— Зная коротко ваше сіятельство, почему же бы и не повѣрить, — замѣтилъ Петръ Авдѣвичъ.

«Но превращеніе это сдѣлала совсѣмъ не я.»

— Кто же-съ?

«Покойный мужъ мой; усадьба принадлежала ему; но я право не знаю, почему, онъ не любилъ ее.»

— Вотъ это ужъ странно, ваше сіятельство.

«Вѣроятно отдаленность отъ Петербурга пугала его; къ тому же въ его годы не любить обыкновенно ни дурныхъ дорогъ, ни одиночества.»

— Какихъ же лѣтъ былъ покойный графъ?

«Мужу моему было болѣе шестидесяти пяти.»

— Можеть ли быть-съ?

«Ежели не семьдесятъ», прибавила, улыбаясь, графиня.

— И ваше сіятельство рѣшились выйти за такого старика?

«Я была съ нимъ очень счастлива, Петръ Авдѣвичъ.»

— Не смѣю не вѣрить, а странно!

«Графъ былъ уменъ, добръ и любилъ меня очень, для супружескаго счастья больше ничего не нужно, полагаю. Вы же почему не женитесь, сосѣдъ?»

— Ахъ, ваше сіятельство, въ нашемъ быту вещь эта куда мудреная; самъ бѣдѣнь, да возьмешь бѣдную жену, пойдутъ маленькія; жизнь проклянешь.

«Поищите богатую невѣсту.»

— А гдѣ ее найдешь? и найдешь, ваше сіятельство, неволи ей идти за такого какъ я на примѣръ.

«Вы слишкомъ скромны, сосѣдъ, и въ столицахъ очень часто бѣдные люди дѣлаютъ блестящія партіи, сколько примѣровъ знаю я.»

— Бѣдные, согласенъ, да бѣдные эти будутъ пообразованнѣе, то есть повоспитаннѣе меня, ваше сіятельство..., и по французски говорятъ, и кое что читали, такъ если пріодѣнется, да пріѣдетъ въ домъ, никому и не въ догадъ, что молодцу дома и перекусить нечего; а мы, ваше сіятельство, только взглянуть на насъ, такъ и видѣтъ медвѣдь, если не хуже.

«Никто не мѣшаетъ вамъ, Петръ Авдѣевичъ, выучиться говорить по французски, ежели только вы находите это необходимымъ», сказала графиня, «это зависитъ отъ васъ.»

— Зависитъ отъ меня?

«Конечно; человекъ съ вашимъ характеромъ достигнетъ всего, если только твердо захочетъ.»

— Вы не шутите, ваше сіятельство? спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

«Повѣрьте, нѣтъ.»

— И ежели бы я только захотѣлъ, то есть выучиться по французски...

«Вы бы въ самое короткое время стали понимать все, а слѣдовательно и читать.»

Штаб-ротмистръ крѣпко задумался.

На слѣдующее утро, едва солнце позолотило первымъ лучомъ своимъ верхушки деревь и металлическіе кресты церквей уѣзднаго города, какъ въ заставу этого города внеслась уже тройка Петра Авдѣевича.

— Къ городничему что ли? — спросилъ Тимошка, оборотившись къ барину.

«Нѣтъ, нѣтъ,» отвѣчалъ штаб-ротмистръ, оглядываясь кругомъ, «а какъ бы то... узнать, гдѣ живетъ тотъ... какъ бишь его зовутъ - то? Лукьянъ, или нѣтъ, Дмитрій Лукьянычъ, кажется.»

— Смотритель что ли?

«Ну да, да, да, а ты его знаешь?»

— Надъ училищемъ что завѣдуетъ?

«Такъ, такъ.»

Не отвѣчая ни слова, Тимошка повернулъ лошадей вправо, выѣхалъ на площадь и, не дождая дома городничаго, обогнулъ аптеку и пустился вдоль узкаго переулка по направлению къ ручью.

Штатный смотритель жилъ на самомъ живописномъ мѣстѣ города; трех-оконный домъ его, подгнившій снизу и искривленный на бокъ, какъ бы воткнуть былъ въ входящій уголъ вала, висѣвшаго надъ грязною пропастью; передъ домомъ разстились огороды, испещренные кучами тѣхъ веществъ, которые внушаютъ невольное отвращеніе; мѣстами видѣлись красноватые остовы падшихъ животныхъ всякаго рода, надъ которыми трудились пестрыя стаи одичалыхъ собакъ; не рѣдко случалось хозяину дома замѣчать близъ самыхъ воротъ своихъ свѣжіе слѣды волковъ, но не имѣя страсти къ охотѣ, штатный смотритель не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— У себя Дмитрій Лукьянычъ? — спросилъ штаб-ротмистръ, съ трудомъ по-

днимаясь по извилистой тропинкѣ, соединившей улицу съ калиткою дома.

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ Петромъ Авдѣвичемъ женщицѣ несомнѣнно старой, не сомнѣнно опрятной и не сомнѣнно обутой, тащившей за собою изъ калитки санки, нагруженныя не совершенно чистымъ бельемъ, прихваченнымъ морозомъ; на бельѣ сидѣла дѣвочка лѣтъ трехъ, въ нагольномъ тулупчикѣ, красномъ клѣтчатою платкѣ на кудрявой белокурой головкѣ и съ страшною нечистотою подъ носомъ.

— Ходите, у дому, у дому, — отвѣчала женщина, постороняясь, чтобы дать гостю мѣсто пройти.

Петръ Авдѣвичъ осторожно перелезъ чрезъ высокій порогъ калитки, прошелъ по доскѣ узкій дворикъ, заставленный развалинами и вскарабкался на высокое, сырое и животрешущее крыльцо; изъ сѣней вылетѣли ему на встрѣчу двѣ испуганныя курицы, а въ прихожей встрѣтилъ его самъ хозяинъ въ ситцевомъ, короткомъ, изношенномъ халатѣ и какихъ-то суконныхъ башмакахъ.

Пораженный появленіемъ у себя ненавистнаго человѣка, штатный смотритель вытаращилъ на него глаза и не нашелъ, что сказать.

Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное прибитіемъ своимъ, штаб-ротмистръ улыбку и началъ рѣчь извиненіемъ, что беспокоитъ такъ рано хозяина, но обстоятельства и покорнѣйшая просьба, которую имѣетъ объяснить...

— Просьба у васъ ко мнѣ? — спросилъ Петра Авдѣвича смотритель.

«Точно такъ, Дмитрій Лукьянычъ, и очень важная.

— Милости просимъ въ кабинетъ, — прибавилъ хозяинъ, указывая на дверь въ единственный покой свой, не совершенно похожій на кабинеты вообще. Кабинетъ штатнаго смотрителя заключалъ ольховую кровать, покрытую овчиннымъ тулупомъ, столъ, обитый кожей, и черный деревянный диванъ, ничѣмъ не обитый.

«Желалъ бы я-съ получить отъ васъ некоторыя свѣдѣнія, Дмитрій Лукьянычъ,» началъ Петръ Авдѣвичъ, войдя въ кабинетъ.

— Какого рода прикажете?

«По должности, которую вы занимаете,» продолжалъ штаб-ротмистръ, «вамъ должно быть не безъизвѣстно, какимъ сносомомъ преподается французскій языкъ?»

— Французскій языкъ? — протѣжно

повторилъ штатный смотритель, — а вамъ на что это свидѣніе?

«Крайне то есть нужно.»

— Но французскій языкъ преподается просто.

«Какъ просто?»

— Просто-съ.

«Какъ же именно просто?»

— Французскій языкъ преподается, какъ всякій языкъ, у насъ въ училищѣ.

«Ну какъ русскій на примѣръ?» спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Ну нѣтъ-съ не совсѣмъ такъ; однако же приблизительно; ученикамъ задается-съ урокъ, и ежели ученикъ не знаетъ, то сообразно съ уставомъ уздннхъ училищъ ему...

«Вы не совсѣмъ поняли меня,» перебилъ гость; «я желалъ бы знать, легко ли способъ преподаванія и надеженъ ли учитель вашего училища; вотъ что мнѣ крайне интересно.»

— Учитель? учителя я знаю коротко, и могу сказать, что добрый и честный человекъ, бѣденъ это правда; впрочемъ когда бы ни зашелъ къ нему, найдешь рюмку водки и закуска найдется; жена у него хозяйка.

«А кто онъ?»

— Учитель?

«Да.»

— Онъ, Богъ его знаетъ, кто такой и откуда, а кажется иностранецъ, выговоръ знаете не совсѣмъ чистый, картавитъ и не выговариваетъ многихъ словъ, даже иногда знаете, смѣшно дѣлается, когда слушаешь.

«А согласился ли бы онъ, Дмитрій Лукьянычъ, научить французскому языку?»

— Кого же это?

«Да ужъ тамъ все равно.»

— Ужъ не Пелагею ли Власьевну? — заметилъ смотритель насмѣшливо.

«О нѣтъ, я давно не былъ у нихъ и бываю-то рѣдко.»

— Давно ли жъ это, Петръ Авдѣичъ?

«Довольно давно.»

— Не поссорились ли?

«Нѣтъ, а такъ, времени нѣтъ.»

— Новость, коли правда.

«Ей Богу не могу, какъ-то не случается; аознакомивъ меня съ учителемъ, вы то есть крайне одолжили бы меня, Дмитрій Лукьянычъ.»

— Съ большимъ удовольствіемъ, ничего нѣтъ легче, — отвѣчалъ въ половину успокоенный смотритель, — хотите, сію минуту пошлю за нимъ.

«Очень обяжете.»

— Сей часъ пошлю; онъ живеть съ аптекою на одномъ дворѣ. Кстати, послать кучера вашего, онъ мигомъ слетаетъ; хотите я растолкую ему адрессъ? а вы покурите покуда трубочку; табакъ въ столъ, безъ церемоніи вы потрудитесь набить сами, а то людей всѣхъ разослать, одинъ сѣжу.

Пославъ сани штаб-ротмистра за французскимъ учителемъ, штатный смотритель возвратился въ кабинетъ свой, и издалека завелъ рѣчь сначала о городничемъ, потомъ и о Елизаветѣ Парфеновнѣ.

— А у насъ въ городѣ слухи пронеслись было, что въ семействѣ Тихона Парфеныча затѣвается свадьба, сказалъ Дмитрій Лукьяновичъ.

«Не слыхалъ; не изъ дочерей ли какая выходить замужъ?» спросилъ разсѣянно штаб-ротмистръ.

— Ужъ будто и не знаете, про кого я хочу сказать, Петръ Авдѣичъ?

«По совѣсти не знаю.»

— Полно, полно!...

«Ей же ей, не знаю и не слыхалъ ни отъ кого.»

— Не бось не были ни разу у Кочкиныхъ-съ?

«Быть у нихъ былъ, бывалъ и часто; о свадьбѣ же не говорили.»

— Прошу покорно вѣрить вѣстямъ; намедни Андрей Андрейчъ увѣрялъ достоверно, что и дѣвичникъ справили.

«Чей же это?»

— Пелагеи Власьевны, а знаете ли съ кѣмъ?

«Понятія то есть не имѣю...»

— Побожитесь!

«Честью увѣряю.»

— Экой же онъ вральмантъ, этотъ старый! какъ же таки такъ врать! и вы не сватались даже, Петръ Авдѣичъ? — спросилъ радостно смотритель.

«Я?»

— Вы!

«Рехнулся видно вашъ Андрей Андрейчъ?»

— Не ужто и въ помышленіяхъ у васъ не было?

«Въ помышленіяхъ, правду сказать не то, чтобы не было, да подумалъ хорошенько...»

— Что же, что же?

«То, что какъ подумалъ знаете хорошенько, и раздумалъ.»

— Ей Богу?

«Бй Богу,» повторилъ штаб-ротмистръ.

— И такъ таки совсѣмъ себѣ раздумали? — спросилъ Дмитрій Лукьяновичъ, не смѣя върять благополучію своему.

«Совершенно то есть раздумалъ, и сами разсудите, какая статъ? въ женитьбѣ не полагаю счастья безъ достатка; на Лизавету Парфеновну надежда плоха, и свистать придется.»

— Истинно свистать пришлось бы, Петръ Авдѣвичъ.

«Этого, доложу вамъ, я и боюсь.»

— Ай да Андрей Андреичъ, ай да правдивый человекъ! вотъ какъ посмѣюсь надъ нимъ, попадись только на глаза, — повторилъ штатный смотритель, которому эта вѣсть возвратила всѣ утраченныя имъ надежды.

Убѣдись, что штаб-ротмистръ не соперникъ ему, Дмитрій Лукьяновичъ разцѣловалъ бы его съ горячностью; но ему казалось это не ловко; кто могъ знать, не вздумалось бы костюковскому помѣщику одуматься; тогда разъ измѣнивъ себѣ, смотритель не въ состояннн бы былъ поправить дѣла.

Привезенный Тимошкою учитель французскаго языка оказался не иностранцемъ, а просто картавымъ мальымъ лѣтъ тридца-

ти пяти съ рыжими волосами и съ веснушками на лбу и носу; сюртукъ учителя, застегнутый на всѣ наличныя пуговицы, то есть на одну среднюю, свидѣтельствовалъ о совершенномъ отсутствіи не помочей, но жилета; исподнее платье преподавателя и обувь, одинаково лоснившіяся, соотвѣтствовали сюртуку и представляли обладателя ихъ чѣмъ-то очень похожимъ на грязнаго лакея.

Предложеніе штаб-ротмистра учить французскому нарѣчію одного, какъ говорилъ Петръ Авдѣевичъ, изъ его родственниковъ, принято было рыжимъ господиномъ только что не со слезами благодарности; онъ передалъ ему, картавя, всѣ подробности своей системы, взялся за пять рублей ассигнаціями снабдить новаго ученика всѣми потребными книгами и готовъ былъ присягнуть, что ученикъ меньше, чѣмъ въ два мѣсяца также хорошо будетъ знать по французски, какъ онъ самъ.

— Сами же вы гдѣ научились? — спросилъ у него штаб-ротмистръ.

«Я-съ въ газныхъ мѣстахъ», отвѣчалъ господинъ, «и выговоръ отъ пгигоды поючій погадочный.»

Рѣшено было, что учитель отправится съ

Петромъ Авдѣвичемъ въ деревню на всѣ святки, а по прошествіи ихъ, каждую субботу будетъ за рыжимъ господиномъ привѣзжать лошадь и отвозить его въ городъ въ воскресенье. Въ платъ за уроки уговориться было не трудно штаб-ротмистру; преподаватель согласился получать и деньгами и провизією и даже дровами.

Въ Костюковѣ только сознался учителю своему Петръ Авдѣвичъ, что ученикомъ французскаго языка будетъ онъ самъ, а что не хотѣлъ онъ сказать этого при Дмитріи Лукьяновичъ, потому что Дмитрій Лукьяновичъ большой подлецъ и сталъ бы звонить о томъ по всему городу.

Первый приступъ показался Петру Авдѣвичу не то, чтобы труднымъ; азбука походила на русскую и склады тоже не много; но чѣмъ далѣе погружался онъ въ науку, тѣмъ дѣло казалось ему замысловатѣе, и не поддержки его мысль, что въ скоромъ времени онъ въ состояніи будетъ заговорить съ графиней по французски, быть бы рыжему господину безъ костюковской провизіи и безъ дровъ.

А между тѣмъ и Горностая привелъ чернобородый графскій наѣздникъ въ Костюково, съ запискою отъ ея сіятельства, въ ко-

торой ея сіятельство пеняла Петру Авдѣвичу за скорый отъѣздъ и приглашала посѣщать ее чаще, прибавляя, что ей одной очень скучно въ Графскомѣ. Записку эту перечитывалъ штаб-ротмистръ по двадцати разъ на день, отъ чего и потемнѣла она значительно.

— Ужъ не скатать ли намъ въ Графское? — спрашивалъ частенько у Тимошки костюковскій помѣщикъ.

«Скатать можно, баринъ,» отвечалъ обыкновенно Тимошка.

Наступилъ канунъ новаго года и Тимошкѣ отданъ былъ рѣшительный приказъ изготвить тройку къ посѣбѣду.

Было восемь часовъ вечера, когда въ гостинную графини вошелъ раскраснѣвшійся отъ стужи костюковскій помѣщикъ. Завидѣвъ его, графиня вскрикнула и въ испугъ чутъ не упала съ кресла.

— Не бойтесь, ваше сіятельство, — воскликнулъ Петръ Авдѣвичъ смѣясь, — я явился къ вамъ съ подаркомъ на новый годъ, да только не съ живымъ, а съ мертвымъ. — Говоря это, Петръ Авдѣвичъ снялъ съ плечъ своихъ пребольшаго и прежирнаго волка.

«Что это за чудовище?» спросила графиня

съ любопытствомъ и боязнію, «гдѣ вы его достали?»

— Только что не на дворѣ нашемъ, ваше сіятельство; вышелъ день такой, не лѣнись я стрѣлять, волка бы четыре привезъ вамъ.

«Такъ это волкъ?»

— Онъ самый, ваше сіятельство, и матерой; поддержишь стужа, скоро за ними провзда не будетъ; представте себѣ, чтѣ люцина, то волкъ, а смѣлы какъ, варвары! бѣгутъ себѣ предъ коренной, горюшки мало, — будь только поросенокъ....

«Зачѣмъ же поросенокъ?»

— Ахъ, ваше сіятельство, это любезное дѣло съ поросенкомъ, въ особенности въ эту пору; они, доложу вамъ, то есть волки бѣгаются теперь, такъ попади только въ волчиху, всю стаю перскатаешь чисто; уйдетъ развѣ шальной какой. Конечно будь ружье надежное.

«Ружье?» возразила графиня, «ружья должны быть здѣсь въ домѣ; точно мнѣ говорили о какомъ-то арсеналѣ.

Графиня позвонила и приказала вошедшему слугѣ спросить управителя, гдѣ хранятся оружія, о которыхъ она какъ-то и отъ кого-то слышала.

Слуга доложилъ графинѣ, что есть во

флигель цѣлая комната, наполненная всякаго роду оружіемъ.

— Хотите посмотреть и выбрать для себя, что вамъ понравится? — сказала Наталья Александровна штаб-ротмистру; — а ежели найдется довольно хорошее, — прибавила графиня, — то мы можемъ сегодня же испытать его.

«Какъ, ваше сіятельство, вы бы рѣшились ѣхать на волковъ?» воскликнулъ изумленный штаб-ротмистръ.

— Рѣшаюсь съ большимъ удовольствіемъ, Петръ Авдѣевичъ, только не иначе, какъ съ вами.

«И ваше сіятельство не боитесь?»

— Повторяю вамъ, что не боюсь ничего; въ деревнѣ надобно пользоваться всеми удовольствіями, а ежели къ удовольствію присоединяется опасность, тѣмъ лучше; мы испытасемъ ее.

«А ѣдемъ, такъ ѣдемъ, ваше сіятельство; опасность будетъ или нѣтъ, а волки будутъ, и не будь я Петръ Авдѣевичъ, ежели не привеземъ ихъ полости на двѣ.

Штаб-ротмистръ взвалилъ себѣ снова на плеча принесеннаго волка и, оставивъ его въ прихожей, отправился во флигель выбрать ружье; мимоходомъ онъ отдалъ приказъ

людямъ приготовить розвальни, тройку смирныхъ лошадей, поросенка и кулекъ съ длинною веревкою.

Въ графскомъ арсеналѣ нашелъ штаб-ротмистръ не только множество ружей всѣхъ націй міра, но и большое количество холоднаго оружія, какъ-то: турецкіе ятаганы, персидскія и черкесскія пашки, дамасскіе кинжалы всѣхъ возможныхъ формъ и величинъ. Глаза Петра Авдѣевича разбѣжались при видѣ богатства, разсыпаннаго по рукояткамъ и эфесамъ восточнаго оружія; перетрогавъ каждую вещь порознь, онъ обратилъ главное вниманіе на ружья; нѣкоторые изъ нихъ показали Петру Авдѣевичу не надежными: ружья эти были легки и все безъ украшеній; можетъ быть, знатокъ предпочелъ бы именно эти всѣмъ прочимъ; но штаб-ротмистръ выбралъ одно [по вальжнѣ; на стволахъ его искусною рукою вычеканены были олени съ рогами, птицы, похожія на бекасовъ, лягавыя собаки на стойкѣ и наконецъ изображалось вѣтвистыми буквами имя привилегированнаго мастера Курбатова; съ нимъ-то и возвратился штаб-ротмистръ въ гостиную.

Послѣ чаю, М-г Сіément пришелъ доложить ея сіятельству, что сани у подъезда.

— Ваше сіятельство не раздумали? — спросилъ штаб-ротмистръ.

«Напротивъ,» отвѣчала графиня, «чѣмъ темнѣе дѣлается ночь, тѣмъ страшнѣе подумать о волкахъ, и потому тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ я ѣду.»

— Но извольте одѣться потеплѣе.

«Я холода не боюсь.»

— Однако, ваше сіятельство, хотя вѣтру и нѣтъ большаго, а морозитъ на порядкахъ.

«Бѣдемъ,» сказала графиня, вставая.

Французъ подалъ ей горностаевую шубку, соболій капишонъ, муфту, порт-сигарь, мѣховыя башмаки и шубу. Прежде чѣмъ успѣлъ Петръ Авдѣевичъ зарядить два ружья, Наталья Александровна сидѣла уже въ розвальняхъ, запряженныхъ тройкою. Пересадивъ Наталью Александровну спиною къ кучеру, штаб-ротмистръ спросилъ ее, не угодно ли ей взять когонибудь съ собою, но получить отвѣтъ: зачѣмъ? — приказалъ кучеру трогать.

— Ба, да это ты, Тимошка? воскликнулъ Петръ Авдѣевичъ, узнавъ въ кучерѣ своего вѣрнаго служителя.

«Небось, баринъ, повѣрилъ бы я барынино-то кому другому?» отвѣчалъ Тимошка, снимая шапку; «на грѣхъ мастера нѣтъ, напа-

детъ звѣрь, такъ какъ бы иногда не струсила другой, да не надѣлала бѣды.»

— А ты не боишься ничего?— спросила несовершенно твердо графиня, которую замѣчаніе Тимошки обдало холодомъ.

«Богъ помилуетъ, матушка графиня, авось справимся, и вашу милость не выдадимъ; будь мы вдвоемъ съ бариномъ, и не подумаю бы кажется, а...»

— Если бы ты не подумала съ бариномъ, такъ не думай и со мной, мой другъ, — отвѣчала графиня. — Петръ Авдѣевичъ, — прибавила она, — поѣдемте въ самое дикое мѣсто.

«Вы, ваше сіятельство, не извольте только говорить громко, звѣрь хитеръ, услышитъ, пожалуй не пойдетъ», отвѣчалъ штаб-ротмистръ, понизивъ голосъ; «а ты Тимошка, прибавь ходу, да объѣхавъ льда, что у рѣчки, спустись въ низину, да держись лѣвой стороны, тутъ самый переходъ и есть.»

— Знаемъ-съ, — отвѣчалъ Тимошка, стегнувъ лошадей.

Ночь была темна, луна скрылась, и сливаясь съ небомъ, представляла взорамъ гхавшимъ одну темную непроницаемую полосу. Лошади бѣжали рысью, усадьба осталась позади; снѣгъ скрипѣлъ подъ санями и лишь изрѣдка встрѣчалась имъ то черная непод-

вижная сосна, то одинокій пенъ, то темною грядой на бѣломъ полѣ стоялъ безлиственный рядъ кустовъ.

Глубокое молчаніе, царствовавшее какъ въ природѣ, такъ равно и въ розвальняхъ, привело графиню въ невольный трепетъ, но, вспомнивъ о Петербургѣ, и дрожа всѣмъ тѣломъ, она улыбалась при мысли о томъ, что сказали бы обожатели ея и чопорныя дамы, если бы волшебный лорнетъ могъ указать имъ, что она сидитъ въ крестьянскихъ дровняхъ въ обществѣ Петра Авдѣевича и дучера сего Тимошки въ глухую декабрьскую ночь, среди пустыхъ полей и льсовъ, наполненныхъ волками; сколько эциграммъ внушила бы она столичнымъ поэтамъ, сколько злыхъ улыбокъ вызвала бы она на уста свѣтскихъ женщинъ и въ тоже время, какъ бы позавидовали ей тѣже самыя женщины и Петру Авдѣевичу тѣже самыя поэты!

— Теперь ступай тише, Тимошка, — проговорилъ штаб-ротмистръ, выкидывая изъ саней привязанный на длинной бичевкѣ кулекъ, набитый сѣномъ.

«На что это?» тихо спросила графиня.

— Это, ваше сіятельство для того, чтобы приманить звѣря, — отвѣчалъ также

тихо Петръ Авдѣевичъ; — услышавъ крикъ поросенка, котораго я стану потискивать, волки бросяся за нами вслѣдъ и, увидя куль, сдуру примуть его за самого поросенка.

«Но вы не сдѣлаете ему вреда?»

— Кому это? поросенку.

«Да!»

— О нѣтъ, ваше сіятельство, вѣдь я только легонько пожму ему ногу; пусть себѣ похромаетъ день другой, и живъ останется, ручаюсь вамъ; вотъ извольте замѣчать теперь по правой сторонѣ, а я буду смотрѣть налево; мѣсто надежное, вотъ и тропы пошли въ гору; если же ваше сіятельство увидите огоньки или самаго волка, то извольте только легонько толкнуть меня, но ни слова!

«Богъ мой, какъ это весело!» прошептала графиня голосомъ, дрожавшимъ отъ страха.

— Еще какъ весело будетъ, погодите, ваше сіятельство, — прибавилъ едва слышно штаб-ротмистръ

Сани въ это время поровнялись съ мельницею; оставивъ ее вправѣ, они стали спускаться въ низину, пролежавшую между молодымъ и частымъ соснякомъ.

Лошади шли шагомъ; поросенокъ, пожимаемый ногами Петра Авдѣевича, изрѣдка оглашалъ окрестность пронзительнымъ жалобнымъ крикомъ своимъ, а куль, слѣдовавшій за санями на разстояніи двадцати шаговъ, прыгалъ во всѣ стороны и, цѣпляясь иногда за отдѣльно стоявшіе кустики, дѣлалъ большіе скачки.

— Ужъ не холодно ли вамъ, ваше сіятельство? — спросилъ штаб-ротмистръ, нагнувшись къ графинѣ; — вы мнѣ кажется извольте дрожать.

«Нѣтъ, но мнѣ страшно немножко, Петръ Авдѣевичъ,» отвѣчала графиня, «и ежели бы вы позволили прислониться къ вамъ, то мнѣ кажется, я бы меньше боялась.»

— Съ великимъ удовольствіемъ, Наталья Александровна, извольте сѣсть какъ вамъ только угодно будетъ.

Штаб-ротмистръ помогъ графинѣ податься нѣсколько назадъ, а самъ помѣстился къ ней такъ близко, что лѣвый бокъ его сдѣлался ея опоромъ.

То, что чувствовалъ Петръ Авдѣевичъ отъ легкаго прикосновенія ея сіятельства, превосходило всякое блаженство; онъ согласился бы не перемѣнять положенія во всю жизнь.

— Теперь ловко вамъ, ваше сіятельство?—спросилъ онъ, и слово «очень» прознеслось устами графини надъ самымъ его ухомъ. Петръ Авдѣвичъ забылъ про волковъ, про Пелагею Власьевну, про ружье свое, даже про поросенка, котораго, пользуясь разсыянностію штаб-ротмистра, прерывалъ дикую свою пѣсню и, притаившись въ мѣшкѣ, сталъ изрѣдка похрюкивать. Но вдругъ въ темномъ углусосняка мелькнуло нѣсколько двойныхъ фосфорическихъ огоньковъ; ихъ не замѣтилъ бы Петръ Авдѣвичъ, не замѣтила бы графиня, наблюдавшая за противоположною стороною; но замѣтилъ ихъ кучеръ Тимошка; подобравъ возжи, онъ концемъ кнута своего легионько дотронулся до барина.

Штаб-ротмистръ вздрогнулъ.

«Берегите слѣва,» шепнулъ ему Тимошка.

Забывъ на этотъ разъ самую графиню, Петръ Авдѣвичъ давнулъ ногою поросенка и, схватившись за ружье, согнулся такъ низко, что голова его коснулась колѣнь.

Едва крикъ животнаго раздался изъ мѣшка, какъ три волка однимъ прыжкомъ очутились шагахъ въ двадцати отъ куля.

— Вотъ они, вотъ они!—радостно крикнула графиня.

«Тише, ваше сіятельство!»

— Ахъ виновата, совсѣмъ забыла, но чтоже вы не стрѣляете, Петръ Авдѣвичъ? вотъ видите ли, они уходятъ.... ахъ, какъ досадно!....

Волки дѣйствительно скрылись въ опушку; поднявъ голову, штаб-ротмистръ не безъ досады сдѣлавъ графинѣ строжайшей выговоръ и заключилъ его тѣмъ, что ежели ея сіятельство и впредь станетъ кричать такъ громко, то лучше воротиться домой, а такимъ образомъ охотиться не лзя ни подъ какимъ видомъ.

Чувствуя себя виноватой, Наталья Александровна каялась отъ всей души и, взявъ Петра Авдѣвича обѣими ручками своими за руку, такъ мило испрашивала у него прощенья, что Петръ Авдѣвичъ наконецъ великодушно простилъ Наталью Александровну, и охота началась снова.

Не знаю, одарены ли волки способностію сообщать другъ другу грозящія опасности, но на разстояніи десяти слѣдующихъ верстъ, хотя голосъ поросенка и не умолкалъ ни на минуту, хотя фосфорическіе огоньки и свѣтились порою въ чащѣ опушекъ, но ни одинъ звѣрь не выбѣгалъ на дорогу и не приближался къ санямъ.

Ножки графини озябли до того наконецъ, что она принуждена была сознаться въ томъ Петру Авдѣвичу, который безъ церемоніи отыскалъ ихъ въ складкахъ шубы ея сіятельства и, переложивъ къ себѣ подъ шинель, сталъ тереть такъ усердно, что не прошло и получаса, какъ ножки свои замѣнила графиня руками, и ручки оттеръ Петръ Авдѣвичъ.

За часъ до разсвѣта, возвратились съ неудачной охоты и хозяйка и гости села Графскаго, промерзшіе до костей.

Штаб-ротмистръ, хотя и говорилъ нескладно, но не промѣнялъ бы ночь эту ни на какія другія.

Графиня, отогрѣвшись у камина, начала смѣяться, и во время ужина, поднося Петру Авдѣвичу бокаль съ шампанскимъ, поздравила его съ наступившимъ новымъ годомъ и объявила рѣшительно, что намѣрена вздѣть за волками каждую ночь.

Слушая и смотря на ея сіятельство, за неизмѣнимъ позтовъ и чопорныхъ столичныхъ дамъ, улыбался и даже зло улыбался одинъ monsieur Clément, бывшій камердинеръ покойнаго графа; но что думалъ онъ въ это время, то зналъ одинъ онъ.

Петръ Авдѣвичъ, войдя въ свою комнату, погасилъ свѣчу, которая была не нужна, потому что на дворѣ стало светло.

День новаго года, значительно сокращенный долгимъ сномъ, показался однакоже графинѣ порядочно скучнымъ. Петръ Авдѣвичъ, незамѣнимый во время катаній и волчьихъ охотъ, не имѣлъ въ особъ своей ничего такого, что заставило бы Наталью Александровну позабыть петербургскія sauteries. Впрочемъ съ гостемъ своимъ не церемонилась графиня, признавая въ немъ добраго и небезмысленнаго чловѣка; она была увѣрена, что благосклонность ея къ нему не возбудитъ въ Петрѣ Авдѣвичѣ никакого дерзновеннаго чувства; дерзновеннымъ назвала бы графиня всякое сердечное чувство ничтожнаго помѣщика къ ея сіятельству. Самая мысль о возможности быть любимому штаб-ротмистромъ не приходила на умъ графинѣ, — нужно же было что нибудь дѣлать въ селѣ Графскомъ; сидѣть одной? — тоска; читать? — на чтеніе употребляла Наталья Александровна по два часа въ день. Завести кругъ знакомства? — въ уѣздѣ съ кѣмъ на примѣръ? — съ Кочкиными? съ городничимъ, съ штатнымъ смотрителемъ? такая идея и не могла коснуться ума гра-

фини, а следовательно и Петръ Авдѣвичъ, такъ нечаянно ниспосланный судьбою, былъ истинный кладъ для села Графскаго; онъ же, сверхъ безкорыстія и доброты, обладалъ рѣдкимъ въ уѣздахъ качествомъ, былъ чельовкомъ безъ всякихъ претензій. Скажи ему графиня: «Петръ Авдѣвичъ, вы сегодня мнѣ надѣли, пойдите спать, но съ завтрашняго числа не ложитесь цѣлую недѣлю,» и Петръ Авдѣвичъ почелъ бы себя за счастье выполнить волю ея сіятельства, потому что съ перваго взгляда на ея сіятельство, онъ пересталъ думать о себѣ, о Пелагѣ Власѣвнѣ, о Костюковѣ, короче, обо всѣмъ, кромѣ графини Натальи Александровны, и когда на новый годъ графиня сказала ему: «Сосѣдь, надѣюсь, что вы ближе недѣли не увидите отъ меня!» штаб-ротмистръ пробылъ ровно недѣлю въ селѣ Графскомъ, и, уѣзжая изъ него, проклиналъ и Костюково и самаго себя. По несчастію, костюковскій помѣщикъ не догадался ни разу спросить себя: «что ты именно чувствуешь къ графинѣ? простое расположеніе, дружбу ли, наконецъ уже не то ли, что называютъ любовью? а ежели чувство твое къ ней да послѣднее, къ чему поведетъ оно тебя? какія надежды питаешь

ты, добрый, честный, но не полированный помѣщикъ ста двадцати душъ, любя ея сіятельство? или ты вѣришь сочетанію богинь съ пастухами? Нѣтъ, почтеннѣйшій Петръ Авдѣвичъ, сказалъ бы онъ самъ себя, ты возвратись въ Костюково и начни снова ѣздить къ Кочкинымъ, потому что Пелагея Власѣвна любить тебя отъ всего сердца, а ея сіятельство даже не дѣлаетъ тебѣ чести включать особу твою въ тотъ разрядъ людей, которыхъ въ ея кругу называютъ противоположнымъ ей поломъ, то есть мужчинами. Но не того мнѣнія былъ уѣздъ и даже городничій.

Тихонъ Парфеньичъ родился въ ту эпоху, гдѣ женщины съ десятио тысячами душъ предпочитали нерѣдко здоровыхъ мужей всему прочему, и по его соображеніямъ, милости графини, о которой впрочемъ онъ не имѣлъ ни какого понятія, не могли не имѣть основаній положительныхъ. Въ этомъ предположеніи утвердили Тихона Парфеньича впервыхъ частыя поѣздки штаб-ротмистра въ село Графское, во вторыхъ жеребецъ Горностаѣ, въ третьихъ ночныя катанья ея сіятельства en tête à tête съ Петромъ Авдѣвичемъ, и въ четвертыхъ новая неслыханная милость графини къ счастли-

цу, костюковскому помѣщику; последнее обстоятельство обнаружилось слѣдующимъ образомъ.

Однажды (это было въ концѣ января) вызванный снова графиней штаб-ротмистръ объявилъ ей между прочимъ въ видѣ любезности, что Костюково такъ кажется ему и скучнымъ и грязнымъ послѣ села Графскаго, что при одной мысли зажить въ немъ безвыѣздно по прежнему, онъ чувствуетъ то есть просто тошноту.

Слушая Петра Авдѣевича, Наталья Александровна невольно вспомнила о костюковской гостиной, о залѣ, о мебели, о кривыхъ полахъ, о той гримаскѣ, которую сдѣлала она невольно при видѣ костюковской парадной половины и, завязавъ украдкой на платкѣ своею узелокъ, перемѣнила разговоръ и предупредила штаб-ротмистра, что на этотъ разъ не отпустить его домой ближе двухъ недель. Когда же послѣ перваго обѣда, Петръ Авдѣевичъ, по обыкновенію своему, отправился всхрапнуть, графиня потребовала къ себѣ управляющаго. Федоръ Ивановичъ не замедлил явиться.

— Скажите мнѣ пожалуйста, господинъ Готфридъ, — сказала Наталья Александровна, — присланы ли были къ вамъ изъ Пе-

тербурга обои для того домика, что въ паркѣ?

«Какъ же, ваше сіятельство, я получилъ ихъ два года тому назадъ вмѣстѣ съ мебелью и прочими вещами,» отвѣчалъ управляющій.

— И мебель ссть? какъ я рада!

«Прислана была и матерія для обивки, ваше сіятельство.

— Безподобно, а гдѣ же это все?

«Сохраняется въ теплыхъ кладовыхъ, ваше сіятельство.

— Могу я видѣть?

«Когда приказать изволите?...»

— Сію минуту, господинъ Готфридъ, — отвѣчала графиня.

Нѣмецъ пошелъ за ключами, а графиня накинула на себя мантилью, позвала monsieur Clément и въ сопровожденіи его отправилась въ теплыя кладовыя графскаго дома.

Въ тотъ же вечеръ перенесены были изъ кладовыхъ въ домикъ парка: часть привезенной изъ Петербурга мебели, ящикъ съ обоями, кипа ковровъ и много другихъ предметовъ, тщательно уложенныхъ въ ящики и зашитыхъ клеенкою.

Въ ту же ночь къ противоположной сторонѣ парка подъѣхало нѣсколько крестьянскихъ саней въ одиночку и нѣсколько поше-

вней, запряженных тройками. Въ первый уложили мебель и прочія вещи, на вторыя помѣстились разнаго рода мастеровые, а къ свѣту и слѣдъ ихъ замело снѣгомъ.

Въ послѣдующіе дни графиня была весела какъ дитя; Петръ Авдѣвичъ превзошелъ себя въ изобрѣтеніи новыхъ удовольствій; онъ устроилъ въ саду ледяную гору; на пруду рысистый быкъ и скачку тройками, въ полѣ охоту на куронокъ, и только въ комнатахъ по вечерамъ оказывалось воображеніе его совершенно бесплоднымъ; за то въ это время приходила къ нему на помощь графиня, которая то учила штаб-ротмистра пѣть русскіе романсы, то играла съ нимъ въ дураки, короче дѣлала въ свою очередь все, чтобы сократить гостю самую скучную для него часть дня.

Промчались и эти двѣ недѣли восхитительно для штаб-ротмистра и не совсѣмъ скучно для графини; наступилъ вечеръ отъѣзда костюковскаго помѣщика; онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ возсѣлъ на сани свои, и насмурный, какъ темная ночь, помчался въ Костюково Колодезь тожъ.

Много названій даютъ люди сердечнымъ чувствамъ нашимъ, но къ настоящему чувству, господствовавшему въ сердцѣ Петра

Авдѣвича, не подошло бы ни одно изъ этихъ названій; преданность его къ Натальѣ Александровнѣ выросла такъ высоко, что въ разлукѣ съ графинею онъ не считалъ себя болѣе въ живыхъ; вся прошедшая жизнь его какъ бы не существовала: штаб-ротмистръ не возвращался мысленно назадъ; настоящее употреблялъ онъ въ селѣ Графскомъ на изобрѣтеніе забавъ для графини, а о будущемъ и думать не смѣлъ; оставались для него промежутки, или тѣ дни, тѣ мучительные дни, которые принадлежали Костюкову; промежутки эти, все-таки ради графини, посвящалъ Петръ Авдѣвичъ на искаженіе французскаго нарѣчія, на наполненіе собственной памяти такими словами, которыя могъ понимать развѣ одинъ онъ, да рыжій господинъ его учитель, и то потому только, что не произносилъ четвертой части буквъ.

Что бы стоило, кажется, Костюкову сгорѣть до-тла, думалъ самъ про себя штаб-ротмистръ, подвѣзая къ усадьбѣ своей, тогда я могъ бы, придравшись къ этому, погостить подолеѣ у графини.

Но бѣдный костюковскій домикъ не только не раздѣлялъ желаній своего обладателя, а блестя въ издали словно цвѣтнѣйшій фонарикъ.

— Баринъ, а баринъ! — произнесъ наконецъ молчавшій во всю дорогу Тимошка, — мнѣ мерещится, что въ домъ-то нашемъ не ладно!

«А что ты видишь?»

— Больно светло въ немъ, поглядите-ка въ окнахъ какой свѣтъ; кому бы кажется тышиться безъ насъ?

«Не поджегъ ли чего спяна Уляшка?» замѣтилъ хладнокровно Петръ Авдѣвичъ.

— Нѣтъ, баринъ, на пожаръ не походить; поджегъ бы Уляшка, горѣть бы дому однимъ огнемъ, а то извольте сами взглянуть: въ однихъ окнахъ синее пламя, въ другихъ алое, чудно что-то! ужъ не чертовщина ли какая? съ нами крестная сила!

«Кой прахъ, въдь точно синѣется что-то въ залъ», проговорилъ штаб-ротмистръ, пристально всматриваясь въ окна своего домика, «пошолъ же поскорѣе! дождемъ, увидимъ.»

Тутъ пробѣжавшая роца скрыла на время и домъ и усадьбу Костюкова, а чрезъ минуту страхъ Тимошки превратился въ удивленіе, а недоразумѣніе господина его въ какое-то неизъяснимое чувство, отчасти восторженное, а отчасти грустное.

Бѣдное жилище покойнаго Авдѣя Петро-

вича преобразовалось какъ бы волшебствомъ въ прекрасное, даже роскошное жилище холостаго человека; недавно черноватая стѣны, изпещренныя шелями, покрылись разноцвѣтными бумажками, мѣсто кривыхъ стульевъ и треногихъ дивановъ замѣнила покойная мягкая мебель; стѣны увѣсили картинами, изображавшими всѣвозможныя охоты, а въ кабинетъ своемъ нашель Петръ Авдѣвичъ часть графскаго арсенала; зажженныя карсели разливали въ комнатахъ тотъ яркій свѣтъ, который принять былъ Петромъ Авдѣвичемъ за пожаръ, причиненный пьянымъ Уляшкою, а Тимошкой за чертовщину.

Остановясь у порога залы, Петръ Авдѣвичъ взглянулъ на происшедшій въ домикъ его чудеса и вздохнулъ глубоко. Потомъ пройдя медленными шагами весь недлинный рядъ своихъ комнатъ, онъ въ кабинетъ увидѣлъ знакомое оружіе и, вздохнувъ вторично, сѣлъ въ кресло; въ это время слѣдовавшій за нимъ Кондратій Егоровъ подалъ ему письмо. Петръ Авдѣвичъ, всетаки молча, распечаталъ пакетъ и прочелъ слѣдующія строки:

«Ежели капризъ мой приведетъ сосѣда и друга моего въ негодованіе, то требую; что-

бы онъ немедленно явился ко мнѣ для объясненія.

Наталья Бѣлорыцкая.»

Штаб-ротмистръ пощлывал украдкою записку графини, положилъ ее въ карманъ и, найдя въ кабинетѣ своемъ все нужное для письма, принялся отвѣчать; отвѣтъ Петра Авдѣевича былъ и коротокъ и далеко не замысловатъ: написалъ онъ его безъ предварительныхъ соображеній; вотъ онъ:

«Ваше Сіятельство»

«На капризы негодовать долго нельзя; они скоро проходятъ, но то, что чувствую я, отвѣчаю вамъ, едва ли пройдетъ когда нибудь.»

Этотъ отвѣтъ повезъ въ село Графское кучеръ Тимошка, а привезъ онъ штаб-ротмистру приказъ ея сіятельства не забывать ее на долго.

Оставимъ на время и село Графское и Костюково и графиню съ Петромъ Авдѣевичемъ, а заглянемъ въ давно забытое нами и Петромъ Авдѣевичемъ село Сорочкѣ.

Героиня разсказа нашего Пелагея Власьевна Кочкина употребила первое время одиночества своего на ежeminутное ожиданіе штаб-ротмистра. Больше, чѣмъ увѣренная въ неизмѣнности чувствъ къ ней любимаго ею

человѣка, она сначала приписывала долгую отлучку его нездоровью, дѣламъ и тысячъ другихъ причинъ, изъ которыхъ, какъ это, случается всегда ни одна не подходила къ истинной.

Пелагея Власьевна, не смотря на стужу, надѣвала попеременно то розовое, то кисейное, то вердепешевое платье и ежедневно въ легкомъ шерстяномъ мантио выходила на большой проселокъ, прислушивалась къ малѣйшему шороху, улыбалась всякой проезжавшей тройкѣ, но тройка эта обыкновенно не свертывала на сторону, а продолжала преспокойно путь свой и везла незнакомаго лица.

«Онъ вѣрно будетъ къ рождественскому сочельнику, думала Пелагея Власьевна, но сочельникъ прошелъ, а Петра Авдѣевича не было. Елизавета Парфеновна посоветовала дочери своей погадать для забавы и, выливъ расплавленное олово въ стаканъ, наполненный снѣгомъ, и мать и дочь съ неизъяснимымъ безпокойствомъ стали разсматривать на тѣни, какую судьбу предрекаетъ имъ фантастически вылившійся металлъ. Но узорчатый результатъ гаданья бросалъ на стѣну то профиль развѣсистаго куста, то очеркъ Пиренейскаго Полуострова,

но ничего похожаго на скорый брак Пелагеи Власьевны съ Петромъ Авдѣевичемъ не рисовалось на грубо обтесанныхъ бревнахъ простѣнка. Къ новому году онъ будетъ непременно, повторяла довольно часто Елизавета Парфеновна, которая впрочемъ повторяла это болѣе для утѣшенія дочери, чѣмъ вслѣдствіе собственнаго убѣжденія.

Наступилъ и новый годъ; явился въ Сорочки съ поздравленіемъ, но все-таки не Петръ Авдѣевичъ, а Дмитрій Лукьяновичъ, ненавистный сердцу Пелагеи Власьевны. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ какъ будто удивился, что дамы встречаютъ новый годъ въ такомъ одиночествѣ.

— Кому же быть у насъ въ этотъ день? — замѣтила вдова, — чай всякій проводитъ праздникъ этотъ у себя.

«Справедливо, Лизавета Парфеновна,» отвѣчалъ смотритель, «о женатыхъ и семейныхъ людяхъ я не говорю, но нашему брату одинокому....»

— Вы и посѣтили насъ, Дмитрій Лукьяновичъ, спасибо вамъ.

«Я — да; но почему же бы и сосѣдямъ вашимъ, хоть бы Петру Авдѣичу на примѣръ?»

— Онъ вѣрно боленъ, — замѣтила Пелагея Власьевна, покраснѣвъ.

«Онъ? не полагаю.»

— Что же съ нимъ?

«Съ нимъ?» повторилъ смотритель, покачиваясь на своемъ стулѣ, «съ нимъ, Пелагея Власьевна, произошли, говорятъ, большія перемѣны.»

— Перемѣны?

«Да-съ, штаб-ротмистръ нашъ предался изученію иностранныхъ языковъ.»

«Вы шутите, Дмитрій Лукьяновичъ?» спросила съ недоувѣрчивостію вдова.

— Ни мало-съ, боюсь! очень недавно Петръ Авдѣичъ лично самъ пріѣзжалъ посоветоваться ко мнѣ, къ какому способу прибѣгнуть, для скорѣйшаго достиженія полнаго познанія французскаго нарѣчія, и по моему же совѣту приговорилъ на счетъ уроковъ одного изъ учителей подвластнаго мнѣ заведенія.

«Но это чудеса, но это непостижимо, Дмитрій Лукьяновичъ, начинать учиться въ эти годы, и на что? и за чѣмъ? и для кого?»

— Мы и сами ничего не понимаемъ, Елизавета Парфеновна, конечно носятся разные слухи....

«О Петръ Авдѣичъ?»

— Именно-съ о немъ, но слухамъ городскимъ вѣрить не должно.

«А какіе слухи?» спросила вдова съ увеличивающимся безпокойствомъ.

— Толкують, — продолжалъ смотритель, — что штаб-ротмистръ сошелся вновь съ одной изъ давнишнихъ знакомокъ своихъ, такъ по русски-то не очень разговоришься при свидѣтеляхъ о вещахъ, собственно до ихъ личности касающихся; по этой причинѣ....

«Позвольте вамъ сказать, Дмитрій Лукьянычъ,» перебила Елизавета Парфеновна, «что это подлинно городскіе толки, попросту сплетни. Какая знакомая? и можетъ ли быть, чтобы не зналъ никто о пріѣздѣ въ уѣздъ новаго лица?»

— Не ужели же вы, Елизавета Парфеновна, не слышали о пріѣздѣ графини Бьлорьцкой?

«Ужъ не графиня ли, по вашему, старая знакомка Петра Авдѣича?» спросила вдова насмѣшливо.

— Такъ говорить!

«Сплетни, Дмитрій Лукьянычъ, чистыя сплетни.»

— Не знаю-съ.

«Я вамъ говорю, что сплетни!»

— Ничего не знаю-съ.

«Статочное ли дѣло, чтобы знатная графиня Бьлорьцкая унизила себя до такого анекдота? присягните, никто не повѣритъ.»

— Такъ, по какому же случаю, живеть у нея безвѣздно сосѣдъ вашъ, Елизавета Парфеновна?

«И это выдумка.»

— Нѣтъ, ужъ извините, это не выдумка, а правда.

«Вздоръ, Дмитрій Лукьянычъ, вздоръ.»

— Истина, неопровержимая истина, Елизавета Парфеновна, самъ братецъ вашъ подтвердитъ, что графиня изъ Петербурга сдѣлала, Богъ знаетъ, какой кругъ, чтобы скорѣе повидаться съ штаб-ротмистромъ, съ которымъ знакома была еще до замужства своего; а теперь овдовѣла, никто не мѣшаетъ, она и шнырь въ Костюково, и ночевала тамъ, вотъ что, Елизавета Парфеновна, а говорить можно: «вздоръ,» говорить что хочешь можно.

Слушая внимательно штатнаго смотрителя, вдова покойнаго судьи и не замѣтила, что Пелагея Власѣвна чуть усидѣла на креслѣ, что свеженькое личико бѣдной дѣвушки покрылось смертною блѣдностью, а на глазахъ выступили двѣ крупныя слезы,

которых не смѣла вытереть Пелагея Власьева; улуча удобную минуту, она поспѣшно встала и вышла, шатаясь, какъ въ угарь.

Если бы въ умъ племянницы городничаго и затаилась хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ истинны сказаннаго Дмитріемъ Лукьяновичемъ, то сомнѣніе это не долго могло служить ей утѣшеніемъ. На слѣдующій день прибыль въ Сорочкѣ Тихонъ Парфеньичъ; достаточно было взглянуть на суровое лицо его, чтобы убѣдиться въ истиннѣ словъ штабнаго зрителя. Городничій безъ околичности повторилъ все слышанное о штаб-ротмистрѣ, и прибавилъ, что Петръ Авдѣевичъ и знать ихъ больше не хочетъ, и что ему теперь въ какихъ нибудь нищихъ, когда богатая графиня сходить по немъ съ ума; да на все приданое Полинки не купишь половины такого жеребца, какаго подарила ея сіятельство Петру Авдѣевичу; то ли еще будетъ, когда окончится годовой трауръ! И по совѣсти не понималъ Тихонъ Парфеньичъ, почему бы Петру Авдѣевичу не сдѣлаться мужемъ графини и чѣмъ онъ ей не пара? Ростомъ и пригожествомъ штаб-ротмистръ молодецъ; фамилія Мунабы-Полевелова старинная; не богатъ Петръ Авдѣевичъ, зато у графини десять тысячъ душъ, будетъ съ

обоихъ; за чинами же дѣло не станеть, коли пойдетъ служить и сенаторомъ будетъ. «А ты, милая,» прибавилъ Тихонъ Парфеньичъ, обратившись къ племянницѣ, «не рюми, слезами графинено не сдѣлаешя, да выбей-ка себѣ изъ головы всякія аллегоріи, женихъ Петръ Авдѣевичъ не послѣдній на свѣтъ, пошлетъ Богъ судьбу, будешь счастлива и за другимъ! Богъ сиротъ не оставляетъ.»

Городничій нѣсколько разъ съ нѣжностью поцѣловалъ племянницу свою въ лобъ, приговаривая: «что же ты будешь дѣлать, что же ты будешь дѣлать?» а племянница въ это время, закрывъ лицо свое руками, всхлипывала, и слезы ея десятью ручьями лились на полъ.

Въ тотъ самый часъ, когда ея сіятельство графиня Наталья Александровна садилась въ сани съ Петромъ Авдѣевичемъ у крыльца замка своего и отправлялась въ первый разъ на волчью охоту, Пелагея Власьева Кочкина подошла рыдая къ ручкѣ матери своей, поздравляя ее съ наступившимъ новымъ годомъ; а въ ту минуту, когда на другой день Пелагея Власьева, выслушавъ расказъ дяди своего о вѣроломствѣ жениха, силилась руками удержать слезы, глаза жениха ея были

сомкнуты сладчайшимъ сномъ, рисовавшимъ штаб-ротмистру и волковъ и арсеналь графини и самую графиню во всевозможныхъ образахъ.

Вскорѣ въ уѣздъ къ слышаннымъ нами вѣстямъ не замедлила присоединиться и вѣсть о преобразованіи костюковской гнилушки (такъ называлъ городничій домъ Петра Авдѣевича) въ богатый чертогъ.

При первомъ свиданіи съ графинею, по превращеніи костюковского домика, штаб-ротмистръ попытался-было начать благодарственную рѣчь; но бѣленькая ручка графини преграціозно зажала ему ротъ и премило заставила молчать.

«Вы не знаете, несправимый ворчунъ, что хорошенькимъ женщинамъ позволяется и прощается все на свѣтъ,» сказала графиня; «и кто вамъ говоритъ, что фантазіи мои относятся къ вашему лицу? ни мало; я вспомнила о Костюковѣ вашемъ, вовсе не думая о васъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мнѣ случится еще разъ сбиться съ дороги и провести въ немъ цѣлую ночь, а какъ домикъ, по небрежности хозяина, былъ въ большомъ безпорядкѣ, — вы въ этомъ согласитесь со мною, — то и приказала я сдѣлать изъ него, что можно.»

— Ежели такъ, ваше сіятельство, то съ этого времени костюковскій домикъ принадлежитъ вамъ и я останусь въ немъ сторожемъ, — отвѣчалъ штаб-ротмистръ.

«Согласна, Петръ Авдѣевичъ.»

— Этого мало, ваше сіятельство, я переберусь во флигель, чтобы присутствіемъ моимъ не водворить того безпорядка, который нашли вы въ моемъ жилищѣ.

«Какъ хотите, сосѣдь; но полно говорить о Костюковѣ и скажите мнѣ лучше, что располагаете вы дѣлать съ собою?..»

— Когда, ваше сіятельство?

«Всегда; я говорю про ваши планы, про будущность вашу?»

— А что же дѣлать прикажите? пока ваше сіятельство здѣсь, я буду жить, какъ только можно долѣе при васъ; а уѣдете вы, мнѣ тогда не все ли равно, что бы со мною ни случилось?...

«Все это очень любезно, сосѣдь,» замѣтила, смѣясь, графиня, «но я серьезно желала бы знать, къ какой цѣли приготавливаете вы себя, и неужели въ ваши годы человекъ можетъ обречь свою особу на вѣчное заточеніе въ глуши, подобной Костюкову?....»

— Повторяю, ваше сіятельство, что никакихъ плановъ то есть не дѣлаю и дѣлать

не смью, и может ли нашъ братъ надѣяться на что нибудь, или на кого нибудь?

«Прекрасно, Петръ Авдѣвичъ, и очень пріятно слышать подобный отзывъ одрузьяхъ вашихъ, на которыхъ, какъ вы говорите, надѣяться, не лзя...»

— Но неужели же ваше сіятельство думаете, что я довольно глупъ, чтобы смѣть считать васъ моимъ другомъ?

«Опять, сосѣдь!»

— Повторю тысячу разъ!

«А я повторю во второй, что запрещаю вамъ включать меня въ число прочихъ и прошу знать, что ежели кто нибудь имѣлъ случай мнѣ понравиться, то для того истинному участію моему нѣтъ границъ; слышите ли, несносный человѣкъ?»

— Слушаю и не пересталъ бы слушать, ваше сіятельство.

«Тѣмъ лучше; потому что мнѣ остается сказать вамъ многое и, чтобы не позабыть, я выскажу это все сей часъ; впервыхъ, сосѣдь,» продолжала графиня, «вы еще молоды, не дурны собою...»

— Ваше сіятельство?

«Молчите и не прерывайте меня, иначе разсержусь пресерьезно.»

— Слушаю-сь!

«Повторяю, что вы очень не дурны собою,» сказала графиня, «умны и благородны, а что всего важнѣе, добры чрезвычайно и можете всякую женщину сдѣлать счастливою. Положимъ, Петръ Авдѣвичъ, что состояніе ваше можетъ служить препятствіемъ къ женитбѣ по любви на бѣдной дѣвушкѣ; но любовь проходитъ и продолжительная дружба, вѣрьте мнѣ, прочнѣе въ супружествѣ всѣхъ прочихъ чувствъ. Который вамъ годъ, сосѣдь?...»

— Мнѣ, ваше сіятельство; въ день святаго архистратига Михаила минеть двадцать девять...

«Двадцать девять только?» повторила графиня; «ну, а скажите откровенно, Петръ Авдѣвичъ, стара ли бы я была для васъ?... мнѣ двадцать четыре...»

— То есть какъ это для меня?... — спросилъ съ недоумвнѣемъ штаб-ротмистръ.

«Согласились ли бы вы имѣть женою своею женщину подобную мнѣ? точно такихъ лѣтъ и не бѣдную, разумѣется?»

Вмѣсто отвѣта Петръ Авдѣвичъ потерь себя лобъ.

— Что вы не отвѣчаете, сосѣдь?

Петръ Авдѣвичъ опустилъ руку, поднялъ другую, потерь себя лобъ снова, не

переставая смотреть на графиню самыми странными глазами.

— Понимаю; невеста двадцати четырех леть стара для васъ, — замѣтила Наталья Александровна, улыбаясь.

«Вы были такъ долго добры ко мнѣ,» проговорилъ наконецъ протяжно костюковскій помѣщикъ, «а теперь опять начинаете смѣяться надо мною; за что же бы, ваше сіятельство?...»

— Отъ чего вы думаете, что я смѣюсь надъ вами?

«Богъ васъ накажетъ,» прибавилъ штаб-ротмистръ съ глубокимъ вздохомъ.

— Вы съ ума сошли сосѣдъ; что съ вами дѣлается? — воскликнула графиня съ нетерпѣніемъ.

«Дивлюсь, что не совсѣмъ сошелъ еще, потому что вы, ваше сіятельство, кажется, этого желаете; для чего бы говорить... вамъ.... мнѣ про... такія вещи несбыточныя....»

— Я говорю, что чувствую и въ чемъ убѣждена.

«То, что чувствуете вы?...»

— Клянусь вамъ, мой добрый сосѣдъ.

«И все это не шутка, не насмѣшка?...»

— А такъ не шутка и не насмѣшка, что

ежели вы согласитесь выполнить советъ мой, то за ваше будущее счастье ручаюсь вамъ я!..

«Какою же цѣною можетъ купить ничтожный сосѣдъ вашего сіятельства то счастье, которое предлагаете вы ему такъ великодушно?» сказалъ несчастный штаб-ротмистръ, бросаясь на колѣни.

— Что вы, что вы?... встаньте ради Бога, — воскликнула графиня, все еще смѣясь, но уже не на шутку испуганная странностію своего сосѣда.

«Нѣтъ мнѣ лучше такъ!»

— Но мнѣ не лучше.

Штаб-ротмистръ всталъ и молча ушелъ на прежнее мѣсто, а графиня, никакъ не понимая, что съ нимъ сдѣлалось, приписала неожиданный порывъ Петра Авдѣевича его странностямъ, ей еще не знакомымъ, а для избѣжанія повторенія подобныхъ сценъ, она рѣшилась окончить скорѣе разговоръ, по видимому, слишкомъ раздражительный для чувствительнаго сердца штаб-ротмистра.

— Короче, сосѣдъ, — сказала графиня, — разговоръ этотъ возобновимъ мы нѣ здѣсь, а въ Петербургъ, куда прошу, а ежели этого мало, приказываю вамъ непременно явиться къ свѣтлому празднику; къ тому времени мой трауръ конченъ и я свободна.

Графиня не мыслала бы прибавить, что, скинувъ черное платье, она возвратится въ свѣтъ и постарается сама, ежели не забудеть, или поручить кому нибудь поискать невесту для своего добраго деревенскаго сосяда. Если бы графиня высказала всю мысль свою, то бѣдный Петръ Авдѣевичъ не сталъ бы тереть себѣ лба до самаго вечера, а въ полночь не пошелъ бы въ конюшню и не приказалъ бы Тимошкѣ выпустить изъ жиль своихъ фунтовъ шесть крови. Съ штаб-ротмистромъ чуть не сдѣлался параличъ и сдѣлался бы онъ отъ того только, что, по врожденной простотѣ своей, костюковскій помѣщикъ принялъ слова ея сіятельства совершенно въ превратномъ смыслѣ; какъ же принялъ костюковскій помѣщикъ слова ея сіятельства, то мы объяснимъ ниже.

Приписавъ перевязку руки своей нечаянному ушибу, Петръ Авдѣевичъ скрылъ на другой день отъ графини полуночное кровопусканіе, а говоря съ нею, придавалъ взорамъ своимъ то меланхолически - сладкое выраженіе, котораго не придавалъ имъ прежде.

Последующіе дни и недѣли проводились въ селѣ Графскомъ по программѣ, разъ начертанной; катанье въ саняхъ смѣнялось

катаньемъ съ горъ; по ночамъ охота за волками, по вечерамъ игра въ дураки и пѣніе.

Такого роду образъ жизни казался раемъ для Петра Авдѣевича; онъ готовъ бы былъ провести такъ цѣлый вѣкъ; но увы! деревенскія забавы эти съ каждымъ днемъ теряли прелесть новизны въ глазахъ графини.

Дважды въ недѣлю привозила ей петербургская почта кипы журналовъ, пакетъ писемъ и въ нихъ полный отчетъ въ столичныхъ наслажденіяхъ; сколько блестящихъ баловъ и праздниковъ дала столица безъ графини, сколько новыхъ впечатлѣній сдѣлано другими женщинами на умы ея обожаемыхъ, и какъ скоро забываетъ свѣтъ отсутствующихъ! Последняя мысль наводила на прекрасный ротикъ Натальи Александровны горькую, едва замѣтную улыбку; «пора домой!» начинала говорить иногда сама себѣ Наталья Александровна, но, по счастью, словъ этихъ не слышалъ штаб-ротмистръ.

Прошелъ весь генварь, часть февраля; морозы значительно уменьшились, а съ ними и ночныя охоты стали повторяться рѣже; къ этому лишению присоединилась порча ледяныхъ горъ, видимо уменьшавшихся отъ теплой погоды.

Навѣщая изрѣдка Костюково, штаб-ротмистръ съвзжался въ немъ съ рыжимъ господиномъ и поражалъ его успѣхами, отъ которыхъ преподаватель только что не приходилъ въ отчаяніе. Петръ Авдѣвичъ началъ понимать нѣкоторыя слова, произносимыя ею сіятельствомъ, не смотря на то, что ея сіятельство за исключеніемъ буквы г произносила всѣ прочія правильно, а изъ подобнаго быстрого изученія французскаго нарѣчія ученикомъ, не явствовало ли для учителя, что въ скоромъ времени костюковская провизія и дрова стануть оставаться въ Костюковѣ; сверхъ того, рыжій господинъ терялъ съ Петромъ Авдѣвичемъ послѣднюю практику, ибо въ учебномъ заведеніи, подчиненномъ Дмитрію Лукьяновичу, онъ преподавалъ не это нарѣчіе, а ариметику.

Не замѣчая переменны, происшедшей въ штаб-ротмистръ и думая болѣе объ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ, чѣмъ обо всемъ, касающемся до села Графскаго и всѣхъ его принадлежностей, графиня Наталья Александровна, хотя и продолжала по прежнему оказывать благосклонность къ Петру Авдѣвичу, но глазъ болѣе опытный легко замѣтилъ бы, что ясныя дни штаб-ротмистра въ селѣ Графскомъ начинали про-

ходить, и что мысли ея сіятельства получили совершенно новое направленіе; она не жила уже въ своемъ Графскомъ, а доживала въ немъ урочный срокъ; и то, что за мѣсяцъ служило забавой ея сіятельству, въ настоящее время ей казалось скучнымъ, томительнымъ. Предлагалъ ли штаб-ротмистръ полуночную охоту или просто прогулку въ саяхъ, графиня не говорила болѣе: «ахъ, какъ это весело!» а просила сосѣда ѣхать безъ нея, отговариваясь то головною болью, то усталостью; случалось ли Петру Авдѣвичу оставаться въ Костюковѣ лишній день, сверхъ назначеннаго ею сіятельствомъ срока, не являлось за нимъ болѣе посланныхъ, не писалось записокъ; и будь на мѣсть штаб-ротмистра другой, кто бы онъ ни былъ, всѣ эти отступленія графини отъ недавнихъ привычекъ, привели бы его въ отчаяніе.

Отъ чего же не приходилъ въ отчаяніе костюковскій помѣщикъ? или не остыла ли въ немъ страсть къ обожаемой имъ Натальѣ Александровнѣ? нѣтъ, но великодушная графиня не сама ли отложила счастье его до окончанія траура, а разъ увѣренный въ этомъ счастьи, не долженъ ли бы Петръ Авдѣвичъ, какъ благородный и деликат-

ный человекъ, вооружившись терпѣнiемъ, ждаль свѣтлаго прѣзднака, а до свѣтлаго прѣзднака, говорилъ самъ себѣ, понизивъ голосъ Петръ Авдѣвичъ: «ни гугу!» и, говоря это, онъ обыкновенно прищуриваль правый глазъ свой и, поднявъ кверху правую руку, грозилъ себѣ указательнымъ пальцемъ. Счастливецъ!

Прошла масляница, наступилъ великій постъ, раздался ежедневный протяжный звонъ сельскихъ колоколовъ, повеселяла окрестность и первая пѣсня жаворонка отозвалась въ сердцахъ поселянъ какою-то неизвѣстною радостію; блеснуло наконецъ и мартовское солнце, растопились лучами его крещенскіе алмазы, сбросили льса свои бѣлые саваны и тысячи ручьевъ, журча и пѣнясь, побѣжали по всемъ направленіямъ.

Проснувшись однажды ранѣе обыкновеннаго, графиня Наталья Александровна взглянула въ окно и, ахнувъ, приказала тотчасъ же позвать къ себѣ monsieur Clément. «Nous partons aujourd'hui,» сказала ему графиня.

— Oui, madame la comtesse, — отвѣчалъ Французъ, и чрезъ пять минутъ въ сель Графскомъ поднялась страшная суета; какъ сумасшедшій бросаема въ все стороны господинъ Готфридъ; на крикъ его сбѣгалась

многочисленная дворня, таскала чемоданы, сундуки, ящики, лазила на имперіалы подвезенныхъ экипажей и къ полудню разбрелась по угламъ, остави у главнаго подъезда палатъ знакомыя намъ графинину карету и кибитку, запряженныя семериками точно въ такомъ видѣ, въ какомъ встрѣтили ихъ три мѣсяца назадъ штаб-ротмистръ на перекресткѣ двухъ дорогъ.

— Уже, ваше сіятельство? — спросилъ у графини Петръ Авдѣвичъ печально.

«Пора, соседъ,» отвѣчала Наталья Александровна.

— Но зачѣмъ же такъ спѣшить?

«Взгляните въ окно, весна.»

— Весна далеко, — замѣтилъ костюковскій помѣщикъ, вздыхая, — да почему бы вашему сіятельству не пробыть до лѣтняго пути?...

«О нѣтъ ни за что,» воскликнула графиня, смѣясь, «домой пора, Петръ Авдѣвичъ, тамъ ждуть меня родные, друзья, а здѣсь становится скучно.»

Конечно простъ былъ штаб-ротмистръ, когда и эта фраза не раскрыла ему глазъ; нѣтъ, онъ только пожалъ плечами, потеръ себѣ лобъ и вздохнулъ вторично.

«Впрочемъ,» прибавила графиня, «я надѣ-

юсъ скоро видѣть васъ въ Петербургъ и увѣрена, что вы, сосѣдь, не забыли нашихъ условій.»

— Умру развѣ, такъ забуду, ваше сіятельство.

«То-то же, Петръ Авдѣевичъ, не заживайте въ Костюковъ.»

— Провались оно совсѣмъ, — подумалъ штаб-ротмистръ.

«И ежели по хозяйству вашему,» продолжала Наталья Александровна, «понадобится вамъ что нибудь, то знайте, что управляющему моему отдано приказаніе.»

— Какое приказаніе, ваше сіятельство?

«Я не люблю этого тона,» воскликнула графиня, грозя пальчикомъ, «вы забыли, что костюковскій домикъ принадлежитъ мнѣ, сосѣдь.»

— О, вамъ, конечно вамъ, ваше сіятельство, и все, что въ Костюковъ, ваше.

«Тѣмъ болѣе должны бы вы не возражать, а слушать, что я приказываю.»

— Виновать.

«Прощаю въ послѣдній разъ и повторю, что ежели бы кому-нибудь въ Костюковъ понадобилось что-нибудь, то приказываю тому обратиться къ Готфриду, — понимаете?»

— Это слишкомъ, — замѣтилъ штаб-ротмистръ.

«Что вы говорите?»

— Я говорю, что это уже слишкомъ милостиво, ваше сіятельство.

«Петръ Авдѣевичъ! я запрещаю вамъ прѣзжать въ Петербургъ.»

— Графиня!

«Я болѣе не знакома съ вами, Петръ Авдѣевичъ.»

— Ваше сіятельство! — завопилъ, сплеснувъ руками Петръ Авдѣевичъ, — не только свято исполню волю вашу, но потребуйте, ну чтобы такое?

«Такъ лучше, сосѣдь, и предупреждаю васъ впередъ, что съ капризными существами, подобными мнѣ, можетъ только ладить и ужиться тотъ, кто послушенъ какъ ребенокъ; будьте же ребенкомъ, Петръ Авдѣевичъ, и до свиданья.»

— Прощайте, прощайте, ваше сіятельство, — проговорилъ дрожащимъ голосомъ костюковскій помѣщикъ, цѣлуя протянутую ему ручку; онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но не могъ, слезы душили его, а графиня, какъ бы не замѣчая ихъ, вышла уже изъ комнаты. У кареты простился еще разъ Петръ Авдѣевичъ съ ея сіятельствомъ и....

она уѣхала, а онъ, простоявъ минутъ съ десять на дворъ, вытеръ украдкою глаза своимъ клѣтчатымъ синимъ платкомъ и возвратился въ прихожую; онъ не пошелъ далѣе: у стѣнъ прихожей стояли дубовыя лакированныя скамьи и на одну изъ нихъ усѣлся онъ и проплакалъ еще съ полчаса, какъ плачуть мужчины.

Тяжка разлука съ родными, съ близкими, но съ тою, кого любишь безотчетно, страстно, разлука похожа на адъ со всѣми его терзаніями, и это вполне испыталъ Петръ Авдѣвичъ; графиню Наталью Александровну любилъ онъ, какъ любили, вѣроятно, первые люди, чувствомъ полнымъ, сердцемъ неизсушеннымъ тѣми мимолетными ощущеніями, къ которымъ прибѣгаютъ люди нашего вѣка, какъ къ лекарству отъ скуки; на женщинъ не смотрѣлъ еще штаб-ротмистръ глазами пресыщенія, въ любви ихъ видѣлъ онъ не прихоть, а высшее благо! Графиня соединяла въ своей особѣ слишкомъ много совершенствъ, чтобы не поработить, въ одно время, какъ нравственныхъ, такъ и чувственныхъ способностей своего бѣднаго сосѣда.

Выплакавъ въ прихожей горе свое, штаб-ротмистръ набросилъ на себя шинель, вы-

шелъ, никѣмъ незамѣченный, изъ великолѣпныхъ палатъ графини, и, не оглядываясь, дошелъ до конюшенъ; тамъ, отыскивая Тимошку, Петръ Авдѣвичъ приказалъ ему запрячь скорѣе сани свои и, бросивъ въ нихъ чемоданъ, приказалъ гнать лошадей до самаго Костюкова.

Многое и многое передумалъ герой нашъ во время пути своего; онъ не замѣтилъ ни поворота къ селу Сорочкамъ, ни двухъ женщинъ, стоявшихъ неподвижно у самаго поворота, ни даже того, что одна изъ этихъ женщинъ была Пелагея Власевна, бѣдная и исхудалая; не узжай графиня въ полдень, штаб-ротмистръ проѣхалъ бы Сорочки, но обыкновенію своему, вечеромъ, и женщины, стоявшія у поворота, не стояли бы тамъ потому, что Пелагея Власевна не выходила изъ дому позже сумерекъ.

Въ Костюковъ Петръ Авдѣвичъ снова посоветовался съ Тимошкой, не метнуть ли руду? но Тимошка объявилъ, что кладъ была бы пользительнѣе, и кладъ эту составилъ Тимошка для господина своего собственными руками.

Какое бы горе ни удручало насъ, а по прошествіи ночи, на утро тоже горе кажется обыкновенно нѣсколько споснѣе; при-

выкаеть ли мысль наша къ нему, или разсудокъ беретъ верхъ надъ нервами, какъ бы то ни было, но на утро слѣдующаго дня штаб-ротмистръ напился чаю не безъ удовольствія и осмотрѣлъ оружейную свою съ бѣльшимъ противъ прежняго вниманіемъ. При осмотрѣ этомъ присутствовали Кондратій Егоровъ съ сыномъ своимъ Ульяномъ Кондратьевымъ; но прикасался къ оружію одинъ господинъ, тогда какъ слуги ограничивали удивленіе свое однимъ вытягиваніемъ шей и почтительными междометіями.

Не стану распространяться о житье-бытьѣ штаб-ротмистра въ Костюковъ, по отъѣздѣ графини; житье-бытьѣ его не представляетъ ровно ничего интереснаго. Въ грустныя минуты свѣтлый праздникъ приходилъ Петру Авдѣвичу на умъ, и при этой мысли всѣ черныя думы отлетали; и чѣмъ больше соображалъ и думалъ костюковскій помѣщикъ о послѣднихъ сношеніяхъ своихъ съ ея сіятельствомъ, тѣмъ больше утверждался онъ въ надеждѣ (кто бы подумалъ?) сдѣлаться ея супругомъ. Къ чему бы говорить было ей, что онъ не дуренъ собой, уменъ, добръ и можетъ составить счастье всякой женщины? Къ чему спрашивала гра-

финя объ его лѣтахъ, и не явно ли предлагала себя въ невѣсты? а окончаніе траура? а неоднократный призывъ въ Петербургъ? а приказъ, отданный управляющему, удовлетворять всѣмъ нуждамъ штаб-ротмистра, приказъ, которымъ онъ, штаб-ротмистръ, разумеется, никогда не рѣшился бы воспользоваться. «Однако же», подумалъ Петръ Авдѣвичъ, «праздникъ не за горами, поѣхать въ Петербургъ легко тому, у кого въ карманѣ тысяча пятокъ; у кого же ихъ нѣтъ, нужно достать, а какимъ способомъ послать опять за жидомъ? да что у него возмешь? сотню, другую и тѣ есть ли полно? и есть, такъ на прогоны не достанетъ; пріѣдешь въ Питеръ, потребуется партикулярное платье, шляпа цѣлковыхъ въ три, чего добраго и шинель съ бархатными полами, — такія носить. А жизнь въ гостинницѣ, а извощикъ? и тѣмъ тѣмущая другихъ мелкихъ расходовъ? О Боже! воскликнулъ наконецъ штаб-ротмистръ, ну а подарки невѣстѣ? да какой еще невѣстѣ? не скажешь же ей: ваше сіятельство, пожалуйста молю тысячку рубликовъ на покупку галантерейностей, которыя вамъ же поднесу! Нѣтъ, братъ Петръ, круто повернись, а деньгу роди, если не хочешь опростоволяться.

Подумавъ два дня и двѣ ночи, костюковскій помѣщикъ отдалъ Тимошкѣ приказъ запрячь телѣгу; потому что съ наступленіемъ четвертой недѣли поста зима, разбросавъ остатки своихъ снѣговъ по глубокимъ рвамъ и оврагамъ, бѣжала къ сѣверу, предоставивъ дороги покровительству капитанъ-исправниковъ.

Штаб-ротмистръ, незнакомый ни съ какого рода страхомъ, посадилъ рядомъ съ собою Тимошку и, взявъ изъ рукъ его возжу лѣвой пристяжной и плеть, крикнулъ «пошолъ!» и привычная къ быстрому бѣгу тройка его помчалась съ мѣста, какъ изъ лука стрѣла, обдавая сѣдоковъ темноватою жидкостію, перемѣшанною съ снѣгомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ скопленія воды образовались зажоры, раздумье коней разрѣшалось сильнымъ ударомъ плети и, облитые съ ногъ до головы, господинъ и кучеръ выражали неудовольствіе свое крутымъ русскимъ словомъ, и протеревъ рукавами глаза, продолжали путь безъ оглядки. Но вотъ и большая дорога и ровъ и мостъ и городская застава. «Къ городничему!» крикнулъ Петръ Авдѣевичъ, страяхъ съ шинели своей все, что было на ней лишняго.

Съ трескомъ и грохотомъ подкатила штаб-

ротмистрская телѣга къ знакомому крыльцу и, узнавъ ее, стоявшій у окна Тихонъ Парфеньичъ, изумился до чрезвычайности. Увидѣвъ въ прихожей нѣсколько женскихъ салоповъ, костюковскій помѣщикъ спросилъ у Дениски, дома ли баринъ и кто у него?

— Лизавета Парфеновна, — отвѣчалъ Дениска, низко кланаясь.

«А Пелагея Власьевна здѣсь?»

— И Пелагея Власьевна у насъ.

«Ахъ канальство!» проговорилъ сквозь зубы штаб-ротмистръ, приостановясь у дверей залы; «да что мнѣ въ самомъ дѣлѣ?» прибавилъ онъ, махнулъ рѣшительно рукою и, толкнувъ ногою дверь, вошелъ.

Въ залѣ нашелъ Петръ Авдѣевичъ одного городничаго, поклонился ему и объявилъ, что желалъ бы поговорить съ нимъ наединѣ.

— Какіе же, помилуйте, секреты могутъ быть между нами, Петръ Авдѣевичъ? — Иронически замѣтилъ хозяинъ, — мы такъ далеки стали другъ другу, что можемъ, кажется, обойтись безъ всякихъ тайныхъ разговоровъ.

«Обстоятельства, почтеннѣйшій Тихонъ Парфеньичъ, были причиною долгаго моего отсутствія,» сказала штаб-ротмистръ, запинаясь.

— Я и не въ претензіи, сударь, поверьте.

«Что же касается до чувствъ моихъ,» сказалъ Петръ Авдѣвичъ, «то смѣю доложить, чувства пребываютъ тѣже.

— И до чувствъ мнѣ дѣла нѣтъ никакаго, то есть ни малѣйшаго дѣла; ежели же нужда вамъ до меня, Петръ Авдѣвичъ, то я по службѣ и обязанности къ услугамъ вашимъ, что угодно.

Городничій указалъ гостю на стуль, и усѣлся самъ, взявшись за бока.

«Никто не подслушаетъ насъ здѣсь?» спросилъ гость.

— Некому-съ и не для чего-съ; въ домъ, кромѣ своихъ, никого нѣтъ.

«Въ такомъ случаѣ, Тихонъ Парфеньичъ, я долженъ сказать вамъ, что имѣю дѣйствительно большую нужду.»

— Во мнѣ-съ?

«Въ васъ, Тихонъ Парфеньичъ.

— Странно! но извольте говорить, я слушаю.

«Мнѣ нужны деньги.

— Какъ-съ?

«Мнѣ нужно денегъ, Тихонъ Парфеньичъ, и очень много денегъ,» повторилъ штаб-ротмистръ.

— Какое же мнѣ до этого дѣло? помилуйте.

«Я предполагалъ, что онъ есть у васъ.

— У меня-съ?

«Да-съ.

— А ежели есть, то самъ живу и не одинъ; все покупное; безъ денегъ, какъ вамъ извѣстно, не проживешь нигдѣ.

«Но, можетъ быть, есть лишнія.

— Лишнія-съ?

«Да-съ.

— Какъ лишнія? развѣ, сударь, бываютъ у кого лишнія деньги? спросилъ съ насмѣшкою городничій.

«Я хотѣлъ сказать, Тихонъ Парфеньичъ, что, можетъ быть, есть у васъ свободныя капиталы, которые то есть въ приказѣ приносятъ малые очень проценты, то я могъ бы предложить вамъ бѣльшіе.

— Денегъ моихъ никто не считалъ, позвольте вамъ сказать, сударь, и куда бы ни клалъ я ихъ, до того нѣтъ никому никакаго дѣла.

«Вы напрасно сердитесь, Тихонъ Парфеньичъ.»

— Я не сержусь, а крайне удивляюсь вашему, милостивый государь, предложению, и не постигаю, чѣмъ я подалъ поводъ...

«Угодно вамъ меня выслушать до конца?»

— И такъ давно слушаю, кажется.

«Тихонъ Парфеньичъ, «сказалъ штаб-ротмистръ, вставая, «обстоятельства мои требуютъ, чтобы я былъ къ свѣтлому празднику въ Петербургъ; для поѣздки этой нужны деньги, которыхъ у меня нѣтъ; предлагаю вамъ въ залогъ Костюково, на немъ есть казенный долгъ, но нѣтъ ни недоимокъ, ни частныхъ взысканій; согласны ли вы дать мнѣ по шестидесяти рублей ассигнаціями за душу, всего семь тысячъ двести рублей? я сію минуту совершаю актъ; согласны-ли?»

— Помиложите, да гдѣ же мнѣ взять такой кушъ, — воскликнулъ городничій; но слова эти уже произнесъ онъ другимъ тономъ; — мнѣ, сударь, денегъ мыши не таскають.

«Стало не согласны?»

— Кто говорить не согласенъ, и радъ бы, то есть, совершенно радъ; имѣніе ваше знаю коротко, денегъ этихъ оно стоитъ, но, но...

«Простите же меня, что обезпокоилъ васъ.»

— Позвольте! вотъ что можно бы попробовать, сударь, ежели только вамъ будетъ не противно... у меня, побожусь, нѣтъ ни алтына, Петръ Авдѣевичъ, вы сами знаете.

«Я ничего не знаю, Тихонъ Парфеньичъ.»

— Ну, не вы; знаютъ другіе, а у сестры Лизаветы Парфеновны не попытаться ли...

«Мнѣ все равно....»

— Хотите я спрошу?

«Сдѣлайте одолженіе!»

— Такъ посидите же здѣсь, а я мигомъ возвращусь, и будьте увѣрены, что только для васъ, единственно для васъ, беру эти хлопоты на себя, сударь.

Штаб-ротмистръ отвѣчалъ на увѣреніе хозяина сухимъ поклономъ и, проводивъ глазами городничаго до дверей гостиной, принялся бить пальцами зорю на оконномъ стеклѣ. Отсутствіе городничаго было непродолжительно, а когда онъ возвратился въ залу, лицо его приняло озабоченное выраженіе.

— Какой отвѣтъ несете вы мнѣ? спросилъ штаб-ротмистръ; ежели отказъ, то, сдѣлайте милость, не томите меня, Тихонъ Парфеньичъ!

«Отказъ, сударь, не отказъ, а въ дѣль такомъ поспѣшность не годится.» отвѣчалъ городничій; «сестра не сказала нѣтъ....»

— Стало да.

«Не сказала и да; а вотъ изволите видѣть,

ей бы то есть желательно было бы знать, на какую потребу понадобилась вамъ такая сумма?

— Это мое дѣло.

«Согласенъ, сударь, но Лизаветь Парфеновнѣ какъ-то привольнѣе было бы, если бы деньги, вами просимыя, пошли на пользу вашу; хотя вы, почтеннѣйшій, и забыли насъ,» прибавилъ, улыбаясь, городничій,» но не менѣе того, все таки мы думаемъ, что Петръ Авдѣичъ намъ не чужой человѣкъ.»

«Отъ полноты сердца благодарю Лизавету Парфеновну за участіе; но тайнѣ моихъ, Тихонъ Парфеньичъ, объяснять не могу тѣмъ болѣе, что тайны эти принадлежать не мнѣ одному....»

— Понимаю-сь.

«Понимаете или нѣтъ, — дѣло ваше, я, по крайней мѣрѣ, не сказалъ ни слова.»

— Скромность вещь похвальная, Петръ Авдѣичъ, въ особенности когда въ тайнахъ участвуетъ важная особа.

«Я молчу, Тихонъ Парфеньичъ.»

— Я не проговорюсь, сударь, будьте благонадежны, а слухами земля полнится; поговаривали и о жеребчикѣ и о Костюковѣ, и о прочемъ-другомъ.

«Рта не зажмешь!»

— И не нужно, сударь, когда молва не касается чести; честь при васъ, и великая честь отбыть у тысячи соперниковъ такую особу, какова графиня Наталья Александровна.

«Тихонъ Парфеньичъ,» перебилъ не безъ внутренняго и весьма замѣтнаго удовольствія штаб-ротмистръ, «вы, какъ благородный человѣкъ, подтвердите при случаѣ, что все вами высказанное не было никогда говорено собственно мною.»

— Слѣдовательно, Петръ Авдѣичъ, слухи-то наши не безъ основанія.

«Я все таки молчу.»

— Напрасно, сударь, право напрасно; не вовсе же мы чужіе, и чтобы ни повѣрили вы намъ, съумѣемъ сохранить въ тайнѣ.

«Но что же могу я повѣрить?»

— Мало ли что; а за довѣріе люди добрые заплатили бы не глупымъ совѣтомъ, сударь; слова нѣтъ, вы и умный человѣкъ, да молодой, съдые волосы иногда стоять разсудка, а кто поручится, что дружеское мнѣніе не пригодится хоть въ Петербургъ на примѣръ; намъ не въ диковинку столица, — не разъ, сударь, бывали въ ней и живали.

«Какъ, Тихонъ Парфеньичъ, вы были въ

Петербургъ? спросилъ съ живостию штаб-ротмистръ.

— Еще бы не быть; да Петербургъ знакомъ мнѣ, какъ мой городъ.

«Какъ я радъ!» воскликнулъ Петръ Авдѣвичъ.

— Въ Петербургъ, сударь, продолжалъ городничій, свѣжему челоуку нельзя сказать, чтобъ ловко было сначала; запутаешься въ немъ, какъ разъ, безъ знакомыхъ; а у васъ есть знакомые тамъ Петръ Авдѣвичъ?....

«Одна графиня.»

— Оно хорошо, даже очень хорошо — не спорю; но, можетъ быть, покажется вамъ не то, чтобы ловко остановиться у нея въ домъ.

«Разумѣется, нѣтъ.»

— Слѣдовательно хоть первую ночь, а придется переночевать въ трактиръ какомънибудь.

«И первую и вторую и недѣлю придется, коли не больше.»

— А долго намъ реваетесь пробить въ столицъ?

«Я? да таки долговато,» отвѣчалъ съ самодовольною улыбкою Петръ Авдѣвичъ.

— Изъ этого, сударь, и заключить не-

трудно, замѣтилъ улыбаясь городничій, что слухи не ложны, и скоро вамъ на Костюково глядѣть не захочется; и то сказать, село-то Графское ни чуть не хуже, а съ такою женушкою, какъ ея сятельство и въ сель Графскомъ наврядъ ли соскучишься жить. Эхъ, Петръ Авдѣвичъ, ну что пользы морочить добрыхъ людей, расскажите по просту, свадьба вѣдь скоро?....

«Тихонь Парфеньичъ, ну, на что вамъ?....»

— Мнѣ? какъ на что? порадоваться за стараго пріятели, да предложить ему услуги по силамъ.

«Ну, ну положимъ, что скоро,» отвѣчалъ, смѣясь штаб-ротмистръ.

— На Оминой небось?....

«Ну на Оминой, потомъ-же что?....»

— А на Оминой, такъ торопиться дѣйствительно нужно и деньжонокъ призапасти не мѣшаетъ....

«Какъ же не торопиться, посудите сами, Тихонь Парфеньичъ, шила въ мышь не утаишь, и скрывать, почтеннѣйшій, не для чего; по правдѣ сказать, коли уже все знаютъ.... только сдѣлайте милость, то есть не разглашайте; знаете, не хорошо заблаговременно.»

— Предателемъ не былъ и не буду.

— И насъ позовете?...

«Еще бы; женка-то какая будетъ, не чета какойнибудь Коч...» Тутъ штаб-ротмистръ прикусилъ себѣ языкъ и присмѣлъ, зажимая ротъ.

Въ тотъ же мигъ за притворенными дверьми гостиной раздалось громкое рыданье. Городничій бросился на плачь, а Петръ Авдѣвичъ, схвативъ фуражку свою, выбѣжалъ вонъ изъ залы.

Считаю излишнимъ называть то существо, которое поднялъ Тихонъ Парфеньичъ съ пола своей гостиной.

Къ страстной недѣль всѣ нужныя бумаги для свершенія сделки штаб-ротмистра съ Елизаветою Парфеновною Кочкиною были приведены къ окончанію, и денежная сумма, за исключеніемъ значительныхъ процентовъ и еще значительнѣйшихъ расходовъ по дѣлу, вручена городничимъ Петру Авдѣвичу.

Вполнѣ счастливый костюковскій помѣщикъ, не помня себя отъ радости, приступилъ ко всѣмъ приготовлениямъ и, рассчитавъ не только дни, но часы и минуты, онъ отслужилъ въ городѣ молебень и торжественно отправился въ Петербургъ.

Тихонъ Парфеньичъ снабдилъ его всѣми нужными, по мнѣнію его, наставленіями, а Елизавета Парфеновна, забывъ всѣ прежнія, какъ она говорила, неприязненности, вручила ѣхавшему съ баринѣмъ Уляшкѣ огромный пирогъ съ печенкою.

Разсчитывая время, штаб-ротмистръ не ошибся; онъ далъ себѣ клятву прибыть въ Петербургъ наканунѣ свѣтлаго праздника, чтобъ первому поздравить ея сіятельство, и за часъ до заутрени тельгу Петра Авдѣвича остановили у московской заставы; подорожная записана, и оставалось назначить ямщику тотъ домъ, или ту гостиницу, въ которой намѣренъ былъ остановиться костюковскій помѣщикъ.

Ночь была темна и туманна, — фонари не освѣщали улицъ, а казались желтоватыми пятнами на темномъ полѣ.

Петръ Авдѣвичъ, выскочивъ изъ тельги, отыскалъ въ карманѣ цѣлую кипу скрученныхъ бумажекъ, исписанныхъ рукою Тихона Парфеньича, но адреса квартиры, въ которой двадцать три года назадъ оставался городничій, отыскать никакъ не могъ.

— Ну пошолъ куданибудь! воскликнулъ штаб-ротмистръ, обращаясь къ ямщику, да

только смотри въ хорошую гостинницу, а не въ дрянъ какую нибудь.

«Отвеземъ въ хорошую, баринъ,» отвѣчалъ ямщикъ, легонько ударяя коней. Тягача прошла Обуховъ Мостъ, Свнную Площадь, повернула на право, и проѣхавъ Невскій Проспектъ, остановилась у воротъ гостинницы Демута.

Измученный долгой дорогою, толчками и нетерпѣніемъ, штаб-ротмистръ потребовалъ скорѣе нумеръ.

— Въ какую цѣну? спросилъ не совсемъ учтиво встрѣтившій его человекъ во фракъ, принявъ прѣзжаго, сообразно русской пословицѣ, по платью.

«А вы кто то есть такой? я съ вами не говорилъ, отвѣчалъ Петръ Авдѣевичъ съ учтивостію, причиною которой былъ фракъ.

— Я? служитель здѣшній.

«Служитель?....

— Малые нумера заняты, а осталось отдѣленіе въ бель-этажѣ, продолжалъ слуга, чтобы не показалось дорогонько. — Онъ дерзко и насмѣшливо окинулъ взглядомъ грязно одѣтаго штаб-ротмистра, который въ свою очередь, узнавъ, что говорившій съ нимъ такъ непочтительно, былъ не болѣе, какъ

служитель гостинницы, не удовольствовался однимъ словеснымъ отвѣтомъ, но, засучивъ рукавъ правой руки, начиналъ заносить её по всемъ правиламъ наступательной гимнастики.

Фракъ, знакомый вѣроятно съ подобными жемами, въ одинъ мигъ перемѣнилъ мнѣніе свое о прѣзжемъ и, увернувшись отъ штаб-ротмистрской ладони, пречутивно пригласилъ его пожаловать за нимъ.

Не познакомъ штаб-ротмистра село Графское съ роскошнымъ убранствомъ комнатъ, отдѣленіе, которое отведено было Петру Авдѣвичу въ гостинницѣ Демута, конечно бросилось въ ему въ глаза. Малиновые насыщенные обои, покрытые слоемъ нечистотъ, почернѣвшіе бронзовые часы и канделябры, триповая засаленная отъ частаго прикосновенія мебель и потрескавшійся паркетъ—все это намекнуло бы всякому другому постояльцу, что хозяинъ гостинницы заставить заплатить его очень дорого за неопрятность своего параднаго отдѣленія.

Костюковскому помѣщику было не до того; заутрена началась во всѣхъ церквахъ; металлическій гулъ раздался по всей столицѣ. «Графиня, думалъ нашъ герой, вѣроятно возвратится изъ церкви не раньше, какъ

часамъ къ двумъ, много къ тремъ. Какъ же рада она будетъ! чай прождала вчера весь день и говорила: вѣрно не будетъ, сердце мое чувствуетъ, что не будетъ! а я тутъ, какъ тутъ!

Ульяшка! крикнулъ штаб-ротмистръ, по-ди внизъ, и узнай отъ кого нибудь, гдѣ живетъ ея сѣятельство графиня Бѣлорыцкая.

Ульяшка обратился съ этимъ вопросомъ къ слугѣ; слуга послалъ его къ дворнику, дворникъ пришелъ съ Ульяшкой къ штаб-ротмистру и поздравилъ его съ праздникомъ; но о жилищѣ ея сѣятельства не зналъ никто изъ прислуги гостиницы Демута.

Пойду я самъ и справлюсь въ городъ, сказалъ самъ себя Петръ Авдѣевичъ, короче будетъ.

Не умывшись и не выбривъ лица, онъ на скоро надѣлъ давно знакомый намъ сюртукъ, шинель, фуражку и, приказавъ Ульяшкѣ не отлучаться, вышелъ на улицу.

Городъ блисталъ уже тысячами огней; народъ двигался по всѣмъ направленіямъ; кареты скрещались на каждомъ шагу; всѣ лица сіяли радостію. Петръ Авдѣевичъ присоединился къ толпѣ, которая, какъ быстрый потокъ, увлекла его за собою. Черезъ минуту очутился онъ на дворцовой площа-

ди; тутъ представившаяся глазамъ штаб-ротмистра картина до того поразила его, что онъ забылъ и себя и цѣль поѣздки своей въ Петербургъ. Долго, разинувъ ротъ, не могъ онъ отвести взоровъ отъ великолѣпнаго зимняго жилища Русскихъ Царей, сіявшаго всѣмъ блескомъ своего величія. Нѣсколько далѣе и на лѣво отъ дворца, на едва колыхавшейся поверхности невскихъ водъ, качались фрегаты и другія царскія суда, разукрашенные разноцвѣтными флюгерами, флагами, и блиставшія тысячами фонариковъ; еще далѣе, на темно-синемъ горизонтѣ тянулись черною полосой величавыя стѣны крѣпости и высились къ небу безконечный шпиль Петро-Павловскаго Собора.

Дошедши до набережной, штаб-ротмистръ сначала впился жадными взорами въ описанную нами картину, потомъ повернулъ голову на сторону зимняго дворца, опоясаннаго огненнымъ ожерельемъ; сквозь стекла оконъ блеснуло ему такъ много золота, такъ много звѣздъ, что пораженный умъ Петра Авдѣевича отказался отъ дальнѣйшихъ сообщеній.

Господи Боже мой! да что же это такое въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ въ полголоса костюковскій помѣщикъ; неужто все

это мнѣ мерещится?... или доступны людямъ такія чудеса? При мысли этой онъ погрузился въ глубокую думу; а крепость, дрогнувъ, освѣтилась мгновенно яркимъ пламенемъ, разразилась страшнымъ ударомъ и покатила по дремлющей красавицѣ Невѣ волны бѣлаго дыма.... На возгласъ крепостныхъ коронадъ фрегаты царскіе отозвались оглушительнымъ грохотомъ; воздухъ потрясся, земля задрожала, и народъ русскій, обнаживъ голову, набожно перекрестился.

— Христосъ Воскресе, родимый! сказалъ какой-то бородатый старикъ въ коричневой сибиркѣ, стоящему возлѣ него штаб-ротмистру. Воистину! отвѣчалъ послѣдній, заключая бородача въ свои объятія. Кругомъ лобызались всѣ, какъ лобызается въ кружку своимъ одна родная семья.

Очень довольный неожиданнымъ приѣтствиемъ сибирки, и не простой уздной, а столичной, Петръ Авдѣевичъ обратился къ ней съ вопросомъ, не знаетъ ли она паче чаянія ея сіятельства графини Бѣлорѣцкой?...

— Знала бь батюшка, точно знавала, — отвѣчалъ бородачъ; и не разъ доводилось вывозить мусоръ со двора ея графскаго сіятельства.

«Какъ я радъ, что ты знаешь!» восклик-

нулъ штаб-ротмистръ; я, братецъ, признаюсъ тебѣ, первый разъ въ Питерѣ и ровно ни съ кѣмъ незнакомъ.»

— Такъ-съ!

«У графини же долженъ быть тотчасъ послѣ заутрени.

— А ваша милость сродственники имъ?

«Нѣтъ еще, дружокъ.

— Стало по дѣльцу какому пожаловать изволили?

«По дѣлу, братецъ.

— Понимаемъ-съ!

«Ну скажи же мнѣ пожалуста, гдѣ домъ ея сіятельства? знаю я, что въ собственномъ живеть, и улицу называли, да невдогадъ мнѣ и не записалъ; подумалъ, можетъ ли быть, чтобы въ Питерѣ не знали ея дома.

— Языкъ и до Кіева доведетъ русскаго челоуѣка.

«То - то и есть.

— Покойница-то, продолжалъ подумавъ бородачъ, проживать изволила на Литейной.

«Покойница? повторишь съ ужасомъ Петръ Авдѣевичъ.

— А не знали, ваша милость? чай годовъ двѣнадцать есть, какъ скончаться изволила.

«Ужъ какой же ты братецъ, прогово-

рилъ штаб-ротмистръ, глубоко вздохнувъ; вотъ перепугалъ на смерть то есть.

— Чего-съ?

«Я говорю, братецъ, про графиню Наталью Александровну, а ты толкуешь, прахъ тебя знаетъ, про покойницу какую-то.

— Наталья Александровна?—повторилъ бородачъ, — постой, постой! Эй, Прокопъ, а Прокопъ! подь сюда!—крикнула сибирка; и на зовъ этотъ подбѣжалъ краснощекой парень, въ длинномъ купеческомъ сюртукъ и глянцовитой шляпъ.

— Скажи, пожалуй, спросилъ старикъ, не доводилось ли тебѣ счищать дворъ у золовки покойницы графини Прасковьи Васильевны, ну то, что, знаешь, въ запрошломъ году...

— Кому требуется, тятинька?...

— Вотъ этому барину.

Быстро повернувшись къ штаб-ротмистру, молодой парень приподнялъ шляпу свою, тряхнулъ головою, вмѣсто поклона, и похристосовавшись съ Петромъ Авдѣвичемъ, объяснилъ ему на кудреватомъ нарѣчьи, что графиня Наталья Александровна, то есть золовка покойницы, живетъ въ собственной фатеръ, на Большой Морской, что домъ бо-

гатый, важнѣйшій домъ у графини; да дворян то-есть безъ всякаго обхожденія, словно гарнизонтъ какой.

Отыскать Большую Морскую было не трудно штаб-ротмистру; домъ же ея сѣятельства указалъ ему первый попавшійся ему извощикъ; но весь передній фасадъ этого дома былъ мраченъ, и въ двухъ окнахъ у самаго подъезда мелькалъ слабый свѣтъ. Петръ Авдѣвичъ постучался въ рѣзную дубовую дверь; онъ не замѣтилъ ручки звонка и другаго способа входить не зналъ; за дверьми не отозвался никто. Петръ Авдѣвичъ повторилъ удары, тоже молчаніе; онъ повернулся къ дверямъ спиною и каблуками поднялъ такой стукъ, что дремавшій у лѣстницы швейцаръ въ испугъ и съ просонья опрометью бросился къ подъезду.

Увидѣвъ небритаго и покрытаго грязью господина, привратникъ ея сѣятельства съ негодованіемъ спросилъ у штаб-ротмистра, за чѣмъ онъ лѣзетъ.

— У себя ли графиня?

«Графиня? повторилъ протяжно швейцаръ, продолжая всматриваться въ вопрошавшаго. А что тебѣ въ томъ, у себя ли гра-

финя, за чѣмъ пожаловалъ въ такую пору? стащить, небось, что нибудь.

— Ахъ ты грубіянь; ахъ ты неучъ этакой! заревѣлъ разгнѣванный костюковскій помѣщикъ; — да знаешь ли, ракалія, что скажи я только слово ея сіятельству, праху твоего не останется здѣсь!

Принимая вѣроятно ранняго гостя за бродягу, встрѣтившаго свѣтлый праздникъ слишкомъ весело, опытный привратникъ, не желая заводить шуму, прехладнокровно взявъ Петра Авдѣвича за плечо, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ сдѣлать какое бы то ни было сопротивленіе, вытолкнулъ его за дверь, и заперъ её на ключъ.

Бѣшенство штаб - ротмистра дошло до высочайшей степени; онъ бросился было назадъ, но дубъ устоялъ, и какъ ни кричалъ Петръ Авдѣвичъ, на крикъ его не появлялся болѣе швейцаръ, а явились два дворника, вооруженные метлами. Они подошли къ нему съ обѣихъ сторонъ, и взявъ подъ руки, свели съ крыльца, и приговаривая, «ступай, ступай любезный,» проводили до самаго Невскаго Проспекта. Напрасно объяснялъ имъ Петръ Авдѣвичъ, что ея сіятельство коротко ему знакома, что пріѣхалъ онъ въ Питеръ единственно для

того, чтобы повидаться съ нею, что ея сіятельство приказала ему пріѣхать, дворники не переставали легонько подталкивать его, приговаривая однозвучное «ступай, ступай, любезный!»

— Хорошо же, я васъ ужю, проговорилъ Петръ Авдѣвичъ, и, бросивъ на проводниковъ своихъ гнѣвный взглядъ, скорыми шагами пустился вдоль проспекта.

Домохранители ея сіятельства, постоявъ съ минуту на углу улицы, молча возвратились домой, а костюковскій помѣщикъ, вспомнивъ, что не знаетъ, гдѣ остановился, сталъ въ тупикъ. По счастью, Полицейскій Мостъ показался ему знакомымъ; извозчики навели Петра Авдѣвича на самую ближнюю гостинницу, и гостинница эта оказалась Де-мутовойю.

Взойдя въ свое отдѣленіе, костюковскій помѣщикъ взглянулъ въ зеркало и ужаснулся; лицо его и одежда не могли не произвести на швейцара неблагопріятнаго впечатлѣнія, и помирясь мысленно съ ночными неудачами своими, Петръ Авдѣвичъ положилъ отерочить свиданіе свое съ ея сіятельствомъ до поздняго утра. Вытребовавъ рюмку водки и кушанья, онъ повѣлъ, раздѣлся и легъ отдохнуть.

Ульяшка, повытаскавъ изъ чемодана скромный барскій скарбъ, развѣсилъ его по всѣмъ диванамъ, кресламъ и стульямъ; потомъ вычистилъ ваксою штаб-ротмистрскіе сапоги, выбилъ трубку и, не снимая тулупа, улегся на одной изъ кушетокъ, обитыхъ трипомъ, которая показалась Ульяшкѣ удобнѣе прочихъ. Слуга заснулъ прежде господина; думать было ему не о чемъ; дворца и Невы онъ не видалъ; а поужинать успѣлъ Ульяшка въ плотную, выпить также; чего же болѣе для русскаго челоуѣка невзыскательнаго по природѣ своей?

Давно проснулась столица, и народъ кипѣлъ въ ней, какъ въ котлѣ. Въ блестящихъ каретахъ мчались по Невскому Проспекту блестящіе мундиры; дождь визитныхъ карточекъ лился въ прихожія богатыхъ домовъ; все бодрствовало, все шевелилось кругомъ и не шевелился одинъ штаб-ротмистръ, не шевелился и вѣрный грязнымъ привычкамъ своимъ Ульянъ, превратившій въ нѣсколько часовъ прикосновеніемъ своимъ бархатъ кушетки въ матерію невѣдомаго рода.

При пробужденіи, штаб-ротмистра ожидало нѣсколько новыхъ неудачъ; во первыхъ онъ проснулся не въ восемь часовъ, а въ четыре по полудни; значило, часть поздрав-

леній прошелъ давно; во вторыхъ, Петру Авдѣевичу объявили, что всѣ магазины и лавки не отойдутъ до четвертаго дня праздника, а въ третьихъ, донесъ дворникъ, что въ Кирочной, по врученному ему штаб-ротмистромъ адресу, не нашелся тотъ, отрекомендованный Тихономъ Парфеньичемъ портной, жившій въ Петербургѣ двадцать два года назадъ, а отыскался таковой близъ Чернышева Моста; дворникъ вызывался даже проводить къ нему штаб-ротмистра, но не ранѣе четвертаго дни праздниковъ, потому что «въ первые дни всякой гуляетъ,» замѣтилъ дворникъ.

Петръ Авдѣевичъ вздохнулъ протяжно, помочилъ языкомъ своимъ усь, подергалъ его и разсудилъ, что показаться ему въ свѣтъ, не представившись ея сіятельству, было бы крайне неловко, и лучше просидѣть эти дни на своей половинѣ и дать время лицу и рукамъ штаб-ротмистра отойти. Лицо штаб-ротмистра и руки были дѣйствительно такого не нормальнаго цвѣта, что, разсматривая ихъ внимательно, можно было бы подумать, что продержалъ ихъ Петръ Авдѣевичъ въ какомъ нибудь химическомъ растворѣ, въ составъ котораго вошло изрядное количество ѣдкихъ веществъ.

Трое суток провель костоюковскій помѣщикъ у окна гостинницы своей, отъ утра до сумерекъ; а въ сумерки выходилъ въ коридоръ и, куря трубку, бесѣдовалъ то съ слугами гостинницы, то съ мимопробѣгавшими горничными; у первыхъ спрашивалъ онъ, что дѣлается новенькаго, а у послѣднихъ, кто ихъ господа и изъ какой губерніи.

Наступило утро четвертаго дня. Пробудясь довольно рано, Петръ Авдѣевичъ, приказавъ нанять суточного извозчика и въ сопровожденіи дворника пустился въ городъ. Первый визитъ, имъ сдѣланный, былъ къ портному Савелью Лебедкину, обитавшему на чердакъ близъ Чернышева Моста. Портной, худенькій человѣчекъ съ известковыми наростами на ногтяхъ, сначала разсыпалъ на столъ кучу разноцвѣтныхъ кусочковъ шерстяныхъ матерій и помогъ выбрать изъ нихъ самую модную, потомъ, снявъ съ штаб-ротмистра мѣрку, обязался поторопиться изготовленіемъ всѣхъ заказанныхъ ему штукъ.

Отъ портнаго Петръ Авдѣевичъ захватилъ въ гостинный дворъ, купилъ полдюжины готоваго бѣлья съ прошивочками, манжеты на руки, шляпу, палку, двѣ пары сапогъ,

стклянку съ восточнымъ букетомъ, то есть начулею и очень довольный всеми пріобрѣтенными вещами, возвратился въ гостинницу. Вечеръ того дня прокурилъ онъ въ билиардной палкинскаго трактира, а все слѣдующее утро употребилъ штаб-ротмистръ на дополненіе въ гостиномъ дворѣ своего щегольскаго туалета; онъ не забылъ ни пестраго шарфа, ни булавки съ розетками, ни блестящихъ запонокъ, ни перчатокъ перваго сорта, при томъ просторныхъ, какъ вообще любилъ ихъ, находясь еще въ службѣ.

Побуждаемый то дворникомъ, то Уляшкою, Савелій Лебедкинъ окончилъ къ сроку принятый заказъ и всѣ штуки разомъ принесъ ожидавшему его Петру Авдѣвичу; то было въ пятницу.

Глаза костоюковскаго помѣщика разбѣжались, когда Лебедкинъ съ свойственною портному ловкостію разостлалъ передъ нимъ новый «туалетъ» его, и дѣйствительно, ничто не могло сравниться съ изысканностію цвѣтовъ тѣхъ матерій, изъ которыхъ были сшиты новыя платья: какія полосы не бѣжали по нижнимъ платьямъ, съ какими другими полосами не смѣшивались онъ, образуя то кружки, то полукружки; а пуговицы на голубомъ и коричневомъ фракѣ! поднеси ихъ

къ свѣту, глазамъ больно станеть; на иныхъ красовалась древесная вѣтка, на другихъ словно звезда съ лучами и всякими прочими затѣями. Больше всего понравился Петру Авдѣвичу лиловый жилетъ съ вышитымъ бордюромъ и такимъ выпуклымъ, что дотронься до него слѣпой, онъ тотчасъ бы догадался, въ чемъ сила. Поблагодаривъ Лебедкина за платье и снабдивъ его новыми заказами, штаб-ротмистръ приказалъ Уляшкѣ сходить за цирюльникомъ, а самъ усмься бриться.

Ровно въ полдень вошелъ костюмовскій помѣщикъ въ прихожую дома ея сіятельства; швейцаръ, неузнавшій гостя, доложилъ, что графиня еще не принимаетъ.

— Скажи братецъ ея сіятельству, что я не посторонній, а Петръ Авдѣвичъ Мюнаба-Полевеловъ, и больше ничего; впрочемъ, пріятель, ихъ сіятельствотамъ уже знаютъ...

Посланнѣй швейцаромъ слуга немедленно возвратился и, къ великому удивленію перваго, доложилъ гостю, что изволили приказать просить.

Поправивъ воротнички манишки и пригладивъ волосы, Петръ Авдѣвичъ съ трепетнымъ біеніемъ сердца пошелъ по лѣстницѣ на верхъ.

На Петръ Авдѣвичъ былъ коричневый фракъ, лиловый жилетъ, пестрый шарфъ, стразовая булавка, блестящія запонки и панталоны полосатые до крайности. Цирюльникъ придалъ головѣ его запахъ бергамота, смѣшаннаго съ поджареннымъ масломъ, оставшимся вѣроятно на щипцахъ, лацканы же фрака и носовой платокъ заражены были восточнымъ букетомъ пачули.

Пройдя длинную амфиладу комнатъ, далеко не столь роскошную на глаза Петра Авдѣвича, какъ покой села Графскаго, онъ повстрѣчалъ хозяйку въ дверяхъ спальни.

— Здравствуйте, сосѣдъ! воскликнула графиня, съ такою же точно улыбкою на устахъ, съ какой обыкновенно встрѣчала она сосѣда своего мѣсяцъ назадъ. — Очень, очень рада видѣть васъ; наконецъ вы въ Петербургъ, сосѣдъ! — прибавила она, протянувъ ему свою ручку.

«Я пріѣхалъ не сегодня, ваше сіятельство, а какъ приказать изволили, то есть какъ разъ къ заутрени свѣтлаго Христова Воскресенья.

«Что же вы дѣлали до сихъ поръ и по чему не были еще у меня?»

— Я былъ, ваше сіятельство, но люди ваши не допустили меня.

«Быть не можетъ!

— Божусь.

«Но когда же? мнѣ ничего не сказали.

— Я заходилъ, ваше сіятельство, поздравить въ утро перваго дня.

«Теперь понимаю ,» перебила графиня , «люди мои были напуганы какимъ-то бродягою, а, можетъ быть, и негодяемъ, который, вообразите себѣ, сосѣдъ, былъ такъ дерзокъ, что насильно ворвался въ домъ и кричалъ такъ громко, что люди должны были прибѣгнуть къ силѣ и съ трудомъ выгнали его на улицу; вотъ отъ чего и васъ, думаю, какъ незнакомаго человека, не приняли.»

Слушая ея сіятельство, костюковскій помѣщикъ вспыхнулъ и не только не назвалъ имени бродяги, но навелъ разговоръ на другіе предметы.

Наталья Александровна, какъ и въ селѣ Графскомъ, посадила рядомъ съ собою Петра Авдѣевича, напоила его кофеемъ, смѣялась, шутила, но, чего не замѣчалъ штаб-ротмистръ, называла его не иначе, какъ «сосѣдъ»; а называла его такъ графиня потому, что имени и отечества припомнить никакъ не могла.

Два часа пробылъ счастливецъ въ прекрасномъ будуарѣ графини и премило вы-

провоженъ былъ ею, съ строгимъ приказомъ не забывать ее и являться часто и безъ церемоній.

— Боже праведный! за что изливаешь Ты на недостойнаго раба твоего такую благодать! повторилъ съ чувствомъ костюковскій помѣщикъ, и чѣмъ я заслужилъ столь великія щедроты Твои? И рѣчь эту повторялъ по нѣсколько разъ въ день Петръ Авдѣевичъ.

Усердно промаясь часть ночи, штаб-ротмистръ далъ обѣтъ сходить пѣшкомъ въ Невскій Монастырь отслужить угоднику молебень, потомъ поклониться Казанской Богоматери. Черезъ сутки онъ снова отправился къ своей графинѣ; но черезъ сутки графиня не могла принять его; она поздно легла въ постель и будить себя не приказала.

Петръ Авдѣевичъ прождалъ три дня, а на четвертый сдѣлалъ новую попытку: графини не было дома.

Что же бы это значило? подумалъ костюковскій помѣщикъ и, пропустивъ еще нѣкоторое время, снова явился въ прихожую ея сіятельства.

Промежутки между визитами своими къ ея сіятельству убивалъ Петръ Авдѣевичъ

частью на улицахъ, частью въ бильярдной палкинскаго заведенія, гдѣ удалось ему завести обширнымъ знакомствомъ; тамъ нашелъ герой нашъ людей очень обязательныхъ и счастливыхъ игроковъ, говорю счастливыхъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ выигрывали у Петра Авдѣевича только тогда, когда Петръ Авдѣевичъ ставилъ порядочный кушъ; другіе же изъ обязательныхъ знакомцевъ палкинскаго заведенія не играли съ нимъ вовсе, но держали пари, удваивая куши при выигрышѣ; а результатъ штаб-ротмистрскаго препровожденія времени въ бильярдной обозначался половиною убылью капитала, занятаго у Лизаветы Парфеновы Кочкиной. Впрочемъ стоило ли думать Петру Авдѣевичу о такихъ пустякахъ? не шло ли ему небо въ числѣ великихъ щедротъ десять тысячъ душъ и много прочаго другаго? Съ такими утѣшительными мыслями и прибылъ онъ въ домъ ея сіятельства послѣ недѣльной разлуки.

На обычный вопросъ: принимаетъ ли графиня? швейцаръ отвѣчалъ: пожалуйста. И въ томъ же будуарѣ засталъ графиню штаб-ротмистръ, и на томъ же креслѣ пилъ съ ея сіятельствомъ кофе, и долго, долго говорилъ

и шутилъ. Графиня продолжала называть его просто сосѣдомъ.

На этотъ разъ произошла въ свиданіи Петра Авдѣевича съ ея сіятельствомъ одна только ничтожная вариція: вошелъ въ будуаръ, безъ доклада, какой-то, очень недурный собою, молодой человекъ, который даже не поклонился графинѣ, а просто пожалъ ей руку и, съ любопытствомъ посмотрѣвъ на штаб-ротмистра, преспокойно усѣлся на первое попавшееся кресло.

Страннымъ показалось костюковскому помѣщику, что на молодомъ человекѣ этомъ не было ни запонокъ, ни булавокъ, ни даже нестраго платка, а просто что то черное; ниже платье его не притянуто даже было къ низу двумя глянцовитыми штрипками, а вмѣсто шарфа на шеѣ былъ небольшой чернѣй платокъ, повязанный весьма небрежно; «разгильдяй!» подумалъ штаб-ротмистръ, отвернувшись отъ помѣшавшаго ему гостя.

Нужно было графинѣ, какъ хозяйкѣ дома, спросить у новаго гостя что нибудь; она и спросила по французски. Петръ Авдѣевичъ уже понималъ это нарѣчіе, и понималъ, что графиня спросила, отъ чего ухалъ онъ вчера такъ рано отъ нея?

«Je tombais de sommeil» отвѣчалъ небрежно молодой человекъ.

Невѣжа! подумалъ Петръ Авдѣевичъ.

Въ свою очередь и молодому человеку нужно же было спросить у хозяйки что нибудь, онъ и спросилъ у нея, взглянувъ искоса на штаб-ротмистра: «D'où vous tombez ce prodige?»

— Cela? c'est un de mes pauvres voisins de campagne, brave homme du reste, que je voudrais marier.

«Avec qui donc, par exemple?»

— Peu importe, отвѣчала смѣясь графиня.

И этихъ немногихъ словъ достаточно было Петру Авдѣевичу, чтобы, забывъ все приличія, издать глухой, ужасный стонъ, поблговѣть и подняться на ноги.

— Что съ вами, что это? воскликнула испуганная графиня, со страхомъ смотря на него.

— Ни-че-го-съ! отвѣчалъ штаб-ротмистръ, и, шатаясь, вышелъ изъ будуара.

Въ тотъ же вечеръ, заплативъ въ гостиницѣ Демута, по неповѣренному никѣмъ счету, костюковскій помѣщикъ приказалъ нанять лошадей до первой станціи и въ сумерки выѣхалъ изъ Петербурга въ той самой телѣгѣ, въ которой въѣхалъ въ него такъ недавно.

Петръ Авдѣевичъ не пилъ, не ѣлъ, не спалъ и не говорилъ ни слова. Въ кармазѣ Петра Авдѣевича находилось достаточно денегъ на прогонѣ, на весь путь до Костюкова. Какое счастье!

Первымъ дѣломъ штаб-ротмистра, по приѣздѣ его на родину, было слѣдующее распоряженіе: онъ снялъ со стѣнъ своего домика картины, оружія и прочія украшенія, бережно уложилъ все въ ящики и вмѣстѣ съ мягкою мебелью отправилъ въ село Графское, потомъ принялся Петръ Авдѣевичъ сидать со стѣнъ разноцвѣтныя бумажки, а кончивъ и это занятіе, приказалъ разставить по комнатамъ все, что находилось въ нихъ до приѣзда графини. Горностаи подвергся той же участи, но разстаться съ нимъ штаб-ротмистръ не могъ еще рѣшиться никакъ, онъ просидѣлъ въ стоемъ его цѣлый часъ, а возвратившись въ спальню, прилежъ на трехногій диванъ свой и горько, горько заплакалъ.

Въ продолженіи одной недѣли голова штаб-ротмистра покрылась сѣдиною, глаза его потухли, щеки впали, а отросшая борода придавала недавно свѣжему лицу его выраженіе страдальца; онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, не входилъ въ хозяйство, а ежели случалось Кондратью Егорову докладывать,

что нужно-бы купить кое что для дома, но денег не было въ конторь, Петръ Авдѣвичъ отвѣчалъ обыкновенно: ненужно, и знакомъ приказывалъ приказчику выйти.

Такъ протянулась еще недѣля, а за нею настала и срокъ платежа семи тысячъ двухъ сотъ рублей, занятыхъ у Кочкиной. О срокъ этомъ конечно не вспомнилъ бы костюковскій помѣщикъ, но вспомнилъ Тихонъ Парфеньичъ, и въ сообществѣ Дмитрія Лукьяновича пожаловалъ въ Костюково.

Войдя въ первую комнату, городничій оглянулся во всѣ стороны и покотился со смѣху....

— Ба! воскликнулъ онъ, утирая глаза рукою, старые знакомые, добро пожаловать; посмотри-ка братъ Дмитрій! и стульчики и столы все наслѣдственное, видно гости-то развѣхались по домамъ; ай да Петръ Авдѣвичъ, вотъ разодолжилъ! Новый смѣхъ, къ которому присоединился и смѣхъ Дмитрія Лукьяновича, раздался въ бѣдныхъ стѣнахъ жилища штаб-ротмистра.

— Гдѣ же баринъ? спросилъ наконецъ Тихонъ Парфеньичъ у Кондратя Егорова, стоявшаго у дверей въ грустной задумчивости.

«Баринъ нездоровъ,» отвѣчалъ приказчикъ.

— Чай послѣ петербургскихъ свадебныхъ пировъ? чему дивиться, занеможешь какъ разъ съ непривычки-то; ну, братецъ, такъ ведиге насъ къ нему: дѣльцо есть небольшое.

Петръ Авдѣвичъ, не обративъ никакого вниманія на слышанный имъ смѣхъ и сарказмы, просилъ гостей извинить его и присѣсть.

— Рады бы, сударь, да недосугъ намъ, почтеннѣйшій, отвѣчалъ городничій; мы, извольте видѣть, пожаловали къ вамъ по дѣльцу.

«По какому, Тихонъ Парфеньичъ?»

— Сегодня срокъ, сударь, должикъ; онъ, разумеется, плѣвый для васъ; ну а сестръ Лизаветь....

«У меня нѣтъ денегъ, Тихонъ Парфеньичъ, сказалъ равнодушно штаб-ротмистръ.

— А нѣтъ, такъ и не нужно; условіе останется въ полной силѣ; а сказано въ немъ: что буде я, то есть отставной штаб-ротмистръ Петръ Авдѣвѣвъ сынъ Мюнаба-Полевеловъ такого-то числа и года не возвращу обратно вдовѣ надворнаго совѣтника Лизаветь Парфеновой Кочкиной, полученныхъ

мною въ видѣ задаточной суммы, семи тысячъ двухъ сотъ рублей государственными ассигнаціями, — то вольна она Лизавета Парфеновна дочь Кочкина вступить во владѣніе родовымъ имѣніемъ моимъ — и проч. и проч.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

«Что?» повторилъ смѣясь городничій, «а что же дѣлать? или возвратить заимствованную сумму, или снабдить хоть меня, или пожалуй племянника форменною довѣренностію, для свершенія именемъ вашимъ купчей крѣпости. Да, я вѣдь и забылъ было сообщить вамъ, мой почтенный, о сочетаніи законнымъ бракомъ родной племянницы, вы помните её, можетъ статься, Пелаген Власевны съ Дмитриемъ Лукьянычемъ.

Штаб-ротмистръ не отвѣчалъ ни слова.

— Что же вы, сударь, не поздравите меня, вотъ это не хорошо, прибавилъ Тихонъ Парфеньичъ, я въ подобномъ, или правда не совсемъ подобномъ случаѣ, а помнится и радовался и поздравлялъ васъ...

Высказавъ это, городничій кивнулъ штатному смотрителю, и оба зажали рты платками, чтобы не лопнуть со смѣху.

Убѣдившись, что Петръ Авдѣевичъ или не слышитъ ничего, или уже Богъ знаетъ

что съ нимъ дѣлается, Тихонъ Парфеньичъ подложилъ ему заблаговременно подготовленную довѣренность на имя самаго городничаго.... Петръ Авдѣевичъ все таки молча подписалъ довѣренность, расписался въ книгѣ и снова легъ на диванъ.

— Теперь остается, сударь, какъ ни шекотливо, но формы Петръ Авдѣичъ, формы, ужъ извините меня, остается, говорю, узнать, сколько то есть времени располагаете вы пробить.... здѣсь?...

«Я? отвѣчалъ штаб-ротмистръ, въ Костюковъ моемъ?...

— Ну сударь, не совсемъ въ вашемъ....

«Да, да, простите разсыянность, Тихонъ Парфеньичъ.... все думаю о другомъ....

— Это ничего, это отъ усталости, должно быть, замѣтилъ, но только уже не смѣясь, городничій.

«Я выйду сегодня, сей-часъ....

— За чѣмъ же, сударь? никто не гонить!

«Нѣтъ, Тихонъ Парфеньичъ, нѣтъ, я, я... вотъ видите... съ этимъ словомъ штаб-ротмистръ улыбнулся какъ-то странно, опустилъ руки и закрылъ глаза....

Гости было бросились къ нему, позвали людей, но видя, что Петръ Авдѣевичъ не

приходить въ себя, почли за лучшее не беспокоить его далѣе и удалиться.

Въ одиннадцатый день, послѣ описаннаго нами происшествія, кучеръ Тимошка, не отходившій отъ постели больного барина своего ни на шагъ, замѣтилъ, что лицо Петра Авдѣевича будто оживилось, а дыханіе барина становилось ровнѣе и правильнѣе; Тимошка, недовѣряя себѣ, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и тотчасъ же возвратился въ нее, ведя за собою, знакомаго уже намъ, Готфрида Югана Гертмана.

— Взгляните-ка, Федоръ Ивановичъ, сказалъ шопотомъ кучеръ, ей Богу, бариновато личико словно оживилось.

«И точно покраснѣлось будто, замѣтилъ Нѣмецъ, а вотъ дай-ка спирту, я попробую потереть виски, да дамъ понюхать.

Тимошка взялъ на столъ сткланку и передалъ ее графинному управляющему.

Едва коснулась вата ноздрей больного, онъ повернулъ голову и раскрылъ глаза....

Увидѣвъ это, добрый кучеръ крикнулъ отъ радости; но Федоръ Ивановичъ унялъ его знакомъ, и продолжалъ ухаживать за штаб-ротмистромъ, то согрѣвая треніемъ руки его, то давая больному вдыхать спиртъ; заботы управляющаго не пропали, и совер-

шенно пришедши въ себя, больной спросилъ законоецъ слабымъ голосомъ: гдѣ онъ, что съ нимъ и отъ чего онъ ничего не помнитъ?

Тимошка пустился было въ объясненія; но и въ этотъ разъ, приказавъ ему молчать, Федоръ Ивановичъ попросилъ Петра Авдѣевича не начинать говорить, пока хотя нѣсколько укрѣпится, и не проспитъ часокъ-другой.

Штаб-ротмистръ повиновался и крѣпко заснулъ; въ это время Тимошка, съ радости, напился до полусмерти. Оба, какъ баринъ, такъ и кучеръ проснулись почти въ одинъ часъ, но уже не въ этотъ день, а въ слѣдующій. Петру Авдѣевичу исполнилось двадцать девять лѣтъ, слѣдовательно четырнадцать часовъ сна послѣ кризиса нервной горячки, только что не поставили его на ноги; онъ спросилъ поѣсть, и проглотилъ за одинъ разъ миску бульёну съ порядочнымъ кускомъ блага хлѣба; потомъ спросилъ трубку, въ одинъ мигъ выкурилъ её до-тла, и, подзвавъ къ себѣ Федора Ивановича, принялся спрашивать его какъ о болѣзни своей, такъ и обо всемъ прочемъ, что съ нимъ случилось; бѣдный костюковскій помѣщикъ не помнилъ ровно ничего.

Господинъ Готфридъ описалъ ему подроб-

но весь припадки нервного воспаления, не забывь упомянуть и объ усердіи Тимошки и другихъ людей, а потомъ уже коснулся и прочаго....

Штаб-ротмистръ, выслушавъ господина Готфрида, спросилъ наконецъ: по какому же случаю находится еще онъ, костюковскій помѣщикъ, въ сельцѣ своемъ Костюковѣ, когда Костюково это не принадлежитъ ему болѣе.

На вопросъ штаб-ротмистра, графскій управляющій отвѣчалъ улыбаясь, что по случаю продажи имѣнія, къ ея сіятельству послана была имъ господиномъ Готфридомъ эстафета, и по эстафетѣ же полученъ отвѣтъ, въ которомъ ея сіятельство немедленно и за какую бы то ни было цѣну, приказать изволили перекупить Костюково у госпожи Кочкиной, на имя прежняго владѣльца; а какъ Лизавета Парфоновна изъявила согласіе уничтожить все выданные ей штаб-ротмистромъ документы за десять тысячъ рублей ассигнаціями, то и привезъ эту сумму господинъ Готфридъ штаб-ротмистру.

— Гдѣ же деньги эти? спросилъ, поблѣднѣвъ, костюковскій помѣщикъ; глаза его страшно блистали.

Федоръ Ивановичъ, все таки улыбаясь,

вынулъ изъ кармана тщательно завернутую кипу ассигнацій и подалъ еѣ больному.

Вскочивъ съ постели какъ сумасшедшій, штаб-ротмистръ судорожно схватилъ деньги и бросилъ ихъ въ лицо управляющему.

— Скажите богатой графинѣ вашей, воскликнулъ надменно полумертвецъ, что съездъ можетъ быть преглуною, безсмысленною тварью, но подлцомъ, — никогда! Прощайте господинъ Готфридъ!

Оробѣвшій Нѣмецъ хотѣлъ было возражать, но Петръ Авдѣевичъ дружески пожалъ ему руку и, указавъ на дверь, громко позвалъ Уляшку.

Въ сумерки того же дня костюковскій помѣщикъ одѣлся съ ногъ до головы въ свое старое платье; новое же роздалъ людямъ. Отцовскія бумаги бросилъ онъ въ печь, положилъ въ карманъ къ себѣ кошелькъ съ оставшимися отъ прогоновъ деньгами и, помолясь передъ иконами, вышелъ, никѣмъ не замѣченный, изъ дому.

Черезъ мѣсяцъ переехали на житье въ Костюково, новые владѣльцы его, а именно недавно перешедшій изъ штатныхъ смотрителей въ становые пристава Дмитрій Лукьяновичъ и супруга его Пелагея Васильевна.

Кучеръ Тимошка за безпросьпное пьянство сосланъ былъ на поселеніе.

Прошло десять мѣсяцевъ послѣ происшествій, описанныхъ нами; настали святки. Давно не доводилось терпѣть такой стужи, какъ въ ту люгую зиму.

Въ одну изъ крещенскихъ морозныхъ ночей, въ окно постоялаго двора, стоявшаго поодадь отъ деревни постучался какой-то прохожій.

— Кого Богъ даетъ? спросила хозяйка, льниво слъзая съ палатей; увидѣвъ сквозь замерзшее окно прохожаго, она зажгла лучину и отперла дверь.

Въ избу вошелъ человекъ, навзглядъ лѣтъ пятидесяти; лицо его было блѣдно и худо; одежда прохожаго не походила на крестьянскую, не походила она и на солдатское одѣяніе, а представляла что-то среднее между военнымъ и крестьянскимъ. Посмотрѣвъ на него съ недовѣрчивостію, хозяйка разбудила мужа и шепнула ему что-то на ухо. Хозяинъ постоялаго двора, отставной солдатъ, менѣе боязливый, чѣмъ жена его, убъдившись, что у прохожаго не было ни ружья, ни палицы, и вида, что, снявъ съ себя сумку, онъ преспокойно усълся подъ образами,

спросилъ у него, не хочетъ ли онъ чего перекусить?

Прохожій пошарилъ въ карманахъ, въ сумкѣ и, не найдя видно денегъ, отвѣчала, что ѣсть не хочетъ, а выпилъ бы воды и охотно прилежъ бы на печь.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ, любезный? отвѣчала хозяйинъ, вода въ сняхъ, а печь вотъ она, ложись съ Богомъ!

Прохожій взялъ со стола кружку, вышелъ въ сѣни и, отыскавъ въ углу кадку съ водою, напился и возвратился въ избу; потомъ, поставивъ кружку на прежнее мѣсто, онъ перекрестился, легъ на печь, подложивъ себѣ подъ голову сумку.

— Видно шаромыжникъ какой, шепнула хозяйка на ухо хозяину.

«Богъ съ нимъ, пусть себѣ выспится; простору много въ избѣ,» отвѣчала тотъ, укладываясь на палатяхъ, и снова тишина воцарилась на постояломъ дворѣ. По происшествіи нѣкотораго времени, новый стукъ послышался у дверей и на этотъ разъ не одинъ, а много голосовъ долетѣло до слуха хозяевъ.

Засвѣтивъ лучину, хозяйка, какъ и прежде, бросилась отпирать наружную дверь, и въ избу при этомъ вошло нѣсколько ломовыхъ

извощиковъ того разряда, которымъ весьма дорожатъ содержатели постоялыхъ дворовъ.

«Милости просимъ, милости просимъ!» кричалъ съ палатей своихъ хозяинъ, «чай проголодались? такъ и похлебать найдется что въ печи.»

— Встимо проголодались, хозяинъ, отвѣчалъ одинъ изъ извощиковъ, отдирая отъ бороды своей ледяныя сосульки, а есть что въ печи, такъ ставъ поскорѣй и хлѣба подать потрудись!

Извощики, побросавъ шапки свои въ одинъ уголь и снявъ пояса, стали расхаживать вдоль и поперекъ избы, постукивая ногами и разминая различными движеніями тѣла оледенѣлые члены.

— Ну морозецъ Богъ послалъ, началъ тотъ же парень, духъ захватываетъ, въ горю-то и коши не берутъ, словно по желѣзу каленому ступаютъ.

«А издадеча ѣдете?» спросилъ хозяинъ.

— Изъ-подъ Кіева; вотъ безъ мала третью недѣлю тащимся, путь-то бѣдовый, что будетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, а за Черниговымъ ни порошинки снѣга, грѣхъ такой право.

«Тутъ снѣгу не оберетесь, а льсами и дорога добрая, хоть шаромъ покати.

Во время разговора мужа съ извощиками, хозяйка постлала на столъ кусокъ холстины, и, вытащивъ изъ печи чугуны со щами, вынула изъ него мясо, которое, свѣсивъ при извощикахъ, изрѣзала въ мелкіе куски, и высыпала обратно въ тотъ же чугуны; свѣшенъ былъ предварительно и хлѣбъ, поданный гостямъ; за первымъ блюдомъ поставлена была на столъ корчага съ кашей, за кашею подана была половина барана, зажаренаго въ саль, а заключился ужинъ огромною мискою молока съ ситникомъ. Поглотивъ все безъ остатка, извощики, молились у образа, снимали тулупы и укладывались спать, кто на лавкахъ, а кто на печь.

«Да тутъ лежить кто-то,» воскликнулъ одинъ изъ извощиковъ, замѣтивъ спящаго прохожаго, «напрасно же хозяева вы не сказали намъ, что есть постояльцы у васъ.»

— Это бездомокъ какой-то, отвѣчала хозяйка, а вотъ я разбужу его. И подошнувъ къ печи скамейку, она стала на нее и принялась расталкивать прохожаго. «Доброй человѣкъ,» сказала супруга отставнаго солдата, «проезжіе ребята хотятъ отдохнуть, ты же чай высался, такъ Богъ съ тобой, скоро разсвѣнетъ.»

Прохожій приподнялъ голову, посмотрѣлъ

рѣлъ молча на хозяйку, потомъ слѣзъ на полъ, надѣлъ сумку свою на плечи и, отыскавъ палку, вышелъ изъ избы.

Предутренній морозъ охватилъ его бѣднаго въ свои холодныя объятія, но за спиной бездомка щелкнула дверь; предъ нимъ лежала дорога, онъ поднялъ глаза къ небу, завернулся въ свое рубище и пошелъ....

Въ эту ночь мерзли птицы небесныя, въ эту ночь собакъ своихъ не оставили бы на дворъ добрые хозяева, и въ эту же ночь вытолканъ былъ несчастный прохожій потому только, что у прохожаго не оказалось ни гроша денегъ, чтобъ заплатить за скудный ужинъ на постояломъ дворѣ, стоявшемъ на землѣ графини Натальи Александровны Бѣлорѣцкой.

На утро одинъ изъ лѣсниковъ графини, обходя участокъ свой, увидѣлъ человѣчскій слѣдъ, проложенный кѣмъ-то съ большой дороги въ лѣсъ. «Воръ,» подумалъ лѣсникъ, идучи по слѣду. Шагахъ въ двухъ стахъ отъ большой дороги, онъ вдругъ остановился и, затрясшись всѣмъ тѣломъ, снялъ шапку... Въ сторонѣ, на древесномъ пнѣ сидѣлъ бѣлый мертвецъ, покрытый рубищемъ; мутные глаза его были открыты, они какъ будто смѣялись.

Прібхавши на мѣсто съ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, становой узналъ его и, не смотря на то, что смѣявшійся мертвецъ былъ никто иной, какъ соперникъ становаго Петръ Авдѣевичъ, Дмитрій Лукьяновичъ даже не улыбнулся. Улыбнуться же покойника заставила предсмертная мысль его: онъ замерзалъ съ увѣренностію принадлежать впродъ вмѣстѣ съ землею помѣщицѣ.